

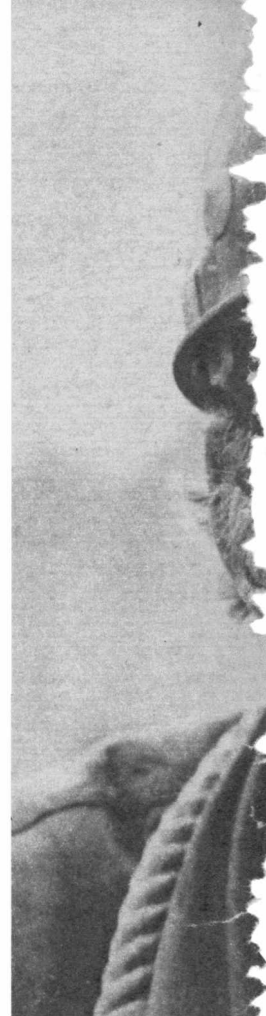
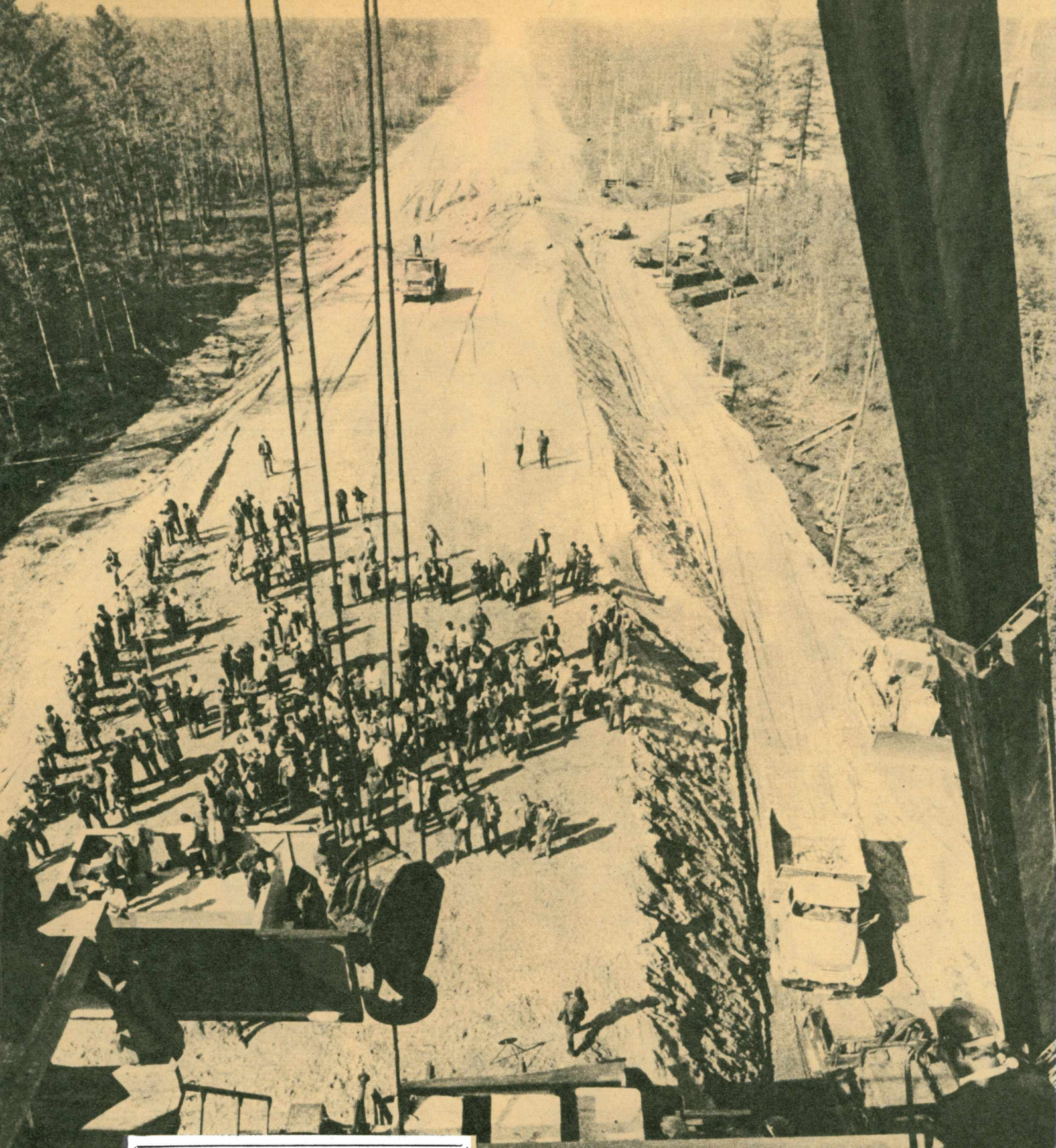

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 38 СЕНТЯБРЬ 1984

Вчера
здесь был
торжественный
митинг,
сегодня
на насыпь
легли рельсы
магистральной.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 38 (2983)

15 СЕНТЯБРЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

СТ
Д
К

Лауреат премии Ленинского комсомола монтажник Иван Резниченко.

МОСТОВИКИ

«Золотой» мост БАМа.

Сергей МИХАЙЛОВ,
Фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

«Огонек» на БАМе

«Золотой», то есть последний, мост БАМа построен. Если быть точным, он последний из больших, из тех, что длиннее ста метров.

Его возвели на 845-м километре (считая со стороны Байкала) лучшие люди треста «Мостострой-10». За это право — участвовать в сооружении «золотого» бамовского моста — они боролись в своих отрядах. Победители соревнования вошли в состав прославленной бригады Юрия Коновалова — именно ей был доверен монтаж 176-метрового красавца на таежной реке Куанде.

По нормативам на работу отводилось два года. Сделали ее за шесть месяцев. Мостовики — народ особый, это рыцари трассы. И на 845-м они укладывали в сутки по две панели пролетов, такого еще не было в практике отечественного мостостроения.

Мы застали мостовиков, когда они накладывали последние штрихи на свое произведение: устанавливали шкафные блоки, готовились к снятию соединительных элементов между фермами. Работами руководит старший прораб мостоотряда № 47 Виталий Мацай. Недавний выпускник Московского института инженеров железнодорожного транспорта, он еще очень молод, но ему доверено столь ответственное дело. Здесь, на БАМе, молодым вообще доверяют многое такое, о чем их сверстники на «большой земле» могут только мечтать.

Инспектор группы заказчика Владимир Дмитриевич Матющенко оценивает качество работы.

— Так, строительный подъем... — он смотрит в нивелир и листает блокнот, — пятьдесят миллиметров. Не пойдет. Придется дотянуть.

Строительный подъем — это выпуклость пролетной фермы в ее середине. Выпуклость должна быть 70 плюс — минус пятнадцать миллиметров. Двадцать миллиметров — это при стометровой-то почти длине фермы и ее весе в 380 тонн! — уже считается недопустимым отклонением от нормы!

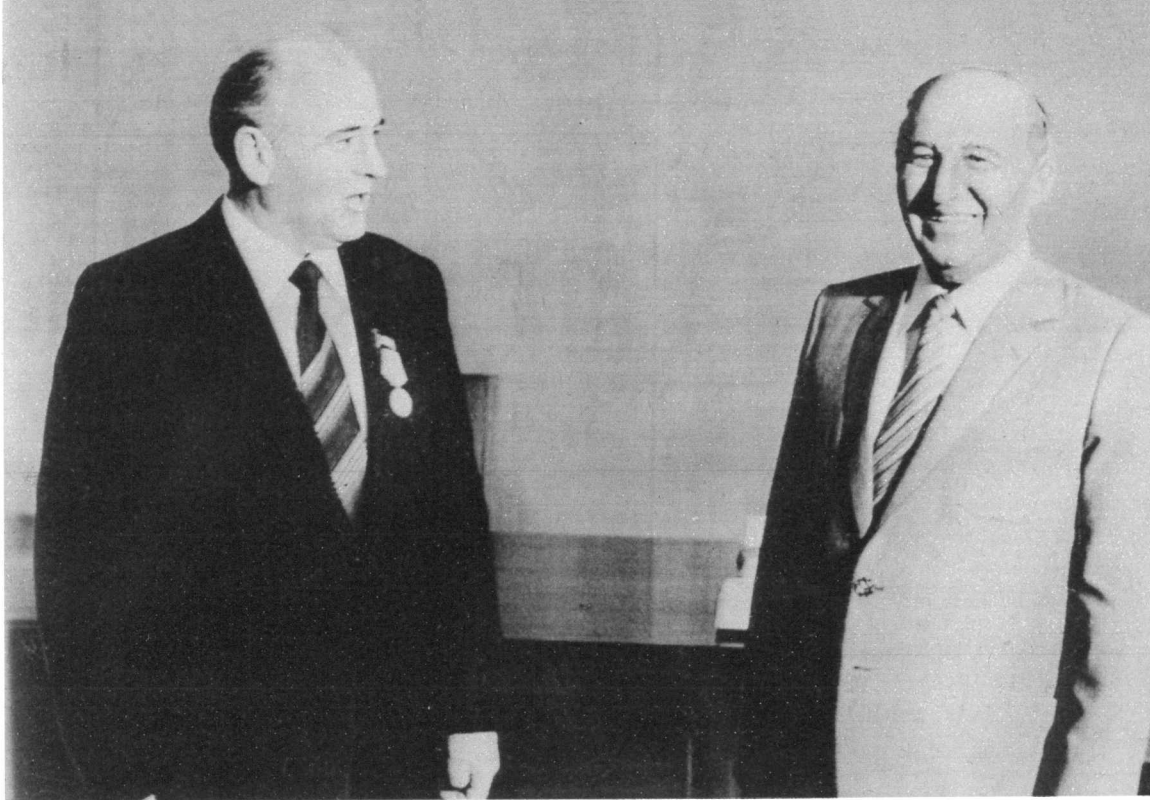
По узкому настилу ловко идет мне навстречу симпатичный человек. Знакомимся. Вахо Джаджанидзе, бригадир механизаторов, дизелист и компрессорщик, ему 34 года. Девять лет назад по комсомольской путевке приехал в тайгу из солнечной Чиатуры.

— Думал годика три на БАМе побыть, — говорит он, — а вот задержался...

— Вахо, — прошу я, — назови самого смелого человека здесь, на стройплощадке.

— И самый смелый и самый сильный — в одном лице. — Вахо показывает вверх, где на высоте шестизэтажного дома по верхнему поясу моста ходит подъемный кран. — Крановщицу зовут Таня Князькова. Настоящие мужчины для женщины всегда самое высокое место оставляют...

Светлого, улыбчивого парня с внимательным взглядом я выде-

ПРАЗДНИК

8 сентября в Софии состоялось торжественное заседание Центрального Комитета Болгарской компартии, Народного собрания, Государственного совета и Совета Министров НРБ, Совета Болгарского земледельческого народного союза, Национального совета Отечественного фронта, а также других общественных организаций страны, посвященное 40-летию социалистической революции в Болгарии.

С докладом выступил Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков.

— Непобедимой Советской Армией, с решающей помощью которой мы завоевали свою свободу, сынам и дочерям Советского Союза, — подчеркнул он, — наша братская благодарность и признательность. Социалистическая Болгария не забудет их подвига во веки веков. За четыре десятилетия, — отметил Т. Живков, — Болгария в корне изменила свой облик. Социализм победил на нашей земле окончательно и бесповоротно.

Затем выступил тепло встреченный участниками торжественного заседания глава советской партий-

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РАБОЧЕЙ

6 сентября в Аддис-Абебе в торжественной обстановке открылся учредительный съезд Рабочей партии Эфиопии (РПЭ). В его работе приняли участие делегаты, избранные на прошедших по всей стране учредительных конференциях, посланцы коммунистических и рабочих партий других стран, представители национально-освободительных движений и международных демократических организаций. Тепло встретили собравшиеся делегацию КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Г. В. Романовым.

Съезд открыл Председатель Временного военного административного совета (ВВАС) и Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ) Менгисту Хайле Мариам, который дал высокую оценку четырехлетней деятельности КОПТЭ, заложившей основу авангардной партии.

7 сентября с докладом ЦК КОПТЭ на учредительном съезде РПЭ выступил Менгисту Хайле Мариам. Он подчеркнул, что к настоящему времени программа национально-демократической революции в основном выполнена.

лился сразу, потихоньку за ним наблюдал, но не спешил знакомиться, почему-то наперед зная, что это произойдет само собой. Так и случилось. Разговорились как-то с монтажником Анатолием Резниченко, он на БАМе всего три месяца, приехал сюда из Днепропетровской области — и вот сразу так повезло: попал в бригаду Юрия Коновалова. Только начали разговор, как Анатолий предложил:

— Пойдемте, я вас со своим братом познакомлю. Он у меня человек знаменитый, лауреат премии Ленинского комсомола, на третьем курсе института заочно учится, коммунист и вообще...

И подвел к тому самому светлому пареньку.

Для Ивана Резниченко, любимца бригады, БАМ начался с 1977 года, сразу после армии. Сначала

был подсобным рабочим, на подхвате, что называется. Цемент разгружал, воду в бочках возил...

Вспоминаю слова звеньевика Петра Мигулько:

— Работать с Ваней Резниченко одно удовольствие, первый найдет выход из самого трудного положения. Отличный парень, жизненный мужик.

Я и сам видел, как красиво Иван работает. Чтобы трудиться так, надо свою работу очень любить.

— Откуда берется в человеке трудолюбие? — спрашиваю.

— У нас с братом от отца, — отвечает Иван. — Добрейший он был человек. Кондрат Евсейч. Три раза на войне был ранен, дошел до Берлина, потом в милиции служил, старшиной, как и на фронте. От старых ран в конце концов умер... Всегда людям спешил помочь —

дома чинил, крыши крыл. С бедных да стариков денег за это не брал. И всегда работал на совесть.

...Мост через Куанду оказался самым трудным в этом году для сорок седьмого отряда. Как рассказывает его начальник Владимир Матвеевич Онищук, мостовики вели настоящую битву, от успеха которой зависело очень многое, в первую очередь — сможет ли путеукладчик бригады Александра Бондаря без задержки пройти к месту стыковки. Труднее всего оказалось сделать опалубку для промежуточной опоры — той, что должна была встать посреди реки. Ее русло в этом месте было усеяно валунами, топляком — затонувшими и замытыми в грунт деревьями, прочными, как железо, поди попробуй забить тут шпунт для опалубки, металл коржится, а в дно не идет. Много

дней и ночей воевали мостовики с рекой — одолели наконец. Перед самым паводком...

Когда кончили сооружение русской опоры, у Владимира Матвеевича на лице появились багровые рубцы от нервного перенапряжения...

Итак, «золотой» мост магистрали построен. По нему уже прошел путеукладчик. Что же дальше? Куда теперь направятся мостостроители?

— На север, — ответил Николай Николаевич Бутов, заместитель начальника «Мостостроя-10».

— И когда отправляетесь? — спросили мы.

— Когда соберемся, я за вами зайду, ведь наш трест недалеко от вашей редакции находится.

Не забудьте, Николай Николаевич!

Читинская обл.

но-правительственной делегации член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

В тот же день состоялась встреча Т. Живкова с главами делегаций братских социалистических стран, прибывших в НРБ на празднование 40-летия социалистической революции в Болгарии. В сердечной, товарищеской беседе М. С. Горбачев, главы других делегаций поздравили Т. Живкова, весь болгарский народ с юбилеем социалистической Болгарии. Они пожелали коммунистам, болгарским трудящимся новых успехов в строительстве развитого социалистического общества в НРБ.

9 сентября на празднично украшенной площади имени 9 сентября состоялись военный парад и демонстрация трудящихся, посвященные 40-летию социалистической революции в Болгарии.

Глава советской партийно-правительственной делегации М. С. Горбачев вручил Всенародному комитету болгаро-советской дружбы орден Трудового Красного Знамени. Этой награды комитет удостоен за плодотворную деятельность, направленную на укрепле-

ние и дальнейшее развитие нерушимой братской дружбы и сотрудничества между народами двух стран. Советских наград удостоена также группа ветеранов движения за болгаро-советскую дружбу.

Выступая на митинге, посвященном вручению наград, М. С. Горбачев от имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, лично К. У. Черненко горячо и сердечно поздравил с высокими наградами активистов, ветеранов, всех участников движения за болгаро-советскую дружбу.

— Дружба между народами Советского Союза и Болгарии проверена временем, закалена в общей совместной борьбе. Мы будем ее беречь и приумножать. Могучая движущая сила этой дружбы — тесное, постоянно расширяющееся взаимодействие КПСС и БКП. В нерушимом союзе наших партий мы видим гарантию крепости болгаро-советских отношений на сегодня, так и на многие годы вперед, — подчеркнул М. С. Горбачев.

На снимке: во время встречи. Телефото В. Будана (ТАСС)

ПАРТИИ ЭФИОПИИ (РПЭ)

На съезде выступил тепло встреченный собравшимися глава делегации Коммунистической партии Советского Союза член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Г. В. Романов.

— Начало качественно новому этапу в развитии советско-эфиопской дружбы, — подчеркнул он, — положил сентябрь 1974 года. Товарищ К. У. Черненко сказал об этом так: «Между нашими народами существуют давние дружественные связи. Но только после победы эфиопской революции... эти отношения по-настоящему расцвели, засверкали новыми гранями».

Сегодня эти отношения строятся на испытанных принципах равенства и интернациональной солидарности. Они скреплены Договором о дружбе и сотрудничестве между СССР и Социалистической Эфиопией.

8 сентября состоялось подписание долгосрочной программы экономического сотрудничества между Советским Союзом и Социалистической Эфиопией, которая ставит развитие экономических отношений между двумя странами на плановую основу.

10 сентября учредительный съезд Рабочей партии Эфиопии (РПЭ) завершил работу. Он провозгласил создание в стране авангардной партии, одобрил ее программу и устав. Делегаты съезда избрали Центральный Комитет РПЭ. Состоявшийся затем первый пленум ЦК РПЭ единодушно избрал Генеральным секретарем ЦК партии Менгисту Хайле Мариам. После оглашения результатов выборов центральных органов РПЭ слово было предоставлено главе делегации КПСС на учредительном съезде члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС Г. В. Романову.

С заключительным словом выступил Генеральный секретарь ЦК РПЭ Менгисту Хайле Мариам.

В тот же день Г. В. Романов вручил товарищу Менгисту Хайле Мариаму личное поздравление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко в связи с избранием его на пост Генерального секретаря ЦК Рабочей партии Эфиопии.

На снимке: во время работы съезда. Телефото АДН — ТАСС

ЧАСЫ ПУЩЕНЫ

9 сентября в Москве в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное открытие матча на первенство мира по шахматам между советскими гроссмейстерами чемпионом мира Анатолием Карповым и претендентом Гарри Каспаровым.

Выступая при открытии, председатель оргкомитета по проведению матчей на первенство мира по шахматам 1984 года, министр культуры СССР П. Н. Демичев выразил уверенность, что предстоящие со-

стязания внесут новый вклад в сокровищницу шахматного искусства, послужат делу дальнейшего прогресса и массового развития популярной игры.

10 сентября в Волгограде состоялось торжественное открытие матча за мировую шахматную корону между советскими гроссмейстерами чемпионом мира Майей Чибурданидзе и претенденткой Ириной Левитиной.

10 и 11 сентября в обоих матчах были пущены часы.

Леонид Аркадьевич КОСТАНДОВ

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское государство понесло тяжелую утрату.

5 сентября 1984 года на 69-м году жизни скоропостижно скончался видный организатор советской химической промышленности, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, заместитель Председателя Совета Министров СССР Леонид Аркадьевич Костандов.

Л. А. Костандов родился 27 ноября 1915 года в городе Керки Туркменской ССР. Трудовой путь начал в 1930 году машинистом хлопкозавода, работал бригадиром на шелкомотальной фабрике в городе Чарджоу. После окончания Московского института химического машиностроения был начальником цеха, главным механиком, директором Чирчикского электрохимического комбината.

С 1953 по 1957 год работал начальником Главного управления Министерства химической промышленности СССР, а с 1958 — заместителем, а затем первым заместителем председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по химии.

В 1963 году Л. А. Костандов назначается председателем Государственного комитета химического и нефтяного машиностроения, а в 1964 году председателем Государственного комитета хими-

ческой промышленности при Госплане СССР. С 1965 года он работал министром химической промышленности СССР, а с ноября 1980 года до последних дней жизни был заместителем Председателя Совета Министров СССР.

На всех постах, где бы ни трудился Л. А. Костандов, он проявлял незаурядные инженерные способности, яркий талант организатора, партийную принципиальность и требовательность. Сочетая скромность, большое личное обаяние с чутким и внимательным отношением к людям, он свой богатый опыт и кипучую энергию постоянно направлял на успешное выполнение директив партии и правительства по развитию химии.

При его активном участии в короткие сроки создана мощная современная промышленность минеральных удобрений и химических средств защиты растений, оказывающая большое влияние на решение задач, предусмотренных Продовольственной программой страны. Ускоренное развитие получило производство полимерных материалов, синтетических волокон, широкой гаммы нефтехимических продуктов, товаров народного потребления. Л. А. Костандов внес значительный вклад в осуществление научно-технического прогресса во всех отраслях химической индустрии, в химизацию народного хозяйства. Много было сделано им для развития и упрочения сотрудничества в области химии со странами — членами СЭВ.

Л. А. Костандов — член КПСС с 1942 года. На XXIII съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК, а на XXIV, XXV и XXVI съездах — членом Центрального Комитета КПСС, являлся депутатом Верховного Совета СССР с 1966 года.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Л. А. Костандова перед Родиной, наградив его тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета» и многими медалями.

Светлая память о Леониде Аркадьевиче Костандове, верном сыне Коммунистической партии Советского Союза, отдавшем всю свою жизнь служению Родине, навсегда сохранится в наших сердцах.

К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Г. Ф. Сизов, И. В. Архипов, А. К. Антонов, Н. К. Байбаков, И. И. Бодюль, В. Э. Дымшиц, Н. В. Мартынов, Т. И. Марчук, З. Н. Нуриев, Л. В. Смирнов, Н. В. Талызин, Б. Е. Щербина, М. С. Смиртюков, В. Г. Афонин, С. А. Шалаев, В. М. Мишин, Т. Н. Ментешавили, А. П. Александров, А. М. Школьников, В. В. Листов, А. Г. Петрищев, В. С. Федоров, К. И. Брехов, М. И. Бусыгин, Н. А. Мальцев, В. А. Динков, Т. З. Хурашшин, М. Г. Гапуров, Л. А. Борисов, А. Е. Петров.

Александр ПАЛЛАДИН

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ
ИЗ ВАШИНГТОНА

АМЕРИКА ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

Жил я тихо-мирно три года в Америке и вдруг стал, впрочем, как и другие мои соседи, чрезвычайно популярной персоной: каждый день получаю пухлую пачку посланий. Пишут, непременно обращаясь по имени, американцы, которых я если когда и видел, то только на фотографиях или на телеэкране, но с кем ни разу не перекинулся и парой слов. Незнакомцы шлют письма с факсимиле и подписанные собственноручно в цветных и белых конвертах, иные на трех-четыре страницы, иные в несколько строк. Концовка всех этих посланий, однако, стандартна: не угодно ли, мол, раскрыть перед нижеподписавшимся кошелёк; согласен на подобное благодеяние нужно лишь перечеркнуть в прилагаемом бланке соответствующую клетку и выписать на имя просителя чек. То и другое нужно вложить в услужливо присланный тебе конверт с заранее проставленным адресом отправителя, приклеить марку — и вот ты можешь считаться участником шумного, длящегося многие месяцы процесса, именуемого избирательной кампанией.

За те многие годы, что в США практикуется подобное вымогательство, его усовершенствовали до вида оружия, без промаха бьющего в цель. Быют на гражданские чувства и милосердие, но порой играют и на тщеславии. К

примеру, лидер республиканского большинства в сенате Говард Бейкер «от имени Рональда Рейгана» призывает внести долларовую лепту в переизбрание нынешнего президента и в награду сулит уйму благ: именную золотую медаль «за заслуги», неотъемлемый атрибут стопроцентного американца, освященный на особой церемонии в Капитолии звездно-полосатый флаг, а также занесение в «почетный список выдающихся граждан», который по заполнении вручат Рейгану и впоследствии передадут на вечное хранение в федеральный архив. Стоит вся эта земная благодать сто двадцать долларов — совсем недорого по нынешним дорогим временам.

Если повезет, почта доставит и личное послание хозяина Белого дома. Суть его та же: просьба оказать поддержку и финансовую помощь, за что глава государства и первая леди Америки заранее приносят свою благодарность. Как и четыре года назад, в порядке ответной любезности адресату сулят место на почетной трибуне при приведении президента к присяге — разумеется, если Рейган добьется переизбрания.

В былые времена ходили с шапкой по кругу, ныне ради пополнения предвыборных фондов используют компьютеры: электроника обеспечивает поголовный охват населения и, стало быть, зна-

чительно повышает эффективность попрошайничества. Во всяком случае, своим пребыванием в Белом доме Рейган немало обязан шефу одной из подобных служб — Ричарду Вигери.

Но и мелочью не гнушаются. Иду я на днях по 18-й стрит и вижу: стоит сам президент, без охраны, и с улыбкой протягивает руку; пригляделся к нему — стоит неподвижно, застыла и знаменитая президентская улыбка, вот только взор его скользит мимо, не останавливаясь ни на ком. Задерживаются здесь прохожие вроде меня: подойдут к фигуре вплотную и, заняв какую кому нравится позу, по очереди чего-то ждут. А уж ведут себя развязнее некуда! Один чуть ли не повис у «Рейгана» на шее, другой лезет на него с кулаками, третий делает вид, будто непременно болтает с главой государства... Впрочем, это ж не президент, а наклеенный на фанерный силуэт фотодвойник! В его компании можно и сняться, выложив четыре доллара (снимок в рамке — на доллар дороже).

Пока фотограф, молодой, сноровистый парень, советует очередному клиенту, как стать, чтобы вышло правдоподобней, завожу разговор с его напарницей. Оказывается, тщеславие жителей и гостей Вашингтона тешат сразу три таких двойника. Они подкарауливают празднующихся

в бойких местах неподалеку от Белого дома, так что лишь успевай поворачиваться.

— Не прогневили живого прототипа таким святотатством? — спрашиваю собеседницу.

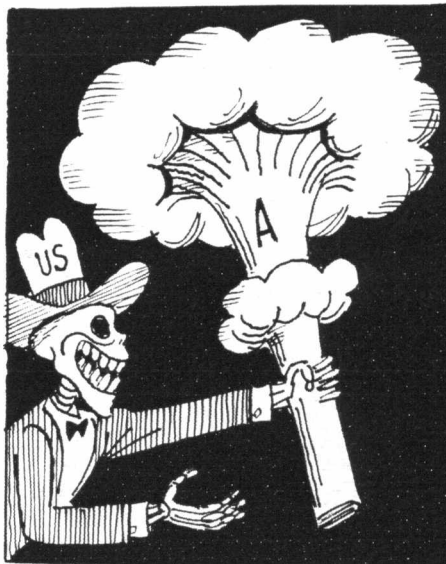
— Да что вы! Агенты секретной службы и прочие сотрудники Белого дома, кого нам доводилось снимать, утверждают, что президент от нашей затеи в восторге — считает нас воплощением идеи свободного предпринимательства. Видели бы, какие хвосты к нам выстраивались на съезде республиканцев в Далласе!..

Дальше, однако, разговор не сложился. Мой вопрос: «Делите ли прибыль на всех, кто к этому бизнесу причастен?» — положил конец импровизированному интервью. Наверное, потому, что в США не принято интересоваться чужими доходами и политическими симпатиями...

Вернемся, однако, в Даллас, где в двадцатых числах августа правящая в США республиканская партия благословила Рейгана на попытку задержаться в Белом доме на второй срок. Серьезным обозревателям съезд не понравился, ибо его исход был заранее предreshен. Положение не спасли ни яркие декорации, ни 85 тысяч воздушных шариков (то-то потом было мороки агентам секретной службы, получившим приказ пе-

МИЛИТАРИСТСКАЯ ОСЕНЬ

Рисунки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Гриб [заокеанский].

Сбор плодов [агрессивных].

рестрелять застрявшие под потолком «Конвеншн-центра» шары из духовых ружей!), ни дюжина арендованных в цирке слонов (символ республиканской партии), которых в дни съезда водили по улицам Далласа.

На цирк, по мнению сторонних наблюдателей (о чем свидетельствуют, например, письма читателей газеты «Лос-Анджелес таймс»), смахивало и все это шоу. Пока его солисты и режиссеры договаривались за кулисами о партийной платформе, о содержании и очередности речей, накормленные и напоенные ими участники массовки добросовестно отработывали свои номера: по команде трясали звездно-полосатыми флагами, горланили лозунг-здравицу Рейгану «Еще четыре года!», строили в телекамеры рожи, совали в объективы верноподданнические транспаранты, значки и даже предметы туалета вроде шляп в виде слоновьих голов. Все делалось по строгому сценарию, копии которого были розданы транслировавшим съезд телекомпаниям. Ведущие то и дело в него заглядывали, чтобы предсказать: «Сейчас слово предоставят оратору имярек, чье выступление предварит 5-минутный (в других случаях 10-, а то и 15-минутный. — А. П.) ритуал размахивания флагами, скандирования таких-то лозунгов и демонстрации таких-то транспарантов». После этого, справедливо считая, что зрителям подобные «вспышки энтузиазма», обрывки, телевизионщики включали рекламу предметов «неодушевленных» — по крайней мере так и именующую да к тому же щедро оплаченную.

Кульминацией саморекламы республиканцев стал фильм, посвященный нынешнему главе Белого дома. Сделали его лица, ранее подготовившие аналогичные ленты во славу пепси-колы и Майкла Джексона (сегодняшний идол здешних любителей поп-музыки). Получилось похоже: по выражению комментатора Эн-би-си, картины воздействуют не на разум, а на чувства. В 18 минут экранного времени втиснули 26 эпизодов с президентом на фоне на-

ционального флага (не считая кадров, где Рейгана сняли у могил американских военнослужащих и других национальных святынь). Бывший голливудский актер и ныне смотрится на экране отменно: то он, как заправский пентагоновский чин, берет под козырек, то замирает в гордом молчании, то, как сказал обозреватель Том Уикер, пустит «глицериновую слезу»... Не фильм, а киноиллюстрация формулы успеха в здешней политике, которую вывел старейшина американской журналистики Джеймс Рестон: «Не так важно быть, как казаться искренним».

Искусством создавать и поддерживать в народе иллюзии администрация США владеет в совершенстве. Многие также считают, что по этой части она намного превзошла все предшествующие. Все, что противоречит ее интересам и не укладывается в сочиненные ею доктрины, в лучшем случае игнорируется, в худшем (что случается чаще) извращается и передается анафеме. Последнее — в буквальном смысле слова, ибо республиканская партия пытается узурпировать право говорить с согражданами от имени... всевышнего. «Сам господь на стороне Рейгана», — звучит подтекст снятого о президенте фильма. «С нами бог!» — громогласно заявляют с партийных амвонов его последователи, не замечая — либо не желая замечать — созвучия своего лозунга с девизом главарей «третьего рейха».

Попутно самозванные наместники божьи ведут подкуп под своих политических соперников, обвиняя тех в отсутствии патриотизма. В Далласе Рейган перекрестил республиканскую партию в «американскую». Как при разгуле маккартизма, власть придерживающие норовят сделать синонимами слова «либеральный» и «подрывной», объявить вне закона любое политическое течение, хоть на дюйм отстоящее влево от их собственного. Неспроста участники съезда в Далласе делились на категории: консерваторов, правых консерваторов и ультраконсерваторов. Недаром они приняли на ура махро-

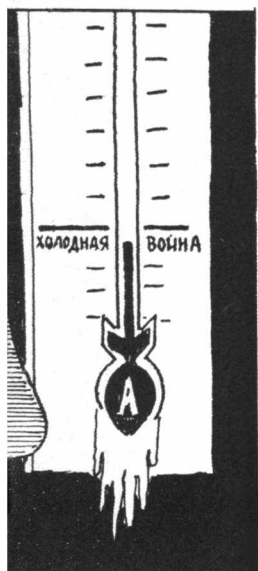
вого реакционера Голдуотера, который двадцать лет назад даже в их среде выглядел белой вороной, а сейчас повторил свое прежнее кредо: «Экстремизм на страже свободы не порок», — и был встречен овацией. И не случайно при появлении Рейгана делегаты съезда выкинули лозунги «Немедленно сократить все невоенные расходы!», «Нам нравятся твои шуточки, Ронни!» — имея в виду «радиоюмор» насчет бомбардировки СССР.

Олицетворяя наиболее реакционное, милитаристское крыло монополистической буржуазии, нынешняя администрация пытается вытравить из памяти избирателей свои многочисленные провалы во внутренней и внешней политике с помощью оголтелого шовинизма, загнать демократическую партию в угол. Со своей одобренной в Далласе политической платформой республиканцы предстают партией войны, ибо ставят целью добиться стратегического превосходства над СССР как залога продолжения и активизации курса на достижение мирового господства. Рисуюсь перед соотечественниками, глава Белого дома играет мускулами и в смысле прямом. Здешнюю печать обошел символический снимок: Рейган в своем кабинете, сцепившись ладонями с известным силачом, берет над ним верх. «Сила есть, а думать наш избиратель не привык», — комментирует предвыборные отчеты республиканцев вашингтонский обозреватель Хейнс Джонсон. У думающих американцев мороз пробежал по коже и при словах президента: «Осталось еще много недоделанного», — коими он обосновал свое желание баллотироваться на второй срок. «Вашингтон пост» отреагировал на это карикатурой: глава Белого дома сидит за пультом управления подъемным краном с подвешенным к его стреле чугуном ядром, которым пользуются для сноса ветхих строений, а вокруг — здания с надписями «социальные нужды», «помощь беднякам и безработным», «советско-американские отношения», «международная стабильность»...

Тем временем, по образному выражению еженедельника «Тайм», «президент снял перчатки»: 6 ноября не за горами, в борьбе за Белый дом все средства хороши. Традиция давняя, как сама система здешних выборов. «Вор», «предатель», «мошенник», «убийца», «сифилитик», «прыщавый старый пьяница» — такими и даже более неслестными эпитетами награждали друг друга американские политики прошлого. Ныне подобные выражения в избирательных кампаниях употребляются несравненно реже, что, однако, не изменило сути этих кампаний. Травле подвергается лидер американского негритянского населения Джесси Джексон, обещавший положить голоса черных избирателей на чашу весов, которая отведена демократам. Затеею длительное, рассчитанное на весь предвыборный период копание в финансовых делах Джеральдин Ферраро, которую демократическая партия выдвинула кандидатом на пост вице-президента страны. Самых демократов и их сторонников, как уже упоминалось, скопом пытаются записать чуть ли не во враги нации.

В этой обстановке демократы во главе с Мондейлом рассчитывают в ряде вопросов обойти республиканцев справа, что практически невозможно. Не имея четкой оперативной программы, они действуют с постоянной оглядкой на консервативные слои избирателей, главным образом критикуют нынешнюю администрацию, в лучшем случае предлагая взамен половинчатые решения. В 1976 году предвыборная платформа демократов была изложена 85 тысячами слов, четыре года спустя содержала на 8 тысяч слов больше, а сейчас и вовсе разбухла до 145 тысяч. Налицо наращивание формы с целью скрыть скудость содержания. «В этом смысле, — считает даже симпатизирующая демократам «Вашингтон пост», — обе буржуазные партии США стоят в мире особняком по части неустойчивости раздаваемым обещаниям и прокламируемым идеалам».

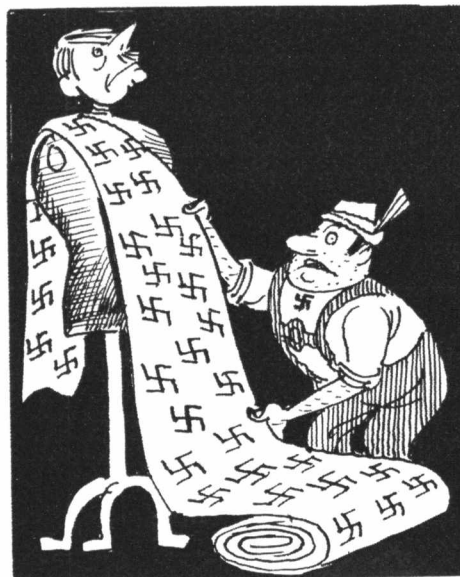
По телефону.

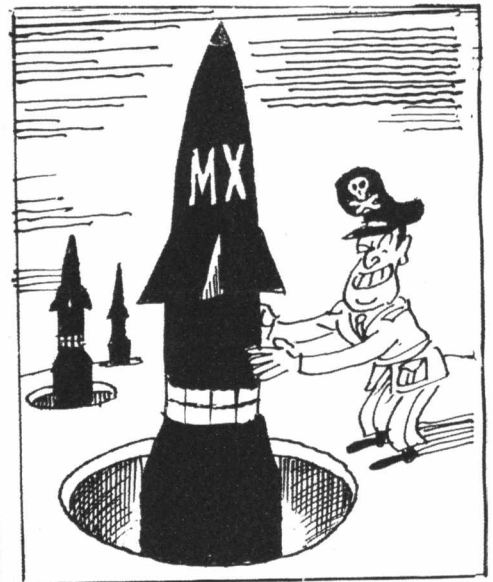
Поголодание (приблизное).

Дождь (лживых обещаний).

Моды (реваншистские).

Осенние посадки (по-пентагоновски).

ЧИТАТЕЛЬ СОВЕТУЕТ

В №№ 32 и 37 редакция обратилась к читателям за советом: каким быть «Огоньку» в 1985 году. Мы просили подсказать новые темы, назвать адреса будущих командировок, поделиться мнением о наших постоянных рубриках, о художественном оформлении журнала.

Получены первые отклики. Редакция благодарит за присланные пожелания, замечания, советы. Сегодня мы публикуем некоторые из читательских писем.

ЗДЕСЬ НИКОГДА НЕ УМОЛКАЕТ МОЛОДОСТЬ

Выписываю журнал 45 лет. Много вы пишете о подвиге нашего народа в Великой Отечественной войне. За это спасибо. Конечно, в 1985 году, году 40-летия Победы, подвигу солдата, офицера, генерала, партизана первое слово. Но не забывайте о героизме советских людей в тылу, они тоже совершили подвиг. Дети, женщины, старики ковали нашу общую Победу.

Вспоминаю такой факт. В 1943 году на паровозе воинского эшелона произошла авария. А это значит, что срывался график движения почты на всем участке Амурской железной дороги. А поезда шли на

фронт... Помощь подойдет через 4—5 часов, не раньше. Машинист, не раздумывая, вскочил в раскаленную топку, установил колосники. В назначенное время мы прибыли на место, но за это было заплачено человеческой жизнью. Мне не удалось установить фамилию героя-машиниста. Но таких фактов, когда в тылу совершали подвиг не ради славы, тысячи. Этим людям посвящай, «Огонек», свои стихи, очерки, рассказы.

М. ГРЕЧНЕВ,
генерал в отставке

Москва.

Много пишется об охране природы. Публикации эти дают, как правило, положительные результаты. Но тем не менее разрушение и, я бы сказал, подчас ограбление природы во многих районах продолжается. Создавая новое, нужное для человека, мы губим природу.

В этом проявляется бесхозяйственность, неумение планировать, нежелание подумать о будущем. «Огоньку» следует освещать эти вопросы систематически, и критика должна быть более острой.

Я. КАНТЕР

Таллин.

Я, как и большинство моих друзей-читателей, хочу, чтобы «Огонек» год от года хорошел. Вот мои соображения на этот счет.

Больше пишите о странах социализма, давайте чаще интервью с учеными, которые знакомы с достижениями нашей науки.

У меня, вашего постоянного читателя, две личные просьбы. Молодость моя прошла на Алтае. Именно в «Огоньке» я бы хотел прочитать об этом крае, его хлеборобах, животноводах. И еще. Обратитесь к английскому писателю Дж. Олдриджу. Опубликуйте его рассказы, повесть, публицистику. Я всегда жду произведения Дж. Олдриджа на страницах «Огонька».

М. ПИСКУНОВ,
ветеран Великой Отечественной войны

Таллин.

К вам обращается коллектив финансового управления объединения «КамАЗ» г. Брежнева. Город наш молодой, о наших производственных успехах знает вся страна. Но, к сожалению, у нас только один музей — музей истории города, одна картинная галерея. Да и слово «галерея» звучит слишком громко: это маленький выставочный зал в жилом доме. Естественно, нам хочется иметь постоянное общение с живописью. В этом большую помощь оказывает «Огонек» со статьями и репродукциями о русских, советских и зарубежных художниках.

С большой радостью мы встретили рубрику «Шедевры» и просим в новом году обязательно продолжить ее. К сожалению, коллекционированием мы занялись недавно, всего три года назад, и каждая интересная репродукция для нас — еще один шаг к познанию искусства.

Коллектив финансового управления по «КамАЗ» г. Брежнев.

Есть родители, которые перекладывают воспитание детей на плечи государства, школы, общества, забывая, что нравственные качества ребенка воспитывает в первую очередь семья. Пишите о «трудных» семьях, о «трудных» подростках, о тех, кто должен помочь им встать на ноги. Многие делается по месту жительства детей.

Работают клубы юных техников при эжах, кружки. Есть настоящие энтузиасты, которые отдают все свободное время детям. Расскажите о них. Воспитание юношества, по-моему, тоже «боевая» тема для «Огонька».

Д. КУДРЯШОВ

Орск,
Оренбургской обл.

Больше публикуйте материалов, связанных с проведением в жизнь школьной реформы. Она охватывает все звенья народного образования: дошкольные учреждения, школу, подготовку учителей, профессиональное обучение. И хотя эти звенья относятся к разным ведомствам, «брак», допущенный в одном звене, отражается на всех остальных этапах воспитания.

Пишите о том, что делается

для поднятия престижа учительской профессии, публикуйте репортажи из школ, дайте слово самому учителю. У нас тысячи прекрасных педагогов. Разыщите их, привлекайте их к участию в педсовете на страницах «Огонька». Подумайте, может, стоит открыть рубрику «Слово учителю, наставнику».

К. РЯХОВСКАЯ,
педагог

Москва.

Я с особым пристрастием отношусь к словам «публикуется впервые». Мне нравится, что «Огонек» часто помещает материалы, которые никогда и нигде не прочитаешь. Это относится к разным жанрам. Пусть это будет политический детектив С. Лосева и В. Петрушенко «Кража в Белом доме» или впервые напечатанная неизвестная фотография... Поставьте вопрос так: чаще находить новое, неизданное, как говорится, «самое-самое»...

В. МАТВИЕНКО,
ветеран войны и труда
Кременчуг.

Читаю журнал 25 лет. Я не мог не заметить, что «Огонек» много сделал для освещения жизненно важных проблем, связанных с решениями июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Нужно еще чаще публиковать материалы на нравствен-

ные и правовые темы, критиковать недостатки в деятельности правоохранительных органов, как в материалах В. Пронина «Учитывая тяжесть содеянного» и «В плену ложной версии».

Совершенно правильно «Огонек» ставит вопрос о введении

рубрики «По заданию читателя». Чаще приглашайте нас за дискуссионный стол и отдавайте свои страницы читательским письмам, откликам.

В. ТКАЧЕНКО,
преподаватель пединститута
Кустанай.

— Владимир Федорович, как только не называют ваш институт: «Школа Горького», «Дом Герцена», «Добрый лицей»... Старинный особняк на Тверском бульваре, 25, известен многим. Не только у нас в стране, но и за рубежом. Почему он так знаменит? В чем его уникальность, своеобразие?

— Создание Литвуза, как его поименовал Алексей Максимович, было большим событием. Тогда, в тридцатые годы, в литературу приходили учиться мастерству слова рабочие и крестьяне. Для них Литинститут стал подлинным воспитателем и наставником. Первые студенты были москвичами — 130 юношей и девушек. В постановлении Президиума ЦИК СССР об основании института сказано: «... в работе... института применять метод обучения, учитывающий особенности каждого... его творческие навыки и приемы...». Весьма характерные слова. Они сразу же выделили Литературный институт из ряда других учебных заведений, обеспечили создание творческих лабораторий крупных писателей, определили бережное, индивидуальное отношение к важному делу воспитания молодой поросли.

Нужно заметить, что наш вуз долгое время был единственным в мире литературным высшим учебным заведением.

— Что стало с первыми выпускниками ВРЛУ. Вечернего рабочего литературного университета, как он тогда назывался? Кто они, как сложились их судьбы?

— Могу ответить словами первого выпускника, а ныне профессора института Евгения Долматовского: «...Чтобы перечислить выпускников Горьковского института, лучше всего пройти по полкам библиотек. Можно убедиться, что более половины ныне «действующих» поэтов и прозаиков прошло через институт».

Когда я спросил В. Ф. Пименова об организации учебного процесса в институте, он сказал, что главное в работе — гражданское и эстетическое воспитание молодого литератора, изучение общественно-политических, литературных наук, языкознания, всемирной и отечественной истории. Программа насыщена, уплотнена. Успеть нужно многое. Горький когда-то желал писателям «учиться у специалистов в разных областях». В институте об этом помнят.

Но одно из главных в учебном процессе, конечно же, творческие семинары. Учеба, умное наставничество, передача опыта. И еще — об этом прекрасно сказал Михаил Светлов, когда-то работавший здесь: «Учитель, по установившейся вульгарной традиции, — это человек, которому надо подражать. Я с этим не согласен. Учитель в искусстве — это человек, который помог тебе стать самим собой».

— Что такое творческий семи-

Известна истина — научить писательскому ремеслу нельзя. Но помочь одаренному человеку стать писателем можно. И нужно. Это и делает Литературный институт имени А. М. Горького Союза писателей СССР. Делает уже полвека. Что дает институт студентам, молодым писателям? — спрашивал Константин Паустовский. И отвечал: «Прежде всего, помимо образования литературного и общего, он дает им одну незаменимую совершенно вещь, которую наше поколение писателей не знало и о которой мы даже не могли мечтать, — институт дает им великолепную среду общения с писателями...»

Мы беседуем с ректором Литературного института имени А. М. Горького, профессором, заслуженным деятелем искусств РСФСР В. Ф. ПИМЕНОВЫМ.

нар? Это учеба друг у друга, учеба у прекрасного опытного педагога, мастера, но и он продолжает учиться, узнавать что-то новое для себя у начинающих литераторов, своих студентов. Разбор произведений на семинарах бывает строгим, принципиальным, беспощадным. Помимо того, что семинары — это форма воспитательной работы, это еще и как бы клуб в очень хорошем смысле слова, это место для схваток, споров.

— Как я понимаю, один из принципов работы Литинститута — помочь талантливому человеку. Не так ли? Это и есть та самая «...чрезвычайно важная работа», та самая «выработка целой армии талантливых литераторов», о которой говорил Горький.

— Да, одна из задач для нас, воспитателей, четко обозначена словами Георгия Мокеевича Маркова, первого секретаря правления СП СССР: «Не упустить настоящего таланта!» И этот девиз прежде всего относится к старшим поколениям мастеров слова. Сколько времени уделял институту А. Фадеев! У нас работали Ф. Гладков, А. Сурков, Л. Соболев, И. Сельвинский, С. Городецкий, А. Жаров, В. Лидин, ученые В. Асмус, А. Аникст, М. Морозов, С. Машинский. Как примечательно, что многие окончившие наш вуз вернулись в него воспитателями новых поколений: В. Исаев, например, или Л. Ошанин, В. Цыбин или В. Розов. Да, таланту надо помогать. И многие делают это по зову души и сердца. Часто бывал у нас Берды Кербабаяев, он находил время, приезжая в Москву, встретиться со своими земляками. Назову имена С. Сартакова, С. Михалкова, Ю. Верченко, А. Чаковского, чью бережную заботу о воспитании молодых мы всегда ощущаем.

Помогая таланту расти, мы практически еще в стенах института даем ему дорогу в творче-

скую жизнь. С помощью СП СССР мы добились включения в планы издательств сборников из произведений студентов. Один из них — «Начало», собранные в нем рассказы и повести объединяет стремление найти не только оригинальный и современный жизненный материал, но и преподнести его нешаблонно, по-своему.

— Известно, что в период учебы Чингиз Айтматов написал свое первое произведение, «Джамия», создавшее ему всемирную славу.

— Ч. Айтматов учился тогда на Высших литературных курсах при нашем институте. Они созданы в 1953 году для членов СП СССР с тем, чтобы помочь им повысить свой профессиональный и идейно-политический уровень. Кстати, замечу, что институт воспитывает и ученых, у нас есть аспирантура.

Еще хочу отметить, что Литинститут готовит творческие кадры не только для 50 народов и национальностей нашей страны, но и для многих зарубежных стран. У нас учатся литераторы из большинства стран социализма, а также из Эфиопии, Панамы, Сирии, Анголы.

— Владимир Федорович, вот уже двадцать лет вы руководите уникальным учебным заведением. Сколько было за это время встреч и событий...

— Приезд в институт М. Шолохова, встреча студентов с Ж.-П. Сартром, общение с Л. Леонтовым и другими видными советскими писателями, дружески деловые встречи с ректором Литературного института имени Бехера в Лейпциге М. Шульцем, встречи с бывшими выпускниками, ставшими гордостью нашей литературы... Защиты дипломов, диссертаций, юбилей, открытия новых кафедр... Много интересного, радостного. Только привыкнешь к одним именам, как уже в двери стучатся другие. Процесс узнавания, обновления беспрерывен. Судить о Литинституте надо не только по торжественным минутам, а по результатам работы. А результат — это выпуск молодых. На сегодня мы дали дипломы более 3900 выпускникам, из них 1670 стали членами СП СССР. Школа имени Горького — плацдарм молодой литературной смены. Уходя в жизнь молодые писатели, шумят новые звонкие голоса. Здесь никогда не умолкает молодость, а в этом залог духовного здоровья, расцвета и вечной юности новой, социалистической культуры.

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.

Супьянбек ШЕРИПОВ

Искры и пламя

Кто не видел, как в темные безлунные ночи по небу летят звезды? Словно сверкающие пылинки проносятся они во мраке. В фольклоре горцев Чечни есть легенда о Хозяйке летающих звезд. Когда ночью путник сбивается с дороги или мороз настигает не успевшего добраться до жилища человека, когда ослепленный тьмой всадник повисает над грохочущим ущельем — добрая Хозяйка летающих звезд пригоршнями бросает их на землю. И они, перечерчивая небо, обращаются в искры, разжигающие костер, указывающие путь, освещают тропу над бездной.

...Теперь уже не вспомнить, кто назвал Хозяйкой летающих звезд Сажи Умалатову, первую чеченку, ставшую знаменитым виртуозом электросварки, депутата Верховного Совета СССР, лауреата премии Ленинского комсомола, лауреата премии Совета Министров СССР, делегата XXVI съезда КПСС, члена бюро обкома партии. О ней часто рассказывают были, небылицы — что поделаться, таково уж одно из неизбежных неудобств популярности. Вот, например, одна из историй о том, как Сажи стала электросварщицей. Говорят, выбор был сделан ею еще тогда, когда она впервые пришла в цех и увидела: в руках женщины-сварщицы бьется живое пламя, ореол искр окружает ее словно добрую волшебницу.

— Настоящая Хозяйка летающих звезд! — воскликнула Сажи. — Я тоже стану такой!

РАССКАЗЫВАЕТ САЖИ УМАЛАТОВА:

— Было это не совсем так. Менее романтично, что ли... Семья у нас большая — кроме меня, у отца с матерью еще четверо. Отец, Зайнди Зубайраев, работал в леспромхозе, жили мы у подножия гор. А когда переехали в Грозный, моя мама, Маржан, тоже пошла работать — на завод «Красный молот». Я очень любила к ней туда ходить. Гульки своды гигантского, как мне казалось тогда, цеха, огни сварки, сполохи искр... Наверное, одна такая искра и залетела ко мне в сердце — я решила стать электросварщицей. Но взяли меня на завод только через год — когда шестнадцать исполнилось. Сначала была сатураторщицей — поила газированной водой рабочих. Потом водителем электрокара —

ездила туда-сюда. Поступила на курсы электросварщиков. У меня такая сильная любовь была к этой профессии, так я старалась, что еще в ученицах ходила, а мастер уже серьезную работу доверял. Тогда я и услышала от одного горца про Хозяйку летающих звезд. Красивая легенда! Недавно вспомнила ее: когда сообщили, что наши космонавты вышли в открытый космос и там вели электросварку. Здорово! В ту ночь я долго смотрела в небо, и падающие звезды казались мне искрами их космических сварочных аппаратов! Вот как иной раз поворачивается легенда.

ИЗ РАССКАЗОВ О САЖИ:

...Говорят, что в тот день, когда ей впервые предстояло варить стальной шов, какой-то болтун (про таких чеченская поговорка есть: «у них вместо ума — языки») пренебрежительно сказал:

— Было бы толку больше, если б чеченка не сталь варила, а джигжиг-галныш! (Джигжиг-галныш — очень популярное блюдо национальной кухни.)

Когда смена кончилась, притащили рабочие этого болтуна в цех и попросили определить, какие швы на трубах сварены юной электросварщицей. Пять раз болтун попадал, как говорится, пальцем в небо — указывал на швы, сваренные опытными рабочими. Потом стал извиняться:

— Кто мог подумать, что у Сажи не только голова золотая (это он намекал на ярко-золотистый цвет ее волос), но и руки тоже!

РАССКАЗЫВАЕТ САЖИ:

— Такого случая не помню. Хотя кое-кто отнесся к моему «дебюту» с некоторой остротой —

ностью. Первым моим наставником был старейший рабочий нашего нефтеаппаратурного цеха Иван Алексеевич Толмачев. Да и все члены бригады охотно помогали мне. Через год-другой появились ученики — русские, чеченцы, ингуши, армяне. Заметьте: сейчас уже у мужчин не считается зазорным обучаться электросварке у женщины. Но я думаю, дело тут не во мне, а в нашей бригаде, в ее здоровом нравственном климате. У нас понятия «я» и «мы» нераздельны: общие радости, общие трудности. Думаю, что в этом — одно из проявлений высшего принципа советского образа жизни. На наших глазах, нашими общими усилиями создается коллектив друзей-единомышленников, которому по силам преодоление любых сложностей и в работе и в жизни. А преодолевать приходится трудности немалые. Но о них следует говорить отдельно, подробно и не здесь.

Когда я прошлую пятилетку выполнила за три года четыре месяца, кое-кто говорил: для Сажи все легко — у нее особые способности. Это неверно. Когда я решила стать электросварщицей, кроме влюбленности в свою будущую профессию, настоящего представления о сложности электросварки не было. Я упорно работала над освоением профессиональных «секретов», приемов, старалась докапываться в каждом пустяке до самой сути: как? почему? зачем? какой способ лучше? Учиться новому необходимо постоянно. Вот, например, я первая в цехе овладела электрошлаковым методом сварки — тут не только личная заслуга, но и успех моих учителей: они научили и дерзанию, и мастерству, и терпению. Наш бригадир Василий Терентьевич Кузьмин, такие замечательные мастера сварки, как П. Плясов, Н. Рудаков, с которыми мне посчастливилось встретиться на трудовом пути, — вот моя удача. И если кто-то из молодых вдруг теряет интерес к одной профессии, хватается лихорадочно за другую, а затем, и там не достигнув успехов, за третью — тут, пожалуй, вина не только его самого. Может быть, ему не повезло и он не встретил наставника, который одарил бы его искрой своего огня. Поэтому я прежде всего стараюсь своих учеников увлечь романтикой нашего труда, перспективами нашей профессии. И в то же время убеждать, что без большого каждодневного труда мастером своего дела не станешь, какие бы у тебя ни были способности.

ИЗ РАССКАЗОВ О САЖИ:

Говорят, что Сажи встретила со своим будущим мужем при очень романтических обстоятельствах. Многие заглядывались на Сажи: стройная, золотоволосая, улыбнется — от ее белозубой улыбки солнечные зайчики вокруг разбегаются. Ох, сколько парней вздыхало, мечтая о такой спутнице жизни! А один смело заглянул ей в глаза, и когда их взгляды встретились, то обоим стало ясно: вот она, любовь! Тогда счастливый посадил ее на коня и умчал в горы...

РАССКАЗЫВАЕТ САЖИ:

Коня не было, «Жигули»

и «Волги», как положено на свадьбах... И первая встреча с Саидом Умалатовым была иной. На практику в наш цех пришли студенты нефтяного института. Через несколько дней один из них подошел ко мне и сказал: «Я — Саид Умалатов, очень хороший парень. Будем знакомы». А когда он окончил институт, мы сыграли свадьбу. Сейчас Саид работает главным инженером завода «Грозтрансмаш». Живем мы дружно, радостно. У нас дочка Илона, уже большая, учится хорошо. Меня часто спрашивают: как же мне удается уделять время семье при всех моих рабочих, депутатских, общественных делах? Я отвечаю так: никогда ни на мгновение нельзя забывать, что женщина должна быть женщиной — то есть женой, матерью, хозяйкой. Дом, семья — это по своему значению ничуть не меньше, чем работа в цехе. Умению распоряжаться своим временем, видимо, пора учить людей так же, как учат мастерству, наукам. Бесцельно потерянный час-другой непременно украдет у вас частицу радости (ведь его можно было бы провести с дочерью, мужем, родными), а проведенный в безделье и пустопорожней болтовне день — это почти преступление. Не скажу, что у меня никогда не пропадают зря часы и дни, но в нашей семье стараются обходиться без таких потерь. И, видимо, поэтому у нас с Саидом хватает времени и на автомобильные поездки в самые дальние уголки нашей красивой республики, часто бываем у родных, друзей, и к нам гости приходят. И в кино идем, и книгу новую почитать. Мне еще и за модой надо следить — это не пустяк, как может показаться некоторым. Дочка Илона смутила одного фотокорреспондента, который зашел к нам, вопросом: «Почему вы всегда снимаете маму в рабочем комбинезоне? У нее много красивых платьев есть!» Очень правильно сказала дочка. Я заметила: в счастливых семьях на все хватает времени, а у тех, от кого только и слышно «не успеваю», «ни минуты для себя нет», — у них, как правило, семейная жизнь не задалась.

ИЗ РАССКАЗОВ О САЖИ:

Говорят, некий приезжий корреспондент, который готовил очерк о Сажи, пришел в цех и спросил: «Где работает ваша лучшая электросварщица?» «Люда! К тебе!» — крикнул рабочий. «Люда?!» — воскликнул корреспондент, подходя к Сажи. — Это замечательно! Две таких знатных электросварщицы в одном цехе! Люда, расскажите мне о своей подруге Сажи!»

А когда он выяснил, что Люда и Сажи — одно лицо, то сам смеялся громче всех.

РАССКАЗЫВАЕТ САЖИ:

Похожий случай был. Дело в том, что я блондинка, среди чеченцев это встречается не так уж часто. И когда я пришла на завод, кто-то из старых рабочих сказал:

— Сажи по-русски звучит как сажа, чернота. А ты светлая, к тебе больше подходит светлое имя — например, Люда, Людмила. Людям милый человек.

Так и стали меня многие звать Людой. Даже когда выбирали в

депутаты Верховного Совета, то говорили: «Наша Люда-Сажи!» В общем, прижилось мое двойное имя.

ИЗ РАССКАЗОВ О САЖИ:

Говорят, что, когда Сажи стала депутатом Верховного Совета СССР, один приятель, как бы между прочим, сказал ее мужу, Саиду:

— Когда жена депутат, в Москве заседает, государственные дела решает, мужу приходится перед ней, как перед начальством, отчитываться во всем. Трудная у него жизнь!

А Саид, говорят, ответил так: — Я в день выборов голосовал за Сажи. Она — мой депутат. И если уж говорить об отчетах, то у нас в стране — разве не знаешь? — депутат отчитывается перед своими избирателями, а не наоборот. Так кому же труднее?

РАССКАЗЫВАЕТ САЖИ:

На Саиду это похоже — он за словом в карман, как говорится, не полезет, умеет ответить на шутку. А если серьезно, то я не могла бы достойно исполнять свои депутатские обязанности, если бы не наша дружная семья. Для того, чтобы иметь право давать советы другим, а половина избирателей приходит на депутатский прием именно за советом, надо и самой в жизни руководствоваться той высокой моралью, к которой призывает. Я сама в жизни должна поступать так, как советую другим — иначе грош цена моим советам.

Депутатом Верховного Совета СССР я стала сравнительно недавно, а вот в Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР меня избирали раньше. И поэтому в делах депутатских я не новичок. Но сама жизнь каждый раз преподносит уроки. К депутату идут разные люди с самыми разными проблемами. Сейчас роль депутатов во всех Советах очень выросла, это чувствуется: люди идут за советом, решая сложные вопросы, многие делятся своими мыслями, хотят помочь стране своим опытом. Честь и хвала им за это! Однако иной раз приходится сталкиваться и с нечестностью, попытками обмануть государство. Взять хотя бы жилищные дела. Подавляющее большинство проблем с жилищной сферой — это законные претензии, они связаны или с нарушением закона, или с какой-то ошибкой организаций, или это результат недоразумения. Но попадаются отдельные личности, которые стараются использовать права гражданина СССР в целях эгоистических, в ущерб обществу. Вот, например, приходит к депутату человек с плачем, жалобами на обидчиков, которые не дают квартиру семье. А потом — после проверки — выясняется, что их «бесквартирье» — результат хитрой семейной махинации: чтобы стать «бездомными», они совершили фиктивный обмен, жена продала свою кооперативную квартиру... мужу.

Очень сложные производственные конфликты. Приходят рабочие с других предприятий, рассказывают о бракоделах, очко-вирателях, приписчиках, которые умеют сухими выйти из воды и еще благодарность за свои поступки получить. Приходится вме- шиваться, обучать в контро-

лирующие инстанции, иной раз и в органы милиции. Жаль только, что имена этих преступников после того, как их разоблачают, не всегда предаются гласности. Замечательно сказал Константин Устинович Черненко: «Мы по праву прославляем героев труда, их знает вся страна. Но у бесхозяйственности ведь тоже есть свой адрес. Пора, чтобы и бракодела знали в лицо... И за безответственность надо строго взыскивать».

Получаю много писем от избирателей. Попадают среди них и жалобы на неудавшуюся жизнь: «биография не получилась», «мечты развеялись», «моя жизнь — неоправданные надежды», «мечтала не о том» и так далее. Что ж, бывают такие обстоятельства, когда нелепый случай (катастрофа, недуг) перечеркивает привычное бытие, переворачивает все жизненные планы. Обычно каждый сам выбирает себе дорогу, но при этом иногда забывает народную мудрость: проторенной тропой легче идти, но она уводит от счастья далеко в сторону. Прокладывать тропу нужно самому, честно, целенаправленно. Нельзя ждать от жизни одних успехов, требуется запастись мужеством, чтобы переносить поражения, а иногда — и все сначала начинать. По течению плыть легко, но уж тогда не жалуйся: «утонули мечты», «захлестнули волны жизни».

Впрочем, жалобщики такого сорта — в наши дни редкость. Рабочие, колхозники, люди труда — энтузиасты, патриоты своей Родины полны желания отдать свои силы и талант общему делу. Они отчетливо понимают: составляя планы на будущую пятилетку и далее вплоть до начала будущего года, партия рассчитывает на их труд, на результаты труда. Нам доверяют будущее. Это замечательно. Ведь жизнь не приносит счастья, если тебе не верят.

* * *

...Нам надо было сфотографировать Сажи, но это оказалось делом нелегким: не удалось ее найти. Выяснилось в конце концов, что Сажи в Польше, в составе делегации, и мы перехватили ее в Москве, на пути из Варшавы в Грозный.

Стайка девчат в форме ПТУ замерла, глядя на то, как фотографируют Сажи.

— Ой, какая красивая! — вздохнула девочка с косичками. — Счастливые же они, артисты!

— Идите ко мне! — сказала Сажи девочкам. — Становитесь рядом!

— Правильно! — поддержали корреспонденты. — Может, и вы, девчата, станете знаменитыми работницами через несколько лет!

Но девочки застенчиво и убежали. А может быть, не поверили тому, что Сажи вовсе и не актриса, а работница машиностроительного завода «Красный молот»?

Именно в труде, и только в труде, велик человек, и чем горячее его любовь к труду, тем более величествен сам он, тем продуктивнее, красивее его работа. Это слова Максима Горького.

Сказано точно про Сажи Умалатову.

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ГРИШИН
К 70-летию со дня рождения

Сергей ВЛАСОВ,
фото
Эдуарда ЭТТИНГЕРА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Дом и коллектив

— Митинг, посвященный вручению ордеров и ключей от квартир, объявляю открытым, — торжественно провозгласил Владимир Желтухин, председатель совета корпуса. — Возражения есть?

Возражений не было. А были шутки и смех, радостное предчувствие скорого новоселья, были две кошки, которых пустили в дом поперек себя, была розовая ленточка перед подъездом этого шестнадцатитажного красавца.

И еще были слова напутствия, сказанные начальником жилищного участка Н. А. Шелестовой:

— Любите свой дом, берегите свой дом. Он — ваш!

И это было правдой.

Они построили его сами. Как и два других дома МЖК — молодежного жилого комплекса. Если сами строили, думал я, значит, сами возводили стены, сами штукатурили, стелили полы. Но вот вместе с обладателями первого ордера мы входим в квартиру номер 28, что на четвертом этаже. Две светлые комнаты, большая кухня. Жить здесь будет семья Власовых. Юра — инженер-конструктор, Галля — технолог и их шестилетняя дочь Таня.

— А в своей квартире, — спрашиваю я, — вы что строили?

— Только пол помыли, — отвечает Галля.

— Мы вообще весь этот год работали не здесь, а на других строительных объектах, — уточняет Юра. — И за это время две квартиры построили: одну для себя, другую для города, точнее — освоили их стоимость на прокладке инженерных сетей, строительстве жилых домов, промышленных и социально-бытовых объектов.

Вот, оказывается, как: одну для себя, другую для города. К этому вопросу мы еще вернемся, а пока выходим на просторную лоджию — здесь хоть в пинг-понг играй. Внизу слева шумит лес (комплекс возник на окраине Свердловска), поодаль строится подземный гараж, над ним будет спортплощадка. Неподдалеку вырастет школа, куда скоро пойдет Таня. Рядом растет здание клубного блока, которого здесь ждут не дожидаясь.

...А внизу у подъезда продолжают вручать ордера. Из динамиков несется популярная мелодия:

Долго-долго, день за днем,
Год за годом ждем и ждем,
И мечта у нас одна —

Чтобы был у нас свой дом...

Они не ждали «год за годом» — они боролись за разрешение построить свои дома своими руками и, получив его, построили и продолжают строить. Впрочем, все по порядку.

Первый у нас в стране МЖК появился в подмосковном Калининграде десять лет назад. Второй

МЖК здесь, в Свердловске, стали заселять в январе 1982 года. Сейчас инициативные группы по созданию подобных комплексов действуют в Казани, где уже начато строительство, в Ленинграде, Новосибирске, Тюмени, еще в сорока городах страны. Движение это, можно сказать, стало массовым.

Как я уже говорил, дома ребята строят сами, то есть на предприятиях города (в Свердловске, например, таких предприятий-дольщиков шесть) создаются стройотряды из молодежи. Их бойцы (рабочие, инженеры, ученые) на одиннадцать месяцев освобождаются от своей основной работы и становятся строителями. За это время они возводят не только себе жилье, но и прокладывают городские теплотрассы, строят школы, детсады, реконструируют старые заводы. Значит, городу такая система вдвойне выгодна? Не будем спешить с выводами. Есть еще и другие соображения.

Чтобы стать членом стройотряда, надо пройти строгий отбор. То есть быть лучшим в соревновании, организованном на своем предприятии. Быть лучшим и в работе, и в жизни своего коллектива, и в быту. Очень важный момент: у молодого человека появляется стимул роста, он позволяет раскрыться талантам, мобилизоваться, включить резервы человеческого «я».

Итоги соревнования подводятся раз в квартал, гласность — полная: списки кандидатов с их баллами вывешиваются на стене. Первым быть хорошо, вторым неплохо, а вот каково тому, кто в списке двухсотый? Человек задумывается: а почему я хуже других? Это рождает здоровый дух соперничества. Люди растут на глазах. Соревнование организовано таким образом, что побеждает в нем не тот, кто умеет «лезть в объектив», а тот, кто в самом деле заслуживает.

За время проведения соревнования производительность труда кандидатов в члены Свердловского МЖК выросла в среднем на десять—пятнадцать процентов, текучесть кадров уменьшилась в три раза, каждый пятый продвинулся по службе. Проголов, пьянства, опозданий практически не стало. Нет, не случайно, совсем не случайно всю эту затею с МЖК окрестили социальным экспериментом.

Правда, кого-то может смутить одно обстоятельство: не скажется ли на работе предприятий столь длительное отсутствие нескольких десятков ценных работников? Беспокойство это напрасное: трудовой энтузиазм кандидатов в стройотряд столь велик, что потеря в количестве с лихвой восполняется качеством работы. Кроме того, и остальные работники, не желая

на фоне эмжековцев выглядеть бледно, подтягиваются. Производительность труда на предприятиях, где проводится соревнование за право самим строить себе квартиры, заметно подскочила. Вот такой неожиданный побочный результат.

Вступлением в отряд соревнование не ограничивается, оно идет и во время строительства. Лучшая бригада получает право выбора подъезда в доме. Лучший боец — право выбора квартиры.

По справедливости, короче говоря. Сначала, узнав о такой системе распределения материальных благ, я пришел в восторг, а потом задумался: чего, собственно, восторгаться-то? Разве «каждому — по труду» — не основной принцип нашего общества? Так-то оно так, но всегда ли, везде ли он у нас соблюдается. Вот вопрос.

И тут приходят на память строки из Постановления июньского (1983 года) Пленума ЦК нашей партии: «Успех в воспитательной работе немыслим без последовательной борьбы за строгое соблюдение социалистического принципа распределения...»

Успех в воспитательной работе. На наш взгляд, это главный, самый высокий результат социального эксперимента со столь прозаическим наименованием — МЖК. Разговаривая с теми, кто сегодня принимает в нем непосредственное участие, я не переставал удивляться социальной зрелости этих молодых людей, их широкому взгляду на мир, умению думать широко, по-государственному.

Жить по-новому — вот их девиз. Что это значит — жить по-новому? Если одним словом, то — обща.

...Иду по двору. У подъезда сидит молодая мама с тремя колясками.

— Все ваши? — спрашиваю.

— Нет, конечно, — смеется. — Один мой, остальные соседские. И это не эпизод, здесь так принято.

Пришел Ваня или Петя после школы домой, а мама на работе. Не стесняясь, он идет обедать к соседке, тете Тане, зато завтра тетя Таня, уйдя по делам, может не беспокоиться, что ее дочка останется голодной. Молока или хлеба покупают сразу на три или четыре квартиры — по очереди. Сообща устанавливали телевизионные антенны, мойки на кухнях, удобные приспособления для сушки белья на балконах...

Сломался у тебя пылесос, возьми у соседа. Впрочем, здесь у многих такие вещи, как пылесос, — один на несколько квартир. Чудно, правда? Непривычно. Как я, житель московского многоэтажного дома, обращаюсь к соседу с

такой просьбой, если не знаю, как и звать-то его!

А ведь именно так мы сегодня и живем в городах — разобщенно, обособленно, понимая не имея, чем дышит, о чем думает за стеной наш брат по разуму.

Здесь, в МЖК, все иначе. Ты всех знаешь, тебя все знают. Еще бы, ведь почти год ты бок о бок работал со своими нынешними соседями. Ничто так не сплачивает людей, как общая работа на единую цель, как совместное преодоление трудностей (а без трудностей наши стройки — увы! — пока не обходятся). Принцип заселения МЖК на том и основан: кто вместе работал, те вместе потом и живут.

Вместе эмжековцы отдыхают, вместе ходят в походы, вместе встречают праздники, которых у них намного больше, чем у других: осенний бал, проводы зимы, летний фестиваль. Вот как проходит, например, праздник двора, приурочиваемый обычно ко Дню защиты детей. Ребятишки сами украшают свой двор самодельными цветами, флажками, рисунками. С утра начинаются веселые конкурсы на лучшего танцора, лучшего исполнителя песен, стихов. На лучший шумовой оркестр. Вечером победители выступают с концертом перед родителями. В конце дня — гулянье для взрослых, с музыкой, с танцами.

Самым массовым и интересным из праздников получается летний фестиваль. В середине июля человек пятьсот, семьями, на несколько дней переселяются в палаточный лагерь за городом. Разбиваются на команды, человек по тридцать, и устраивают веселые состязания, конкурсы. Смотр художественной самодеятельности — звучит-то как шумно, а ребята так дело обставляют, что потом сами же расползаются по палаткам, корчась от смеха. Однажды комедию поставили «Бог спускается в МЖК», в другой раз — рок-оперу «Мухоморы»...

Но, пожалуй, главное, на что расходуются социальная энергия наших героев, — это дети. И опять-таки детей воспитывают сообща. Есть при совете МЖК комиссия по работе с детьми и подростками. Цель ее — «обеспечение гармонического развития подрастающего поколения, начиная уже с трехлетнего возраста». Один из главных рычагов трудновыполнимой сей задачи — РВО, разновозрастные отряды, основанные на принципе самоуправления.

В отряд входят все ребята до пятнадцати лет, живущие в одном подъезде. Они сами выбирают себе командира и комиссара. Поотрядно работают на субботниках, следят за порядком на территории

комплекса, участвуют в благоустройстве двора... Малыши учатся у старших, старшие учатся ответственности. Командир штаба РВО Андрей Лисютин, ученик десятого класса, — член совета МЖК с правом решающего голоса. Так здесь вовлекают детей в сложную структуру общегити.

Дело это, конечно, необычайно хлопотное, но есть у него, помимо высокого смысла, и просто приятные стороны. Собрались мама с папой вечером в гости или в театр, а малыши оставить не с кем. Проблема эта в комплексе решается совсем несложно: два детских вечерних клуба могут принять сразу три десятка ребятшек. Штатные педагоги-организаторы да и сами родители-энтузиасты с ними играют, занимаются рисованием, музыкой, читают сказки.

Это для малышей. А для ребят постарше — дом детского творчества. Но это не просто набор разных студий и кружков — здесь обеспокоены не тем, как лучше развлечь, а как увлечь подростка. Как помочь ему найти свое призвание.

Планируется здесь и строительство молодежного клуба — с зимним садом для встреч и бесед, с театральной студией, кегельбаном, кинозалами, дискотекой, кафе, спортзалом, библиотекой и прочим. Своеобразный центр общения, где каждый сможет провести вечер с интересом и пользой для себя. И тогда будет завершено создание всей системы общественного досуга. Досуга, осмысленного как способ формирования личности.

Несомненно, вся эта целенаправленная работа должна осуществляться каким-то единым мозговым центром. В МЖК его называют оргкомитет. Мне довелось беседовать с председателем оргкомитета Евгением Королевым, его замами: Сергеем Хорошиловым, Галиной Кареловой, руководителем идеологического отдела оргкомитета Александром Виницким, с президентом клубного объединения Юрием Ануфриевым, архитектором Михаилом Матвеевым (это по его эскизным проектам оформлены многие оригинальные здания комплекса)... Все они единодушны в своем убеждении: МЖК, хоть он еще и недостроен, уже работает на будущее.

Пусть многое не получилось так, как было задумано, но эксперимент решил или поставил целый набор сложных проблем нашей коллективной жизни. Во-первых, он показал, насколько хорош незаслуженно забытый метод народной стройки; во-вторых, он напомнил, что и в современном многоэтажном городе можно жить, не протравив чувства дома — не просто крыши над головой, а кусочка планеты, где царит атмосфера тепла, дружества, взаимовыручки.

В-третьих, эксперимент еще раз — на практике! — доказал правильность классической идеи: только в коллективе человек получает возможность полного развития своих задатков. Не однажды слышал от эмжековцев:

— Теперь я стал совсем другим человеком.

— Что значит другим? — уточнял я.

— Более активным, более сознательным, — отвечали ребята.

— МЖК — это простор для творческой инициативы молодого человека, — сказал член оргкомитета Саша Дружин. — Это полигон для отработки его деловых качеств.

В-четвертых. Выяснилось, что молодежные комплексы в значительной степени компенсируют нехватку рабочей силы в строительстве. В-пятых, решают многие неразрешимые вопросы семьи. По предварительным данным социологов, количество разводов в МЖК значительно меньше, а рождаемость гораздо выше, чем в обычных городских районах. В Свердловском МЖК из двух тысяч ста человек девятьсот детей. 175 из них родились за последние два с половиной года. В течение этого времени в комплексе не было ни одного развода.

Вернувшись в Москву, я беседовал с руководителем группы молодой семьи Института социологических исследований АН СССР Михаилом Семеновичем Мацковским, который вместе со своими коллегами изучал молодежные комплексы в Калининграде, Свердловске и Казани. Вот мнение ученого:

— Лучше всего семья укрепляется, когда молодые люди сообща создают свое жилище. Если сам строишь свой дом, он становится прочнее. Эксперимент, на наш взгляд, способствует и повышению авторитета мужчины в семье — ведь именно на него ложится основная тяжесть строительных работ. Это тоже очень важно для сохранения семьи, потому что, по нашим наблюдениям, за последнее время престиж мужчины в семье упал, он начинает терять роль лидера, ему все больше становится свойствен инфантилизм, индифферентность. Множество конфликтов в современной семье возникают из-за противоречий между поколениями. Родители взрослых детей считают своим долгом не только материально помогать молодым, но и «учить их жить» — без нас, мол, без нашего опыта вы все равно не сможете. «Нет, сможем!» — доказывают те, кто живет в МЖК. И действительно могут. На мой взгляд, из всех социальных экспериментов, осуществляемых в последнее десятилетие, этот самый интересный и перспективный.

В-шестых, в молодежном комплексе найден способ, говоря словами тех же социологов, контроля за общественным поведением человека. Нет, никто за вами тут особо не следит, просто вам самому хочется быть лучше. Хочется нравиться своим сотоварищам. И вот результат: за два с половиной года в Свердловском комплексе ни одного хулиганского поступка, ни одной пьяной выходки. Убедительно, правда?

И, наконец, последнее. Последнее по счету, но не по значению. Те, кто берется за создание МЖК, должны быть готовы к неудачам и разочарованиям.

Да, у свердловчан очень многое из задуманного осуществилось, а вот в других городах, в частности в подмосковном Калининграде...

— Эх, одни огорчения с нашим комплексом. Мечтали совсем о другом, а вышло... — сокрушался бывший зампредседателя координационного совета Калининградского МЖК Виктор Черванов, когда я предложил ему встретиться. Виктор был в числе тех немногих, кто семнадцать лет назад стоял у истоков начинания. Правда, надо признать, что на первых порах все было намного прозаичнее: о «новой жизни» никто и не думал. Просто молодым людям негде жить было. Часто собирались, судили-рядили: «А что, если самим построить. Мы же умеем! В стройотрядах не раз бывали, почти все строительные специальности освоили». Обратились в ЦК ВЛКСМ за

советом. Там подбросили ребята идею: если уж строить самим, то чтобы это был не просто жилой комплекс, а прообраз города будущего. Так что крестным отцом МЖК следует считать комсомол. Товарищи из ЦК ВЛКСМ положили перед ребятами книжку с красивыми фотографиями — проспект знаменитого дома Н. Остермана в Новых Черемушках. Помните, в 60-х годах был построен в Москве Дом нового быта? Идея в общем-то та же: архитектором были предусмотрены на каждом этаже холлы для общения, совместного отдыха и тому подобное. Но... тогда из этого ничего путного не вышло, холлы пустовали, и скоро их стали использовать совсем по другому назначению. Дом построить оказалось намного проще, чем наладить в нем жизнь, о которой люди мечтают давным-давно.

Ребята из Калининграда теперь посягали именно на это — на строительство нового быта. Но они не знали, не могли представить себе всех трудностей такого дела. По молодости лет, по неопытности. А если бы знали? Тогда, может быть, и отказались бы от задуманного.

Они сели за проект своего жилого комплекса, и он появился. Его назвали Голубая мечта. Мечта стоила несколько миллионов рублей. Где взять деньги? Где найти организацию, которая снабжала бы материалами? Поначалу казалось: все, тупик! Но вот наступил 1968 год — год пятидесятилетия комсомола, юбилейная кампания проводилась широко, всколыхнула она и сердца тех руководителей, от которых зависела судьба МЖК. Они вспомнили, что когда-то тоже были комсомольцами, что когда-то тоже дерзали. И они давали обещания. Давали обещания помочь, хотя не очень-то верили, что из этого что-нибудь получится. Уж они-то знали, насколько это трудно.

Деньги в конце концов все-таки раздобыли, и уже казалось, что победа близка, но тут-то и начались сбои. Несмотря на активную поддержку ЦК комсомола, «выбить» средства на строительство культурно-спортивного центра так и не удалось. Главная идея молодежного комплекса — создать центр общения — рушилась на глазах. Пришлось довольствоваться небольшими холлами на этажах, вставками, как их окрестили сами ребята. Вставки эти проектировались не очень умело и были плохо приспособлены для культурно-массовой работы. Тем не менее она там велась и ведется до сих пор.

Столкнувшись с первыми неудачами, кое-кто из активистов сник, кого-то стали одолевать сомнения. А потом случилось непредвиденное: начались обмены квартирами. Вместо эмжековцев в комплекс въезжали «люди со стороны», вовлекать их в жизнь коллектива было намного труднее.

Те, кто составлял костяк комплекса, за эти годы заметно выросли. Этого не могли не заметить на предприятиях, где они работали. Почти все эти ребята резко пошли в гору — кто по административной линии, кто по общественной. Для работы в МЖК у них оставалось все меньше сил и времени. Потому что эту работу никто из руководства предприятий всерьез не принимал и до сих пор не принимает. Горком партии и горисполком старались оказывать эмжековцам поддержку, но ее было недостаточно.

— Всегда мы были в роли просителей, — говорит Виктор Черванов. — Всегда были на птичьих правах. С нами вообще могли не считаться, потому что мы не вписывались ни в одну систему нашей социальной жизни. Получалось так, что мы всем только мешали. Смотрели на нас как на людей не от мира сего, чужаков и до сих пор так смотрят. Сколько мы ни просили выделить средства на ремонт наших вставок, которые пришли в состояние весьма плачевное, так ничего и не добились. Не положено, говорят. Нужны особые фонды. Как мы ни доказывали, что мы не обычный жэк, что у нас три тысячи квадратных метров общественной площади, никого это не волнует. Опять ребята зимой будут мерзнуть, какая уж тут Голубая мечта!

— Что, по-вашему, необходимо сделать прежде всего, чтобы изменить отношение к МЖК? — спрашиваю Черванова.

— Его надо узаконить, наделить правами и полномочиями. Для нового образа жизни нужна формальная основа. На общественных на-

Руководители молодежного жилого комплекса (слева направо): Сергей Хорошилов, Евгений Королев, Александр Виноцкий.

чалах создать его не удастся. Необходимо постановление, которое бы обязывало и партийные и хозяйственные органы помогать обществу МЖК воплощать свои идеи в жизнь. Иначе это будет пустая трата времени и сил.

Итак, сегодня в сорока городах страны действуют инициативные группы по возведению молодежных жилых комплексов. Чем закончится их начинание? Успехом или разочарованием? Есть семнадцатилетний опыт создания МЖК, кем он обобщен? Экономистами? Строителями? Правоведами? Увы, им до этого пока дела нет. А зря. Ведь очень много интересных вопросов возникло при строительстве и эксплуатации молодежных комплексов.

Какие суммы, например, отпущать на МЖК? В Калининграде на клуб денег пожалели, в Свердловске — нет. А где критерий? Где норма? Или такой вопрос: имеет ли право горисполком отчислять в свое распоряжение двадцать процентов квартир, построенных эмжековцами, как это делалось до сих пор, или же делалось это в нарушение установленных правил? (Как известно, существует распоряжение, согласно которому предприятие освобождается от передачи местным Советам жилплощади в домах, построенных работниками этого предприятия.)

Неясно до сих пор, и как платить по бюллетеню бойцу стройотряда — человеку, который почти год не работает на своем предприятии? Или — на каких основаниях эмжековец может обменять свою квартиру на обычную городскую? А если человек умер, погиб, кто в первую очередь имеет право на его квартиру? Как организовать наиболее эффективную систему самоуправления по месту жительства? Может быть, имеет смысл методом МЖК не только строить жилье и объекты социально-бытового назначения, но и реконструировать промышленные предприятия?

И вообще что же это такое — молодежный жилой комплекс? Из каких обязательных архитектурных элементов он должен состоять? Сколько человек может в нем жить? Какие у него в конце концов задачи? Словом, великое множество самых разных проблем... Кто ими занимается? Никто.

Поправлюсь, впрочем, — почти никто. Социологи, как я уже говорил, ведут исследования. Заинтересовались опытом молодежных комплексов архитекторы ЦНИИЭП-жилища, где разработана программа-задание на проектирование МЖК, о чем мне рассказал замдиректора института Евгений Павлович Федоров. Но этого явно недостаточно. Если уж наметился и развивается такой новый тип коллективной жизни, то не кучка же энтузиастов должна заниматься этой проблемой!

Тут нужен подход государственный. Тут нужно широкое участие общественных организаций, ряда министерств, научных институтов. И конечно же, нужен специальный координационный центр МЖК.

ОТ РЕДАКЦИИ. Всех заинтересованных лиц, всех, кто имеет отношение к затронутым проблемам, мы приглашаем продолжить разговор и высказать свое мнение. Интересно узнать, что по этому поводу думают в министерствах юстиции, высшего и среднего специального образования, Госкомитете по труду и социальным вопросам.

ДУБИНДА Павел Христофорович (р. 12(25).7.1914, с. Прогной, ныне с. Геройское Голопристанского р-на Херсонской обл.), Герой Советского Союза (29.6.1945), кавалер ордена Славы трех степеней (1944, 1944, 1945), гвардии старшина (1945). В ВМФ с 1936-го. Во время Великой Отечественной войны служил на крейсере «Червона Украина» Черноморского флота. После гибели крейсера в ноябре 1941 года направлен в 8-ю отд. бригаду морской пехоты. В июле 1942 года при обороне Севастополя был тяжело контужен и взят в плен. После смелого побега с марта 1944 на службе в рядах Советской Армии. В бою за село Пешинен первым ворвался в траншею пр-ка, в рукопашной схватке уничтожил четырех гитлеровцев и взял в плен офицера. За этот подвиг был удостоен ордена Славы I степени. 13 марта 1945 года во время штурма позиций пр-ка, увлекая за собой бойцов, первым поднялся в атаку и со своим взводом захватил в плен 30 солдат и офицера. 15 марта взвод под командованием Дубинды уничтожил до роты пехоты и захватил 2 пушки. За боевые подвиги и проявленное мужество Дубинде было присвоено звание Героя Советского Союза. В августе 1945 Дубинда демобилизовался и работал боцманом на корабле антарктической китобойной флотилии «Слава»...

«Советская военная энциклопедия», т. 3, стр. 265.

Павел ДУБИНДА

ПОЧТИ ЖИЗНЬ ТОМУ НАЗАД...

1

Родился я на дубке, который носил необычное двойное имя «Друг-братец». Это случилось накануне империалистической войны июльским летом 1914 года. Дубок принадлежал моему отцу — Христофору Гавриловичу Дубинде и представлял собой обычное парусное суденышко, которое могло взять на борт две тысячи пудов груза — тридцать с лишним тонн. Я хорошо помню его по более поздним годам, когда уже мальчишкой ходил под его парусами в Евпаторию, Херсон, Одессу, перевоза соль, арбузы, гравий... Хорошо написал про такие плавания Эдуард Багрицкий:

Пустынное солнце садится в рассол,
И выплывают месяц волнами...
Свежак задувает!
Наотмашь!
Пошел!
Дубок, шевели парусами!
Густыми барашками море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

Только мы тут особой романтики не видели — на хлеб зарабатывали. Христофор Гаврилович был судовладельцем — это если говорить формально. Он же был шкипером, капитаном команды, а матросами и грузчиками с ним ходили мои старшие братья, мать, случалось, и сестры. Детей было десять душ, я родился последним, десятым. Это случилось в море, где-то неподалеку от Очакова. Так что мама — вахтенный матрос — уступила место на палубе одному из старших сыновей, а шкипер — отец — взялся исполнять роль повивальной бабки... На берег, в родную хату меня привезли уже готового...

Когда слышу песню «С чего начинается Родина?..» — вспоминаю желтые, исходящие зноем пески, окруженные водой, островки высоких камышей, тяжелые хлопки парусов, развешенные для просушки рыбацкие сети... Старшего брата не помню. Он воевал в империалистическую, приходил в семнадцатом до-

руках... Потом ушел в Красную Армию и погиб где-то под Каховкой.

Лет с десяти я уже помогал отцу, ходил с разными грузами на том же дубке, на котором родился, а в четырнадцать начал самостоятельную жизнь — нанялся матросом на парусник «Любимец моря». Его водил известный на всем побережье человек Павел Софронович Горбаченко. Это был настоящий, большой учитель. Он штурмовал Зимний в семнадцатом году, не раз слушал выступления В. И. Ленина в Петрограде, а в январе восемнадцатого стал первым председателем ревкома в нашем селе... Потом Павел Софронович воевал на фронтах гражданской и после ее окончания снова вернулся в Прогной...

Не знаю, как у других людей, вспоминающих свое житье-бытье, но моя биография будет непонятной, даже неверной, если не рассказать хоть немного про наше село. Там, где Днепр подходит к Черному морю, образуя широкий лиман с бесчисленными протоками, косами, островками, где на десятки километров растянулись камышовые заросли с несметными стаями диких уток, гусей, журавлей и прочей живности, есть на Кинбурнской косе многокилометровый участок песчаной пустыни с большими блюдцами озер. Их называют гнилыми, потому что безжизненные, соленные они.

Еще лет триста назад казаки добывали здесь соль, потом возникла паланка Сечи и лишь в начале прошлого века — село Прогной. Оно никогда особенно не разрасталось, потому что условия для жизни были непригодными, а вернее сказать, не было таких условий. На песках ничего не росло, летом — зной, зимой — пронзительные сырые ветры. Пустыня. Когда уже в советские годы организовали первый колхоз, то поля ему выделили в... тридцати километрах от села!

Закреплялись тут люди отчаянные, цепкие, как пустынная колючка. Хаты строили из камыша и глины, работали на соляных промыслах. Каким нечеловеческим испытанием

был этот труд, хорошо описал Максим Горький в рассказе «На соли». Он сам в этих местах работал. Некоторые рыбаки, да пользы от рыбалки выходило немного — где продавать улов, если до ближайшего базарчика на Голый пристани больше сорока километров? Довезти туда улов, беспрестанно перекладывая паруса в узких протоках, — так и сама рыба того не стоит. Отдавали ее за бесценок скупщикам. Большинство же мальчишек нашего села уже лет с пятнадцати, а то и моложе уходило матросами в Херсон, Одессу, Николаев, разбредалось по всему побережью, становились отличными боцманами, шкиперами. В селе немало целых династий знаменитых капитанов, механиков, полярных и антарктических мореходов.

Первым во главе группы матросов ворвался в занятый гитлеровцами Севастополь мой односельчанин К. Г. Висовин. Он погиб 9 мая — за год до Дня Победы — и посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Одним из легендарных защитников острова Ханко был тоже мой земляк Г. Я. Оводовский. Он прославился как командир дивизиона тральщиков, прорывав блокаду Ленинграда, а за блестяще проведенное разминирование Данцигской бухты удостоился звания Героя Советского Союза. Третий мой односельчанин, Н. Г. Танский, командовал подразделением торпедных катеров на Северном флоте, об его мужестве и военной дерзости ходили легенды — его тринадцатой боевой наградой в Великой Отечественной войне стала Золотая Звезда Героя.

Через много лет после войны херсонская областная газета посвятила несколько страниц героям нашего села, многим морским династиям. На эти публикации откликнулся Маршал Советского Союза М. В. Захаров, бывший тогда начальником Генерального штаба наших Вооруженных Сил. Он писал: «Спасибо вам за то, что на вашей земле есть такое село Геройское, есть такие люди, жизнь которых — подвиг, пример для наследования».

Многое можно рассказать и о мирном героизме моих односельчан. Героями Социалистического Труда стали гарпунер китобойной флотилии «Слава» Н. Н. Гниляк и капитан-директор рыболовецкого траулера В. В. Михасько, унаследовавший свою профессию от отца и деда. Я не могу назвать здесь многие десятки известных в стране людей из нашего села, которые отличились в годы революции, гражданской войны, трудное время мирного строительства. А жителей у нас всего-то, как сказал мне председатель сельсовета, шестьсот сорок душ... Это маленькое село в 1963 году переименовали, было Прогной, стало Геройским.

...Ничего особенного не было в том, что и я в четырнадцать лет стал матросом, а в шестнадцать чувствовал себя на воде так же уверенно, как и на берегу. И когда в тридцать шестом меня призвали на службу, определили на прославленный крейсер «Червона Украина» — сразу в боцманскую команду. Крейсер стоял в Севастополе, у заводской стенки, как многоэтажный стальной дом.

Но жили мы на берегу, в экипаже, и каждый день с утра до вечера висели у бортов судна, обивая ржавчину сантиметр за сантиметром. Около года крейсер находился в ремонте. Особых впечатлений действительная служба не оставила: многое было знакомым, даже привычным, разве что жесткий, расписанный по минутам распорядок дня. Но для человека, привыкшего к труду, это не в тягость. Больше всего запомнились занятия спортом...

После обеда подходит катер, раздается команда: «Спортсмены, на тренировку!» Смотришь — один матросик сложил инструменты, другой... А остальные колупают ржавчину, грохочут в стальные борта — невеселое занятие. Мой кореш Юра Давыдов говорит: «Давай и мы запишемся в спортсмены». Вечером подошли к своему физоргу, записались в бегуны. Первое занятие совпало с общим забегом на десять километров. Взяли мы старт... Сначала все шло вроде нормально, а потом чувствуем: тут не легче, чем ржавчину обивать. Дальше Юра говорит: «Отстанем немного, а когда отдохнем — догоним». Только отставать легче, чем догонять. В общем, последние километры бежали мы на самолюбии, как в обмороке. На следующий день чувствуем, вроде нас сильно побили, все мышцы болят. По трапам еле ползаем, по палубе — и то за леера хватаемся.

Решили, что бег не для нас. А приятелю неймется. Неделю через две говорит: «Запишемся на бокс». Записались. До обеда отрабатывали, а потом нас привезли в спортзал, дали перчатки. Тренер показал, какие бывают удары, расставил возле подвешенных мешков, набитых чем-то тяжелым, и велел заниматься. Стучим. Неделю, другую... У тренера свои дела — занимается с опытными, у которых ожидаются соревнования. Через месяц вспомнил о новичках, а нас десятка три было. Подошел на одном из занятий, вытянул руку: «В две шеренги — становись!» Я рядом находился, так и стал возле тренера. «Первая шеренга, два шага вперед! Кру-гом!»

Поворачиваюсь и вижу, что за моей спиной стоял, а теперь он напротив меня — верзила метра два росту. Руки, как оглобли, тельняшка едва локти закрывает. «Как же к нему подойти?» — думаю. А тренер командует: «Бой!» И не успел я набраться духу, мой партнер как двинет меня в скулу. Едва не упал. А он с другой стороны. Выровнял меня. Сам-то я физически не очень, средние, можно сказать, данные... А он меня прямым — в лоб. Я попытался, сел на пол. И такая злость взяла, что все приемы забыл. Вскрываю да по-нашему, по-сельски — под дыхало ему. Он согнулся — уже и до головы достать можно. Мутузили мы друг друга от души. Выдохлись. Я ему носом в грудь уперся, а он меня за руки держит. Подошел тренер, посмотрел... «Молодцы, — говорит, — отлично поработали!»

После занятий гляжу на своего кореша Юру Давыдова — синяк под глазом, губа разбита и рот не на месте, перекошен. А это он, оказывается, так смеется, глядя на мою физиономию. У Давыдова шрам на губе до сих пор остался. Мы с ним иногда видимся,

он в Херсоне живет... Тогда же, в тридцать шестом, решили мы, что бокс тоже не для нас. Однако тренер меня уговорил. Вернулся я в секцию. Большим спортсменом не стал, но навыки, которые получил, оченьгодились в годы войны. В разведке это было, пожалуй, мое первое оружие.

Когда крейсер вышел из ремонта, назначили меня старшиной катера, а чин имел старшего матроса. Сутки дежурю со своей командой — кого на берег отвезти, кого с берега, а следующие сутки на палубе — в распоряжении главного боцмана. Тоже скучать не приходилось. Отрабатывали всякие действия на случай боя, пожара, возможных повреждений судна, ходили на БОУ — боевые отрядные учения, вели учебные стрельбы. В то время осваивали новое оружие — торпеду. Штука была, очевидно, дорогая, и после каждого выстрела я со своей командой должен был ее вылавливать и возвращать на судно. Боевого заряда в ней, конечно, не было. Один раз торпедисты что-то не рассчитали, и она выскочила на евпаторийский пляж, наделав немало шума среди купающихся.

Годами нелегкой службы возникла матросская закалка, привилась железная дисциплина, которая поддерживалась совсем не страхом перед наказанием, а боязнью подвести товарища, вызвать неудовольствие любимого командира. Я нисколько не преувеличиваю. Главным воспитательным средством была добрая матросская «подначка». Не дай бог, если в твоём поведении товарищи увидят боязнь, жадность, скрытое желание что-то выгадать для себя... Одного ироничного замечания, острого словца, брошенного как бы между прочим, было достаточно, чтобы провинившийся умер от стыда и снова воскрес уже другим человеком...

Хорошо помню первый день войны, вернее, первую ночь, в Севастополе. Вечером 21 июня, в субботу, я заступил на вахту. Работы было много: половина личного состава крейсера получила увольнение на берег. Корабль стоял на рейде, и моему катеру пришлось не раз ходить от борта к пристани, отвозя матросов и офицеров.

К 23.00, когда кончался срок увольнения для матросов, я уже всех переправил на корабль. Офицерам разрешалось остаться в городе до утра. Вахтенный мне сказал, что к 1.00 надо подойти к причалу III Интернационала и забрать обход. В ту ночь матросы нашего крейсера дежурили в городе. Я командовал ребятам отдавать концы, отчалил от высокого борта «Червоной Украины» и пошел в город. Пересекли бухту и вышли к набережной чуть раньше положенного. Оно понятно — последний рейс...

Стоим у причала, ждем наших с обхода. И вдруг бежит к нам человек, в ночном городе гулко раздается топот сапог. И к нам: «Кто старший?» «Старшина катера Дубинда», — отвечаю. «Заводи, — говорит, — свою фелюгу и перебрось меня через Северную бухту. Срочно!» Я поясняю, что жду своих людей из обхода. «Ты что, — спрашивает, — устав не знаешь? Выполняй последнее приказание старшего!» И сует мне под нос офицерское удостоверение личности. Летчик, из начальства. Не помню уже, в каком чине. «Над Качей, — говорит, — несколько минут назад наши сбили чужой самолет. Еще неизвестно, чей он. Мне надо быть там немедленно». А в Каче тогда были аэродромы и прославленная школа летчиков. Ну, я его на борт и пошел через бухту. Он выпрыгнул, едва мы приблизились к причалу. И швартоваться не пришлось.

Возвращаемся — наши из обхода уже стоят на набережной. Забрали их и пошли. Вдруг над нашими головами прожекторы расписали все небо полосами. Один из лучей высветил самолет — не высоко, над бухтой, и скорость не очень большая. Тут и другие прожекторы скрестили на нем свои лучи, ведут его по небу прямо на Севастополь. Тихо вокруг, лишь самолет рокочет. Вдруг отделяется от него что-то, раскрывается парашют, ветерок несет его на город, а прожекторы сопровождают чуть ли не до самой земли. Опускается парашют на одну из улиц, и мы видим багровую вспышку вполнеба, а потом доносится страшный взрыв. На парашюте была сброшена магнитная мина.

Когда мы подошли к кораблю, вдоль борта

выстроились вестовые, готовые бежать в город, разыскивать офицеров, отпущенных до утра. Высадили обход, забрали вестовых... Часам к трем ночи вся команда была на борту. А утром из выступления В. М. Молотова мы узнали, что началась война.

В первые месяцы войны в Севастополе было относительно спокойно. Атаковать его с моря враг не решался, налеты авиации отражали корабельные и береговые зенитки. Мы патрулировали на улицах. Во время воздушной тревоги для нас начиналась работа: в городе оказались вражеские лазутчики, которые подавали сигналы фашистским самолетам. Был приказ — стрелять по огням после объявления воздушной тревоги.

В конце августа — начале сентября все с напряжением следили за боями под Одессой. На помощь ей ушли некоторые суда. Особенно сложное положение создалось, когда противник прорвался к перешейку между Куяльницким лиманом и побережьем, установил там тяжелую артиллерию. Она терроризировала город и вела огонь по кораблям, которые подходили к Одесскому порту.

К тому времени наш катер вместе с командой перебросили на крейсер «Красный Крым». Готовилась большая операция. В ночь на 22 сентября отряд кораблей — два крейсера и два эсминца — покинул Севастополь. Командир отряда контр-адмирал С. Г. Горшков вдруг вызвал к себе всех старшин катеров, и меня в том числе. Выстроились мы — человек до двадцати набралось. Он прошелся перед строем — молодой, крепкий, тридцатилетний контр-адмирал! Если учесть, что у нас была кичливая поговорка «Морской кок выше сухопутного полковника», — можно понять, с каким восхищением смотрели мы на командира. Позже мне довелось на собственной шкуре испытать те немислимые тяготы, что легли на плечи пехоты, однако морские амбиции моих товарищей были только на пользу общему делу.

Контр-адмирал рассказал нам о сложившейся под Одессой обстановке, о том, что мы должны высадить в районе Григорьевки десант, цель которого — захватить артиллерийские позиции врага возле Дофиновки. Сказал несколько слов о нашей особой ответственности и спросил:

— Есть вопросы?

— Разрешите! — вырвалось у меня.

— Слушаю.

— Я хочу пойти первым.

Он с интересом посмотрел на меня и спросил, с чего это вдруг я добиваюсь такой чести. Стараясь быть кратким, объяснил:

— Я до службы ходил тут на парусниках... Восемь лет. Каждый камень на берегу знаю.

— Хорошо, — сказал он, — пойдешь один с передовым отрядом. По твоему сигналу, если высадка пройдет благополучно, отправится весь десант.

Около часу ночи мы вышли на траверз Григорьевки напротив Аджалькского лимана. К мне в катер погрузились 82 человека во главе с капитан-лейтенантом, и мы отчалили. Корабли открыли сильный огонь по вражеским позициям на берегу. Снаряды обгоняли нас. Сам маневр для меня сложности не представлял, даже в полной темноте нашел бы, где причалить, а тут такой фейерверк. Шли на большой скорости. Ближе к берегу стали стрелять и по нам. Один снаряд взорвался почти под катером, на береговой отмели, подняв и обрушив на нас стену грязи. С ходу выскочили днищем на отлогий берег. Десантники, закусив кончики лент бескозырок, валились с бортов — и в темноту... Тут же даю задний ход — и ни с места. Слишком далеко выскочил на песок. Кричу капитан-лейтенанту (он прыгнул первым и наблюдал за высадкой), чтобы вернул десяток братишек... Вернулись, столкнули катер на воду, и тогда я выстрелил в небо зеленой ракетой. Это означало, что передовой отряд высадился успешно, можно бросать основные силы.

Когда возвращался, навстречу мчались катера, неся на себе около двух тысяч десантников. Используя их успех, из Одессы начали наступление войска Приморской армии. Противник отступил, потеряв много солдат и около 50 орудий и минометов... В «Советской военной энциклопедии» сказано, что «этот контрудар явился первым примером успешного

взаимодействия сухопутных войск с морским десантом и авиацией флота на Черном море в годы Великой Отечественной войны».

Когда мы вернулись к борту «Красного Крыма», мне вахтенный командует:

— Дубинда, тебе приказано вернуться к берегу, подобрать раненых и идти в Одессу, к Фонтанскому маяку.

В Одессе приказ: нашему катеру идти на Кинбурнскую косу. Туда, в безнадежный для сухопутного человека тупик, вышла одна из наших отступающих частей. Пришлось перевозить солдат несколькими рейсами на Тендровскую косу, а позже — снимать с Тендровской косы группу подрывников... Все эти походы и переходы вдоль занятого врагом побережья, под обстрелом, на нерве. Использовали темное время суток, пускались на всякие хитрости.

Да и в самом Севастополе у моряков много было хлопот. Корабельная артиллерия вела огонь по наступающим гитлеровцам, отбивала вражеские атаки с воздуха. Тонная бомба попала в наш крейсер «Червона Украина», когда он стоял у причала, прямо в левые машины. Едва начались аварийные работы (я был в аварийной команде), одни кинулись тушить пожар, другие убирать убитых и раненых, как вторая бомба — стервятник успел сделать второй заход — упала в воду рядом с бортом, по центру корабля. У пристани было мелко, и взрыв огромной силы переломил крейсер надвое. Кормовая часть села днищем на грунт... Несколько дней мы снимали с него орудия, переправляли их на позиции защитников города. Но однажды ночью эта часть корабля с находившимися во внутренних помещениях ребятами из аварийной команды опрокинулась. Почти все, кто там был, погибли.

Меня зачислили в 8-ю бригаду морской пехоты, которая вела тяжелые бои на Мекензиевых горах. Стал артиллеристом. В этом деле я, конечно, мало что понимал, был одним из номеров — подносил снаряды, заряжал. Работал как все. Люди погибали, приходилось на ходу заменять разные номера. Из этих боев я многого не помню, потому

что весной, когда меня отозвали в аварийную бригаду, был тяжело контужен. Это случилось на Северной стороне, мина тяжелого калибра вздыбила совсем рядом со мной стену земли и осколков, а меня достала «только» взрывная волна... Я потерял речь, оглох, и многое навсегда стерлось в памяти.

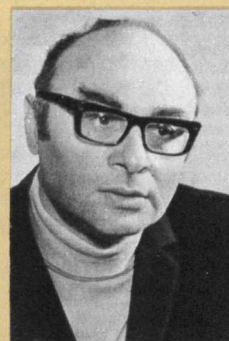
Кореша ухаживали за мной, делали все, что могли в тех условиях, но в транспорт, который увозил раненых, я так и не попал. Когда фашисты ворвались в город, товарищи помогали мне идти, а где и просто тащили, отступая в Камышовую бухту. Тысячи и тысячи последних защитников города, уже без тяжелого оружия, с одним патроном на двоих, оберегая раненых, а их было очень много, все надеялись, что придут транспорты, вывезут... Но корабли так и не смогли к нам прорваться, а подводные лодки (сколько их там было?) вывезли разве что одного из сотни. Мы не бежали из города, а, согласно приказу, уходили в места, где ни укрыться, ни организовать оборону...

Почему это вспомнилось: вскоре после войны, когда я пришел домой со Звездой Героя и орденами Славы, в нашем Голопристанском райкоме один товарищ заявил на бюро, что там, в Камышовой бухте, я обязан был застрелиться. А поскольку не сделал этого, попал в плен — значит, не имею права быть в партии. Суть этого человека я понял — он вскоре проворовался. Непонятно другое: почему тогда не нашлось в бюро такого, кто возразил бы ему?..

На нас, беспомощную толпу, вышли немецкие танки... О той трагедии в Камышовой, Казачьей бухтах, на мысе Херсонесе когда-нибудь напишут. Меня спасло то, что был в рабочей робе аварийной бригады, а не в морской форме. С моряками, особенно севастопольцами, гитлеровцы расправлялись изощренно жестоко. Многие матросы, как бы предчувствуя такое, заходили в воду и стрелялись.

Литературная запись
Станислава КАЛИНИЧЕВА

Продолжение следует.

Борис ДУБРОВИН

Стены зубчатой древние узоры,
Бойницы в ней — глазами веков,
Соборов позолоченные горы,
Над башней —
Пашня рыхлых облаков.
Рассветная развевалась алость,
Выхватывала Спасскую из мглы.
И россиянам башня представлялась
Точным наконечником стрелы...
А мне
В рассветной вечной позолоте,
В предчувствии штормуемых высот
Ступенчатой ракетой в полете
Отточенная башня предстает.
Куранты бьют, как отзвуки капли.
И к шпилью прикоснулись небеса.
На эту башню Спасскую смотрели
Столетия
И Гагарина глаза.

Земля, над тобою тучнели вороны,
Лежала ты, раны страшней, —
Немая, оглохшая,
В зваха воронок,
В надорванных шрамах траншей.
Земля, низвергались бетонные кровли,
В обломках
Живущих губя,
И ливни родной, человеческой крови
Насквозь пропитали тебя.
Земля, даже душу тебе опалило,
И сколько сгорело дотла.
Каких космонавтов, каких исполинов
Война в колыбели сожгла.
И думалось:
Счастья тебе не дожидаться —
Такое творили бои,
Что, верно, должны бы седыми родиться
Тревожные дети твои.
Но буря страданий, слепящая болью,
Не сделала душу седой.
Но Юрий Гагарин над глобусом в школе
Встает,
Освещенный мечтой.
Но ливень поет по лугам и по взгорьям,
С травинками силу деля...
Засеяна смертью,
Отчаяньем,
Горем,
Ты радостью всходишь,
Земля!

На плоскость Юрий вышел
Первым,
На миг помедлил на крыле...
И сердце здесь секундомером
Вело отсчет в пути к земле.
Но вот она почти что рядом.
И пашня с цифрами грачей
Лежит огромным циферблатом,
Вся в стрелках солнечных лучей.

Фрагменты поэмы.

ЗНАК ЕДИНЕНИЯ

Привлекательно, когда в обычных житейских ситуациях прозаик находит «предмет» для размышлений, из простых, незамысловатых историй извлекает нравственный урок. Герои книги орловского писателя Н. Перовского «Дорога к дому» — сельский художник, получивший на областном конкурсе первую премию; и «новоиспеченный» кандидат наук, женившийся на дочери своего начальника и потому сделавший карьеру; бывалый механизатор Евдокимыч, тридцать лет проработавший на тракторе; и неудавшийся артист Федька Филиппов, не сумевший ответить на приемных экзаменах во ВГИК на вопрос о Чарли Чаплине. Почти все, кто населяет книгу, — это вчерашние деревенские жители, ставшие по той или иной причине горожанами. Ну вот, подумает читатель, — очередная постановка поднадоевшей уже проблемы города и села. Но повести и рассказы Н. Перовского и о другом — «знании единения», о «памяти и преемственности», о «всеобщей связи» между людьми. Потому что «человек — не древесный листок, лишенный разума». Не претендуя на обобщения, рассказы Перовского искренни; они написаны человеком неравнодушным, стремящимся постичь суть характеров и «связь времен», внимательным к человеку — нашему современнику.

...Подполковник Василий Бочкарев едет в родную деревню навестить старушку-мать. Путь был длинный, но вот «как бы выросли из земли сныряды соломы, лесополосы... Это его земля. Его дорога к дому». Воспоминания окутали героя повести, пробудили память: школа, работа на комбайне, смерть

отца, первая любовь, война. «Постепенно все войны века, — думает Бочкарев, — сольются как бы в одну. Что же будут думать о нашем времени люди следующего тысячелетия? Воевали, снажут... Пронятые войны не дают деревне встать на ноги...»

Повесть «Дорога к дому» пронизана любовью к матери, неодолимым желанием увидеть ее еще раз. «Василий кинулся к матери, подхватил ее на руки и понес в дом, радуясь, что в ней нет еще старушечьей легкости и что она еще поживет». А может быть, и он, подполковник Бочкарев, сумеет остаться здесь, в родных местах, навсегда.

Рассказ «Евдокимыч» занимает всего четыре страницы, но на них автор создает образ человека незаурядного, отличающегося своим философским подходом к жизни. «Такие люди, как Евдокимыч, не станут выкладывать непроверенные мысли, а только если что-то дошло, уложились», — говорит автор.

Как проследить путь этого человека от размышлений о земле до мыслей о звездах, спрашивает автор. И отвечает мыслью Евдокимыча, которая опять же родилась в нем как открытие, откровение: смерть еще не предел. Потому что есть «память о человеке и всеобщая связь». В рассказах писателя есть внутренняя завершенность и в то же время простор для размышлений читателя, вера в его сотворчество.

Не все произведения Н. Перовского равноценны. Но поиски психологизма, лирической утонченности письма, к которым стремится автор, раскрывая характеры своих героев, вполне оправданы и привлекают в первой прозаической книге поэта.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

Про московскому время

Ты стал частицею восхода,
Ты солнцу посмотрел в глаза.
И чудо первого полета
С тобой творило чудеса:
Оно заманивало мчаться
Вдоль облачного серебра
Самой надеждою на счастье
И обещанием добра.
Как будто слиты миг и вечность,
И распрямляешься ты в рост
Могуществом пятиконечных
На крыльях высвеченных звезд.

«Не прощать себе слабость минутную,—
Шепчет Юрий в преддверии дня.—
Это я пошутил, что как будто бы
Сновидений нет у меня.
Да, призвание мое — азияция,
Но как много неведомо мне.
Как пытаюсь в себе разобраться я
С сердцем собственным наедине.
Каждый раз по-иному расцвечены,
Совершая ночной разворот,
Сны мои,
Самолеты-разведчики,
Далеко улетают вперед —
В незнакомую смутную сторону.
В то пространство, что ныне темно,
Затуманено,
Замаскировано,
Неизвестностью заслонено.
Ими трудные трассы прочерчены:
Реактивные крылья крена,
Сны мои,
Как пилоты-разведчики,
Возвратившись,
Оставят меня.
И сквозь зыбкую дымку весеннюю
Я, проснувшись, зову их, зову,
Чтобы их разглядеть донесения,
Чтобы их расспросить наяву.

Сколько видел я раз: в ожиданье зари,
Отводя темноту постепенно,
Загораются
Звезды,
Костры,
Фонари,
Полыхают бесшумно мартены.
Я к чему-то высокому сердцем готов,
И в души тайниках сокровенных
Столкновение галактик,
Крушение миров,
Воскрешение,
Кружение вселенных».

Наш выпел в звездных коридорах
Пронизывает темноту,
Как искорка костра,
Который
Зажжен в семнадцатом году.

Роднясь со звездными мирами,
Он в бурях века не угас:
Как высоко он поднят нами!
Как высоко он поднял нас!

Столетие, несущее бурно,
Приоткрывает будущее мне.
Моя Москва —
Высокая трибуна,
С которой обращаются
К стране.
Звенят антенны натянутые струны,
И полюс отзывается во мгле.
Моя страна —
Высокая трибуна,
С которой обращаются к Земле.
Клич спутников, вращающихся юно,
Разносится, уверен и упрям.
Моя Земля —
Высокая трибуна,
С которой обращаются к мирам.

Сизою предутреннею ранью
Замерло дыхание жены.
Руки, руки, руки расставанья,
Как нежны вы,
Как вы тяжелы!
Как же тут останешься в покое,
Если рядом, может быть, беда?
В этот раз
Прощание такое,
Будто расставанье — навсегда.
Но теплее, ласковей, чем прежде,
Излучая сердца благодать,
Руки, руки веры и надежды
Прибавляют мужества опять.
И спросить захочешь, а не спросишь:
Вечностью ль в судьбу твою войдут,
Чем они окончатся —
Сто восемь
На полет рассчитанных минут?..
Не желая милого лишаться,
Грустной беззащитностью сильны,
Космонавту на плечи ложатся
Руки провожающей жены.

Фотография Королева
У Гагарина на груди:
Снят в буденовке окрыленной,
Что-то видящий впереди.
Словно смог с Гагариным слиться.
Как у братьев, глаза чисты,
Что-то общее в этих лицах:
Может, отблески высоты.
Будто выпел эпохи новой
Юрий поднял до самых звезд:
Фотографию Королева
Первый
В космосе он пронес.
Славой
Первого
Коронован,
Возле сердца не напоказ
Фотографию Королева
Пронесил
По Земле
Он не раз.

Эй, мечта! Ты явью стала! Здравствуй!
В Байконуре люди — мастера.
Женщина в космическом пространстве —
Юрия Гагарина сестра...
Яркость трасс — эпические строки.
Слышит век дыхание Кремля.
Первый раз в космической дороге
Вышел человек из корабля.
Первый раз, как, вырвавшись из шлюзов,
Мчатся вести речкой золотой:
Первый раз стыковка двух «Союзов»
И объятья встречи
Над Землей.

Вниманье!.. Пуск!..
И в поднебесье —
В космические выси
Врублен
«Союз» —
Союз Советских
Социалистических
Республик.
Союз Поэзии и Прозы,
Союз Надежды и Свершенья...
И все сейчас как будто просто,
Хотя безбрежно напряженье.
Но все-таки сейчас так веско,
Как наше пламенное знамя:
«Союз» —
Союз Советских
Социалистических Дерзаний!
Да, дышат вечностью
Мгновенья,
Когда штурмуются высоты:
Союз Труда и Вдохновенья,
Союз Отваги и Расчета...

Мы — космонавты,
Все мы — космонавты,
Рискующие в бездне высоты,
Врезаемся в заоблачное Завтра
Стартующей ракетой Мечты.
Мечта, мечта — о будущем народов,
Преображенных силой Октября.
Мечта о братстве, равенстве, свободе
И вера в то, что мы живем не зря.
Мы все в полете,
Мы за все в ответе —
Безумию войны
Наперекор...
Далекое туманные планеты
Все ближе нам,
Штурмующим простор.
Окрестности
Загадочной Вселенной
Мы обживаем спутников семьей.
Все напряженней
Путь наш дерзновенный,
Все выше выпел
С красною звездой.

Искусством навигации владея,
Вбирая за пейзажами пейзаж,
Живым дыханьем ленинской идеи
Летел международный экипаж.
Мечтами и свершеньями своими
И даже четкой собранностью слов
В полете

неразлучны были

с ними

И Циолковский сам
И Королев.
Там, на борту,

немало

им досталось,

Сквозь темноту
дорога непроста.
Но в теплоту улыбки их

вливалась

Гагаринской улыбки
Теплота.

О. ЮРЬЕВ,
фото И. ТУНКЕЛЯ

Тонец в будущее

Вскоре после победы Октябрьской революции В. И. Ленин говорил о необходимости создать специальный музей, в котором были бы собраны подлинные рукописи русских писателей, свободные от искажений царской цензуры. Вообще же идея создания в будущей, послереволюционной России музея русской литературы, критики и общественной мысли зародилась еще в 1904 году, когда в Женеве возник партийный архив при ЦК РСДРП.

Пожелтевший приказ Наркомпроса РСФСР от 16 июля 1934 года. С него начинался Государственный литературный музей, призванный «воплощать музейными средствами историю отечественной литературы», рассказывать о творчестве крупнейших писателей. Организатором, первым директором и в буквальном смысле душой ГЛМ стал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич — старый большевик, соратник Ильича, бывший управделами Совнаркома, общественный деятель, историк, литератор и архивист. Человек высокой культуры и исключительной энергии. Это он в разгар интервенции и гражданской войны написал по поручению Ленина брошюру «Сохраняйте архивы», подкреплявшую ленинские декреты об упорядочении архивного дела.

«Воплощать музейными средствами...» Впервые учреждение подобного рода получило огромные права и возможность покупать у частных лиц рукописи и памятные вещи. Устанавливается связь с периферией, предпринимаются энергичные поиски за границей (Бонч-Бруевич сумел вовлечь в них сотрудников наших посольств). Потоком идут в музей автографы, дневники, записные книжки, альбомы, чемоданы с письмами и черновиками, документы, воспоминания, рисунки, портреты, фотографии, книги с дарственными надписями, целые писательские библиотеки. И среди этих богатств — тетрадь автографов Пушкина, подаренная им Н. В. Всеволожскому, дневник П. И. Долгорукова, сослуживца поэта по Кишиневу, пятьдесят два тома материалов из архива П. И. Бартечева, архивы В. Г. Чертова и множество других уникальных материалов.

Но получить материалы — лишь часть дела. Тем более что бумаги редко сдаются в архив в порядке. Все это следует разобрать. Прочитать. Определить разные почерки. Соотнести документы между собой. Датировать. Узнать, кто изображен на фотографиях (на групповых снимках необходимо узнать каждого) и когда они сделаны... С комплектованием фондов оказалась сопряжена кропотливая исследовательская работа. В ней кроются заинтересованные литературоведы, историки: новые находки меняют привычные представления. Изучение же фондовых материалов влечет за собой публикаторскую деятельность: в те годы в музеях готовятся чуть ли не десятки изданий одновременно...

Кому из специалистов и просто людей, интересующихся культурой, не знакомы знаменитые «Звенья» — музейные сборники «по истории русской общественной и литературной мысли, в которой еще так много «тайн», как говорилось в предисловии к первому выпуску. Он вышел в 1932 году под редакцией Луначарского и Бонч-Бруевича. Последний, девятый, увидел свет в 1951 году, и Владимир Дмитриевич еще успел отредактировать его. Тринадцать томов «Летописей» (первый, целиком посвященный Пушкину, был издан в 1936 году) и регулярно появлявшиеся с 1935 года «Бюллетени» служили ярким дополнением к «Звеньям».

В наши дни многообещающей попыткой в какой-то степени продолжить традицию являются периодические сборники «Новое и забытое» (с 1966 года вышло пока только три сборника), которые предлагают читателю оригинальные статьи на основе архивных изысканий и публикации неизвестных документов. Это не «научные записки» и не «ученые труды», а скорее своеобразные музейные новеллы, эссе. Их авторы в данном случае преследуют цель сочетать строгую научность с популярностью изложения. Ведь документированная история перестала ныне быть достоянием узкого круга знатоков и превратилась в насущную потребность миллионов читателей.

...Все собранное тогда в маленьком московском особняке на Моховой улице, причем за какие-то семь-восемь лет, сразу поставило Гослитмузей в один ряд с самыми прославленными архивами. И не только литературными. Теперь, в конце XX века, по про-

шествии долгого времени, можно в полной мере осознать, какое культурное достояние спасено от распыления и гибели.

Вы спросите, однако: а где же при этом сам музей? В обычном понимании слова его нет, вернее, он един во многих лицах. Пока их семнадцать, но вскоре будет больше. Вместо скученных рядов стендов богатства музейных запасников вынесены в естественные исторические «декорации» живописных переулков старой Москвы, где расположились мемориальные музеи писателей — филиалы ГЛМ, и, право, трудно поверить, что вначале весь он находился под одной крышей.

— Судьба его складывалась нелегко, только за первые десятилетия своего существования музею более двадцати раз приходилось менять адрес. Создание филиалов (мы предпочитаем называть их отделами) было, в сущности, вынужденным, поскольку экспозиционных помещений не хватало. Но практика показала, что этот путь единственно верный...

Наш «разговор накануне юбилея» с директором Гослитмузея, заслуженным работником культуры РСФСР Н. В. Шахаловой начинается под низкими сводами бывших Нарышкинских палат на Петровке и продолжается в других музейных «владениях». Сперва они включали в себя только «домик-комод» Чехова. Сегодня открыты мемориальные музеи Лермонтова, Герцена, Достоевского. Завершена реставрация аксаковского дома, в котором развернута юбилейная выставка Н. В. Гоголя. Заканчивается реставрация квартиры А. В. Луначарского, А. Н. Толстого, подмосковного дома Пришвина...

В этих стенах вещь перестает быть экспонатом и делается чем-то иным: памятником, знаком, символом. Здесь, в тщательно воссозданной обстановке жизни художника, с писательских имен слетает «хрестоматийный глянец», они становятся ближе и понятнее, побуждая вновь перечитать прекрасные книги. А это в конечном счете самое важное.

Той же задаче служат передвижные экспозиции, традиции которых сложились уже в предвоенные годы. Некоторые целиком были получены из слившегося с ГЛМ небольшого литературного музея при Ленинской библиотеке, например, замечательная выставка «20 лет работы Маяковского». В 1973 году ее реконструировали в залах Центрального Дома литераторов на улице Герцена — там, где некогда поэт готовил свой творческий отчет, — и затем она совершила триумфальное шествие по многим странам мира. Заметным событием в нашей культурной жизни стали недавние выставки, приуроченные к юбилеям Блока, Жуковского, Гоголя.

А сколько подшефных выставок, экспозиций и литературных музеев помог организовать ГЛМ!

Бывали, разумеется, трудности, неудачи.

— Музейный «взрыв», который сейчас у нас наблюдается, — явление в принципе глубоко закономерное и отрадное, — говорит Наталья Владимировна. — Оно вызвано возросшими культурными запросами народа, желанием приобщиться к национальным корням, ощутить «связь времен» и себя в потоке времени, лучше узнать наше прошлое. Литературно-мемориальные музеи во многом отвечают этому желанию, и такого их количества, как у нас, нет больше нигде в мире. Но подчас они возникают несколько хаотично, без должной подготовки, и экспозиции строятся по заведенному шаблону, копируя друг друга. А ведь музей, как известно, — дело творческое, у него должен быть свой неповторимый облик, свой язык. Помогая коллегам, мы стремимся добиваться этого, вот только не всегда это сразу получается.

Однако то, что не удастся с первого раза, можно затем поправить. Так происходит сегодня в есенинских местах. Одновременно научно-методический отдел ГЛМ занимается под-

готовкой новых экспозиций музеев А. К. Толстого и Тютчева на Брянщине, Грибоедова в смоленском селе Хмелита. Ждут своего часа пушкинское Болдино, заброшенный дом Салтыкова-Щедрина в подмосковном Спас-Угле, куда из недалекого Боблова прилетал на воздушном шаре Д. И. Менделеев. Всесторонне продумываются планы шолоховского мемориального комплекса на Дону...

А каким быть «музею былин» в Суздале, музею «Слова о полку Игореве» в Ярославле? Окончательного ответа на эти вопросы пока нет.

И все же основным для нас остается собирательство, повседневное пополнение фондов, которые насчитывают на сегодняшний день свыше полумиллиона единиц хранения.

Всякий литературный музей — прежде всего музей книги. Здесь их более 200 тысяч. Своеобразной библиотекой в библиотеке является отдел редкой книги, экспозиционная и научная база музея. «Прописка» ее в доме на Рождественском бульваре, в котором жил Демьян Бедный, не случайна и символична.

Один из зачинателей новой пролетарской литературы был также одним из крупнейших советских библиофилов. В 1940 году Гослитмузей приобрел его несравненное книжное собрание (30 тысяч томов).

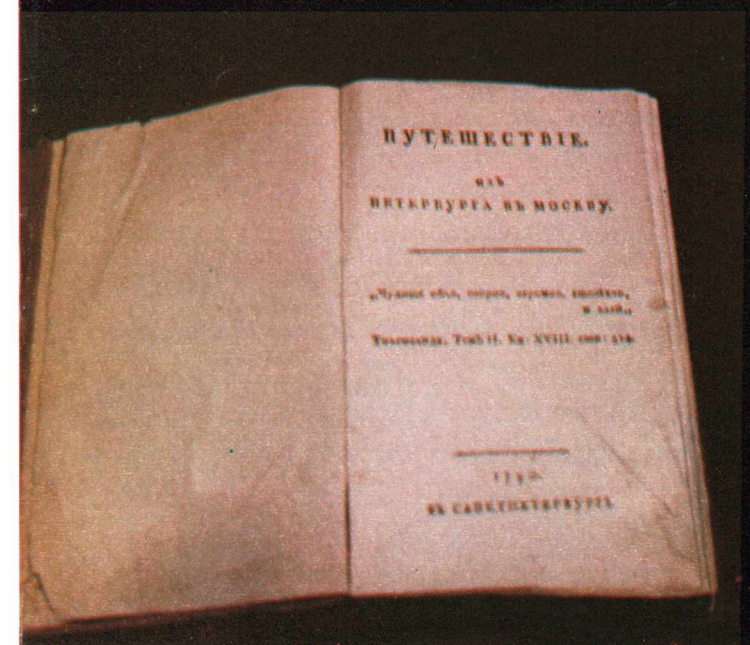
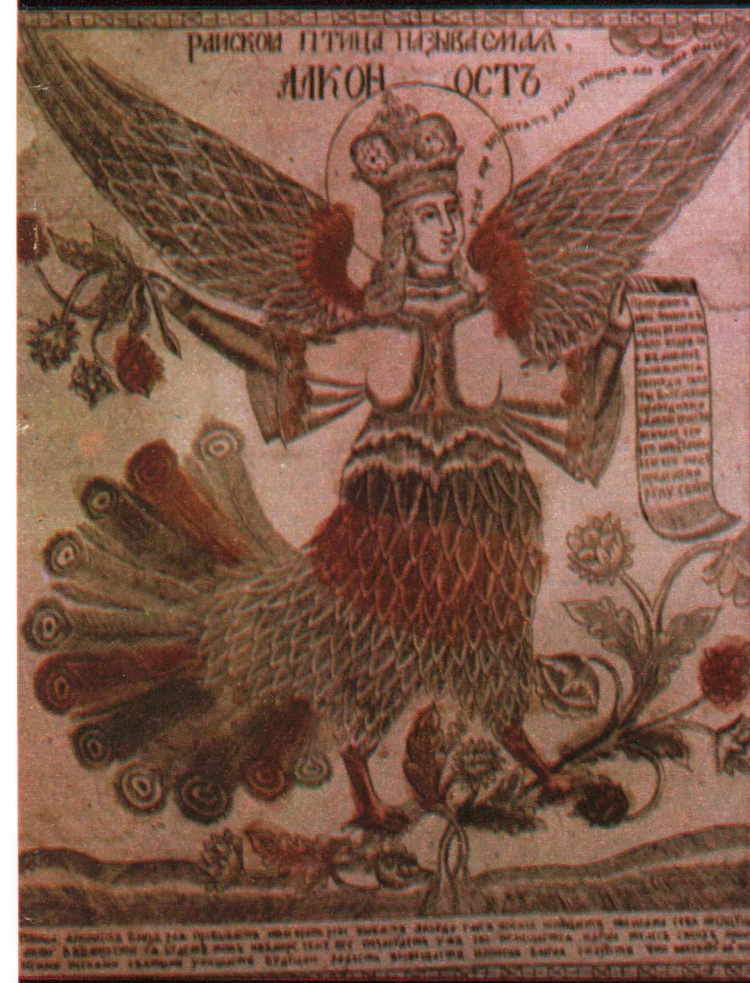
Коллекцию открывают русские рукописные книги XVI—XVII веков и первенцы гражданской печати эпохи петровских преобразований. Рядом — новиновские журналы «Трутен», «Живописец», «Кошелек», сатирические журналы молодого Крылова, 15-я книжка «Телескопа» с «Философическими письмами» Чаадаева, уничтоженная цензурой. Поражает полнотой подборка альманахов пушкинских пор, в которой каждый напоминает о великом поэте. С именем Пушкина связан и ценнейший раритет собрания — «Русский Декамерон», написанный в каземате В. Кюхельбекером. Книга ссыльного декабриста вышла анонимно в 1836 году. Издателем ее был никому неизвестный А. Иванов. Когда в 1938 году с этой книгой познакомились пушкинисты, большинство ученых пришло к выводу, что под псевдонимом «Иванов» скрывался Пушкин.

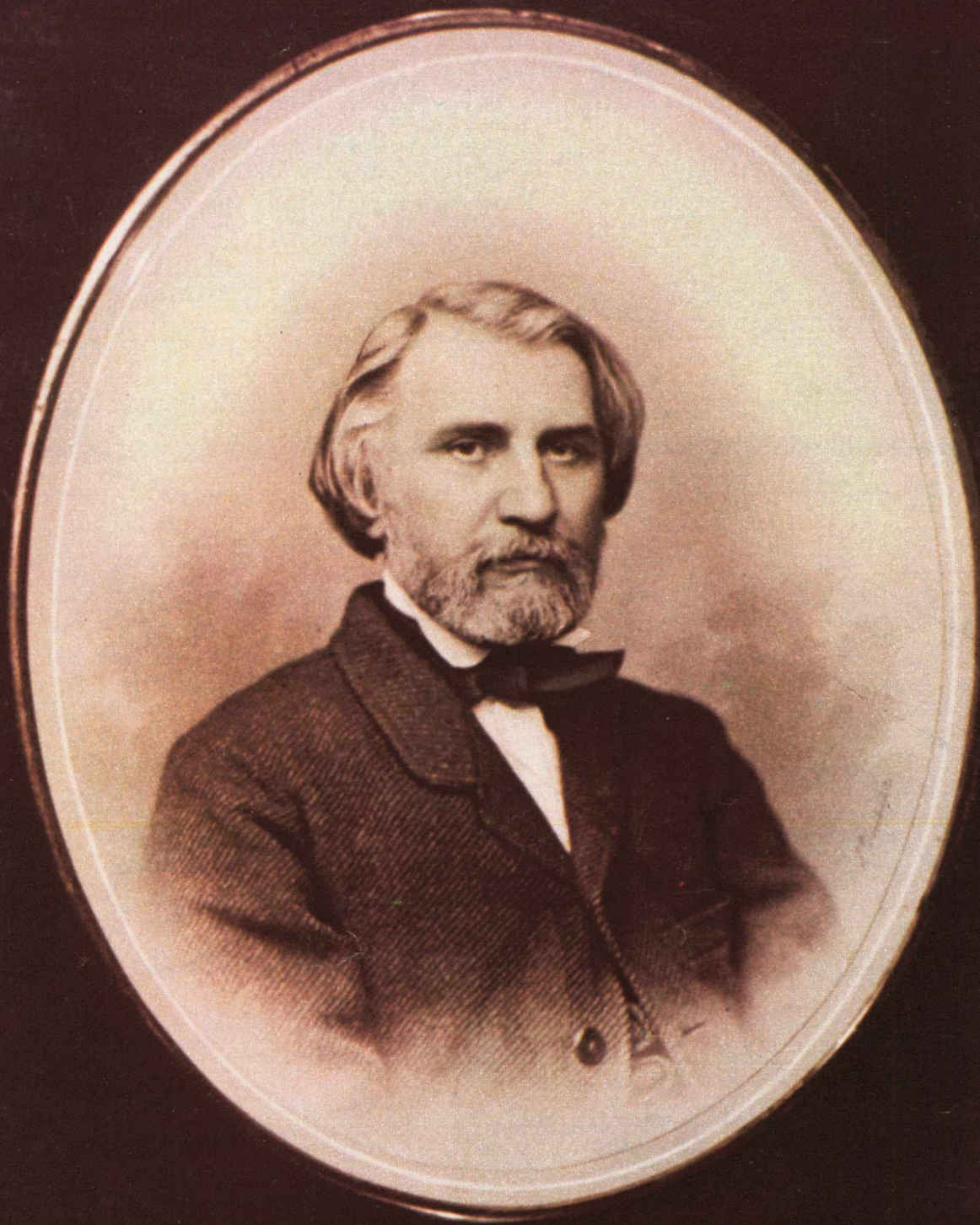
Подлинной жемчужиной книжного фонда по праву считается радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву». Автор напечатал его на собственном типографском станке в 1790 году. По приказу императрицы весь тираж в количестве 650 экземпляров был уничтожен, уцелело лишь 14 книг. Одну из них сберегли родственники писателя и передали ее в 1948 году Литературному музею...

Многие автографы в богатейшем музейном собрании — от Тредиаковского до наших современников — оказываются существенным штрихом в творческой биографии писателя, любопытным как исследователю, так и обычному посетителю.

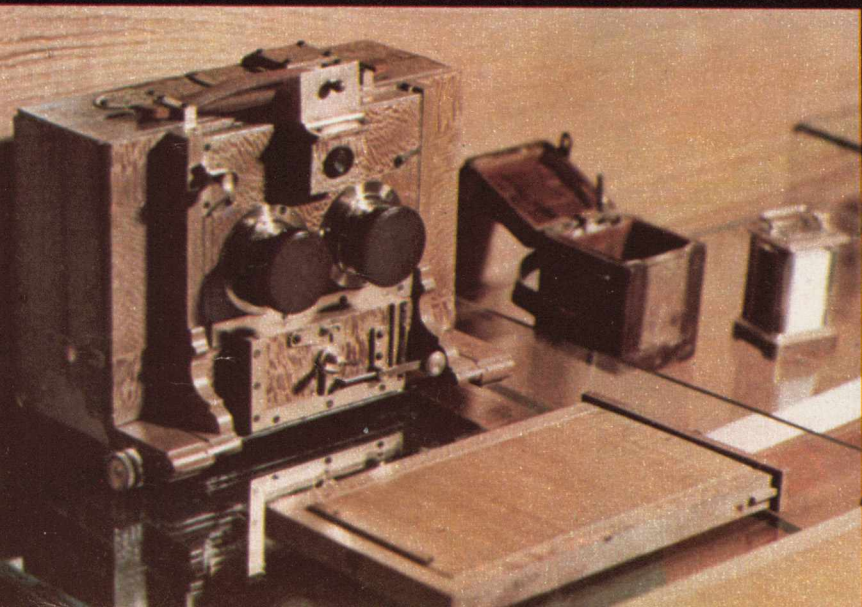
Русские книги XVIII века из фондов Государственного литературного музея * Мифологическая птица Алконост. Гравюра на меди. Конец XVIII века * А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву», 1790 год. Один из 14 уцелевших экземпляров * А. Н. Радищев. Портрет работы неизвестного художника XVIII века * Редкие книги первой трети XIX века.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: И. С. Тургенев. Фотография А. Денъера. 1859 год * Портреты пушкинских пор * Э. Ф. Тютчева [жена поэта]. Портрет работы Ф. Дюрка. 1840-е годы * Фотографический аппарат С. Т. Аксакова и часы М. Е. Салтыкова-Щедрина * Директор Литературного музея Н. В. Шахалова и главный хранитель В. В. Аюджанова * Кавказский пейзаж А. Белого * Готовится экспозиция, посвященная советской литературе.

И. С. ТУРГЕНЕВ
1818 - 1883
Музей-квартира И. С. Тургенева
ул. Тургеневская, 10, Москва, М. - 125080

Осторожно перелистываем первый том сочинений Державина 1798 года, также не избежавший столкновения с цензурой, которая исключила из оды «Изображение Фелицы» показавшиеся предосудительными две строчки. И вот в этом экземпляре поэт упрямо вписывает недостающие стихи:

Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу —

и уже по-новому всматриваешься на старинном портрете в неприступные черты его лица под напудренным париком...

Да, в отделе изофондов, частично разместившемся в классическом флигеле бок о бок с Государственным музеем А. С. Пушкина на Кропоткинской улице, история отечественной литературы, что называется, оживает в лицах, а тематически подобранные гравюры первоклассных русских и зарубежных мастеров погружают нас в атмосферу ушедшей эпохи.

Здесь можно увидеть единственный прижитый портрет Грибоедова и уникальный портрет его вдовы Нины Чавчавадзе, рано постаревшей от горя утраты. О чем-то сокровенном задумался молодой Гоголь на автолитографии А. Венецианова, и непривычен Толстой в натурных зарисовках Л. Пастернака...

Великолепна музейная коллекция иллюстраций, включающая работы К. Брюллова, А. Иванова, И. Репина, В. Серова, М. Врубеля, картины и рисунки самих писателей. Взяв хотя бы знаменитые живописные произведения Лермонтова, рисунки Жуковского, Гоголя, Маяковского или серию полотен М. Волошина и кавказские пейзажи А. Белого, экспонировавшиеся недавно в Тбилиси...

Сегодня они вместе с остальными сокровищами Литературного музея, награжденного орденом Дружбы народов, украсили стенды фондовой выставки, подобной которой не было давно.

— К своему юбилею нам хотелось показать, что, как и почему мы храним и собираем, — рассказывает Н. В. Шахалова. — Долго обсуждали план и в конце концов решили не навязывать посетителям жесткой схемы. Пусть экспонаты сами ведут их от эпохи к эпохе, от

писателя к писателю. В целом же старались охватить три века русской литературы...

Прибавим, что здесь нашлось место и реликвиям из еще не существующих литературно-мемориальных музеев, о которых невольно вспоминаешь при виде стальных очков Вяземского, громоздкого фотографического аппарата С. Т. Аксакова, вещей М. Цветаевой. А любимый фарфоровый станчик Гоголя, собственноручно им сделанный, когда тот дал трещину, остался на выставке в Трубниковском переулке. Будем надеяться, что увидим его когда-нибудь рядом с обшуранным пером и потертым портфелем для бумаг в последней квартире писателя на Суворовском бульваре, где должен быть создан музей, достойный памяти гениального художника слова.

Пока же во вновь отреставрированном особняке в Трубниковском переулке (там помещалось знаменитое остроуховское собрание живописи) открывается Музей советской литературы. На Петровке начнет действовать постоянная экспозиция, посвященная истории русской литературы с древности до конца XIX века.

Забот много. Ближится юбилей «Слова» и совместная с Государственным историческим музеем выставка, которая поедет в Париж. Нуждается в расширении и реконструкции Музей-квартира Ф. М. Достоевского во флигеле бывшей Марининской больницы, где родился и провел детские годы великий писатель. К 175-летию со дня рождения А. И. Герцена обновится его мемориал. Молодые посадки старых пород зазеленеют во дворике деревянного лермонтовского особняка с мезонином на Малой Молчановке. Да и прочие музейные «вотчины» нуждаются в реставрации либо в косметическом ремонте. И на все требуются силы, время. А директор уже исподволь ведет переговоры о передаче ГЛМ бывшего дома Грибоедова на улице Чайковского...

— Ничего, побольше бы таких забот! — улыбается она. — Вот нас теперь просят помочь в организации музея «Чеховский Сахалин». И действительно, давно пора, ведь Антон Павлович исходил каторжный остров вдоль и поперек, героически собирая материал для своей обличительной книги. Мы в долгу перед блоковским Шахматовым и выделили специальную рабочую группу, которая вплотную займется вопросами восстановления дома поэта и создания в нем мемориального музея.

— А как вы относитесь к идее создания музеев Есенина и Блока в Москве?

— Сохранились дома, связанные с московским периодом жизни и творчества обоих поэтов. И я верю, что рано или поздно эти музеи будут непременно созданы. Главное — не бояться трудностей, препятствий.

Приведу характерный пример из собственной практики. В 1972 году единственное наше здание на улице Димитрова снесли, а Гослитмузею с его огромными фондами предоставили взамен помещение бывшего детского сада в жилом доме (!) на Ленинском проспекте... Ну, как мы выходили из этой отчаянной ситуации, долго и не слишком приятно

рассказывать. Скажу только, что полученный урок не пропал даром. Тут я лишней раз убедилась, с какими замечательными людьми, настоящими профессионалами и энтузиастами своего дела свела меня судьба.

Ксения Сергеевна Павлова, работавшая с Бонч-Бруевичем. Елена Николаевна Дунаева. Наш главный художник — Николай Спиридонович Матаков. Он пришел в музей прямо с фронта, артиллеристом, оформлял наиболее значительные выставки и подшефные экспозиции. В этом году его не стало — потеря невозполнимая. Много лет трудится в музее Александра Андреевна Ширяева, возглавляющая отдел рукописей. А ведь рукописный фонд ГЛМ собирался дважды — первый, укомплектованный еще Бонч-Бруевичем, уступили в 1940 году только что образовавшемуся Центральному государственному архиву литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ), и все пришлось начинать заново... По всем ступеням музейной «лестницы» поднялась Вероника Вартамова Акопджанова — наш главный хранитель. В крупного специалиста, защитившего кандидатскую диссертацию, выросла с 1961 года выпускница университета Ирина Александровна Желвакова. Дом Герцена — ее кровное детище. С университетской скамьи пришла в музей Елена Дмитриевна Михайлова, возглавляющая ныне научно-методический отдел...

Они учились у наших славных старожил, а теперь сами передают свой богатый опыт молодежи. Преемственность поколений — давняя традиция Литературного музея, определяющая его климат. Надо сказать, что перед глазами у нас был прямо-таки героический пример предшественников, которые без эвакуации умудрились сохранить полностью музейные коллекции в суровые годы войны да еще приумножить их уникальными фронтовыми экспонатами.

И последнее, о чем хотелось бы сказать. Мы по-прежнему являемся ведущим литературным музеем страны и должны координировать деятельность всевозрастающего количества аналогичных музеев в разных союзных республиках. Однако наших мощностей для этого уже недостаточно. Вот почему, расширяя свои филиалы, мы мечтаем о строительстве нового здания научно-методического центра. Быть может, тогда нам удастся разработать концепцию литературного музея завтрашнего дня, которую от нас ждут...

...Прошло то время, когда об архивах и музеях принято было говорить с оттенком иронии, как о чем-то неподвижном, далеком от жизни. Сегодня мы понимаем, что они гонцы в будущее и что по ним о нас будут судить наши потомки.

А. Н. Толстой. Художник П. Корин. 1940 год (авторское повторение) * Анна Ахматова. Художник А. Осьмеркин. 1939 год * Автограф страницы «Молодой гвардии» и личные вещи А. А. Фадеева.

Фото С. ПЕТРУХИНА

ПУСТЬ ГОЛОС СНОВА ЗАЗВУЧИТ...

Елена ОБРАЗЦОВА,
народная артистка СССР.

Мне довелось петь на сцене Большого театра в «Борисе Годунове» с Алексеем Петровичем Ивановым. В этом году ему исполнилось бы восемьдесят лет. И сейчас, когда его нет, с особым чувством ощущаешь, как много он отдал людям...

Я счастлива, что судьба свела

меня с выдающимся художником, замечательным актером и певцом, прекрасным русским человеком. Я очень любила Алексея Петровича — скромного, умного и обаятельного, чудесного друга; многому училась у него — жизненным премудростям и театральным секретам, творческой дисциплине.

Народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР, Алексей Петрович был ярким, самобытным актером и великолепным вокалистом. Разносторонне образованный человек, он оставался всегда верным товарищем и честным, глубоко принципиальным художником, оставившим яркий след в истории вокального искусства. Только в опере он пел сорок лет! И исполнял самые трудные партии баритонного репертуара; труднейшую партию Риголетто он спел около трехсот раз; редко кому под силу такой титанический труд.

Высокое актерское мастерство в сочетании с блестящим вокалом позволило ему исполнять с одинаковым успехом партии драматического, комедийного, лирического и героического репертуара. Особенно близки были ему герои русских произведений: он был неповторим в партиях Руслана, князя Игоря, Григория Грязного, Мизгиря. А ведь творческие успехи сами не приходят, и лавры достаются напряженным ежедневным трудом. В детстве Алексей Петрович не получил музыкального образования.

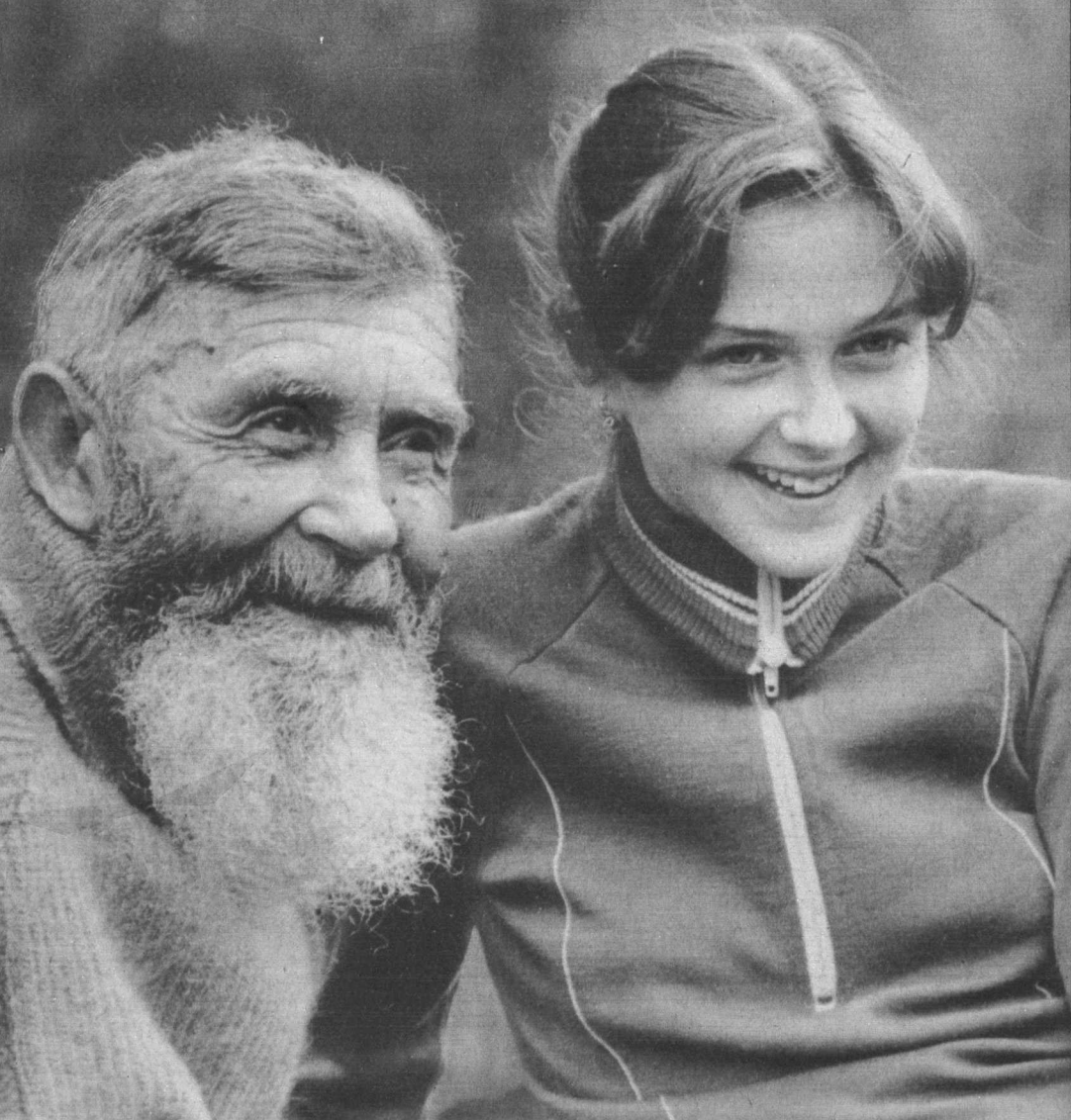
А. Иванов в роли Грязного.

Да и все ему нужно было постигать в зрелом возрасте. Как он рассказывал, только в восемнадцать лет впервые прокатился на поезде. Зато сколько же он читал! Самостоятельно изучал иностранные языки, занимался живописью, писал рассказы. И вживался во внутренний мир своих будущих героев, посещая музеи, картинные галереи, исторические заповедники, монастыри. Грим для каждого образа он создавал сам, как это делал Ф. И. Шальпин, находя свой портретный, музыкальный и драматический образ.

Надо ли говорить, каким незаурядным камерным певцом он был. Произведения почти всех русских и зарубежных классиков, русские народные песни и романсы входили в программу его многочисленных концертов, с которыми он гастролировал по стране и за рубежом. Особенно любил петь для своих земляков в Калинин, и, конечно, в Бежецке и селе Чижове, где он родился.

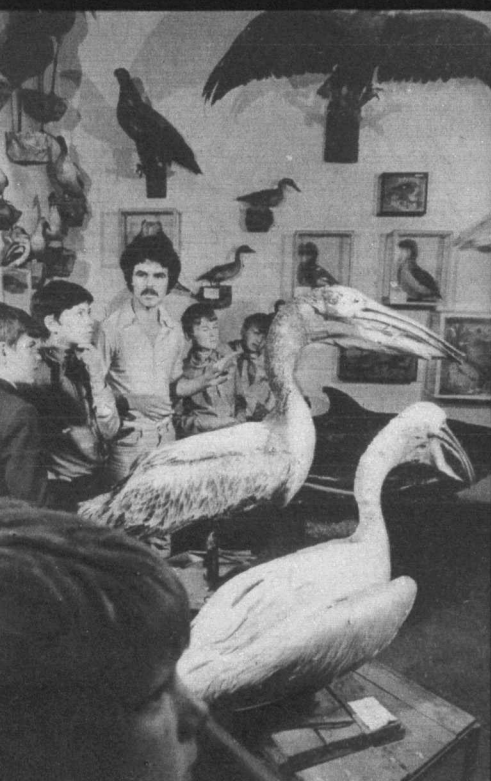
В наследство любителям пения остались грамзаписи — это бесценный клад для молодых певцов и педагогов пения. И как же это обидно, как неверно, что его пластинок нигде в продаже нет! А ведь с его участием записаны подлинно шедевры исполнительского мастерства.

Наверное, надо хотя бы в юбилейную дату вернуть людям редчайший голос выдающегося русского певца.

Григорий Карлович Овсянников с внучкой Таней.

На вилке у Дуная

Невелик местный музей, но отсюда начинаются дороги ребят по родному краю.

Цех, где изготавливаются километровые кошельковые неводы для океанского лова, называется сетестроительным.

В красоте и своеобразии Вилкову не откажешь.

Б. СМЕРНОВ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Г

ород на воде, улицы — каналы, вместо колесного транспорта — лодки... Едва взглянув на фотографии, можно понять, что речь пойдет не о знаменитой Венеции, а о маленьком городке Вилкове в устье Дуная — впрочем, тоже довольно известном экзотическом уголке земли. Но каждый раз, читая газетные заметки о вилковских красотах, я так и не мог представить себе, как это все выглядит не на снимках, а в жизни, как удалось городу организовать свой самый прозаический быт среди идиллических каналов.

...Одесса, морской порт. Три часа полета по Черному морю на комфортабельной белой «Комете». Низкая полоска берега приближается, расступается широкой протокой с мутновато-серой водой: это уже Дунай. Не видно ни домика, ни забора, только густые ветлы вдоль берегов да уходящие к горизонту заросли камыша: это плавни, целая система островов, рожденных медленным течением илистых вод Дуная. Река здесь словно играет берегами: то намоет остров, то прорвет собой же сотворенную дамбу... Рукав, по которому сейчас идут суда, так и называется — Прорва. Точное словцо! «Глядите, каюк!» — восклицает рядом кто-то из пассажиров, и мы смотрим на небольшую рыбацкую лодочку, деловито шныряющую по волнам. Также метко названо — мол, чуть ошибешься, и каюк тебе в этой лодке! Но где люди, там жилье — и через несколько километров над плавнями возникают очертания маковок церковей, сквозь густую зелень деревьев уже видны крыши. «Комета», осев корпусом в поднятую ею же волну, поворачивает к дебаркадеру с надписью: «Вас приветствует город Вилково».

Прорва, каюк, Вилково — в этих словах часть обаяния здешних мест. Мало того, что названия говорящие (Вилково, например, — это «вилна» из трех рукавов Дуная) — в них история и необъяснимые свойства русского языка, который, попав здесь в окружение языков украинского, молдавского, румынского и даже турецкого, сохранил за сотни лет свою образность и чистоту. Когда-то в дунайской глуши обосновались беглые казаки-старообрядцы, и сегодняшние коренные вилковчане до сих пор называют себя липованами, хотя смысл этого слова (раскольник Филипп — филипповская община — липоване) давно растворился в потоках времени. Но остались в традициях трудолюбие, любовь к необыкновенной опрятности своих маленьких жилищ, тяга к красоте приусадебных участков и верность русскому слову. Здесь, например, в ходу имена, которые в самой России часто позабыты: Кондрат, Анидин, Корней, Тит, Калистрат, Федосей, Изот, Пров. А вот почему

Одна из улиц Вилкова: кругом вода!

большую лодку называют магуной, весло — бабайкой, корзину — баяном? Лингвист, возможно, найдет тому исторические корни, а тут эти слова живые, обиходные...

Улица от пристани к центру города. Самая обычная улица... Нет, необычная: проезжая часть выложена бетонными плитами. Как на Чукотке — там любое другое покрытие не удержится на вечной мерзлоте, а здесь — на иле дунайских плавней. Меня обгоняет велосипедист, потом навстречу едет самый обычный автобус. Да здесь полно автомобилей — вон даже «Жигули» с кишиневским номером. Похоже, туристы: с любопытством смот-

рят из окон машины. Центральная площадь, двухэтажные кирпичные магазины, Дворец культуры рыбаков... А где же Венеция, каналы! Вот они: улица горбится мостиком, и по обе его стороны — узкий, под наклоненными ветлами, заросший травой канал. У крохотных причалов черные остроносые смоленые плоскодонки. Над причалом — калитка, за ней — пышный сад с неперенными розами, с повисшими над водой ветвями черешни, яблони, айвы, кистями винограда — и ослепительно-белые стены домиков с верандами. Покинув бетон, я иду вдоль канала по узеньким, в две-

три доски деревянным кладкам, по мостикам попадаю в каналы-переулочки, каналы-тупики, и возникает ощущение сказочности, перемешанной с самым привычным бытом. Вот по каналу едет лодка, но не на веслах, а на моторе; у руля седоволосый дед, а на носу мужчина, при галстукке, в шляпе, с папкой под мышкой. Вот женщина, толкаясь о дно веслом, ведет по каналу полную попку лодку, а канал называется «Ул. Суворова». Крохотный канал [по-местному «ерик»] ныряет под ворота и тянется до самого крылечка дома. А другой ерик — к сараю, в котором, как

в гараже, стоит на приколе катер. Мальчишки, повесив на забор штаны, ловят рыбу, а те, что поменьше, тут же бултыхаются в воду, превратив в плавсредства домашние оцинкованные тазы... Где еще увидишь такое!

Приткнулась к дощатому тротуару лодка. Женщина в клеенчатом фартуке горстями достает из нее серый, похожий на цементный раствор ил и выбрасывает на берег, к калитке. Шлеп, шлеп... Нехотя растекаясь, растет у забора то ли высокая лужа, то ли низкая лепешка...

— Что это будет! — интересуюсь, стараясь не попасть под серые тяжелые брызги. Женщина внимательно оглядывает меня, потом снова наклоняется к лодке.

— Экскурсант, наверное... Ну, смотрите, как живем, как нам эта красота дается. Руками ил со дна достаем, руками ил выбрасываем. Вот, говорят, у нас клубника богатая, а ведь на каждый корешок надо вот так ил горстями принести и присыпать... И не один раз в году! Вода берег размывает, так мы опять его руками мостим. Так и дом строим: вяжем пучками камыш, обмазываем сверху илом, и стена готова. Крыша тоже из камыша, камыш вместо дров в печке горит...

Жаль, у города нет своего герба — хорошо бы ввести камыш в вилковскую геральдику. И еще обязательно рыбу, знаменитую дунайскую сельдь, на которой выросли все поколения вилковчан. Да, нужен герб городу, я даже знаю, кто сможет его нарисовать — учитель местной школы Федор Петрович Сенько: он сам хоть и не коренной житель, но, женившись, вошел в одну из старейших липованских семей — Овсянниковых. Вернее назвать эту семью династией: нынешний ее глава, Григорий Карпович, ветеран войны, еще недавно представлял в здешнем колхозе наследие рыбацкого мастерства длиннейшей цепочки своих предков. И нет сейчас в Вилкове, пожалуй, лучшего специалиста по судовым двигателям (а также по охоте и рыбалке), чем его сын, Федор Григорьевич: спросить младшего Овсянникова — так на гербе обязательно должен быть судовой винт, потому что куда сейчас денешься без моторов... А другой, тоже коренной вилковчанин, бывший флотский гидрокластик, ныне молодой директор судоремонтного завода Александр Семенович Куцев предложил бы изобразить на гербе контуры сейнера или лодки: таких, как в Вилкове, лодок нет больше нигде на земле, а в вилковские доки встают теперь на ремонт и морские суда. Что предложит на герб орнитолог заповедника «Дунайские плавни» Виктор Панченко! Наверное, розового пеликана или серую цаплю, живущих по соседству с его семейно-робинзоновским островным домиком. И стоит прислушаться к мнению бессменного мэра Вилкова Василия Григорьевича Гидуляна: он, конечно, просит отразить на гербе новостройки, потому что сегодняшний город — это большие многоквартирные дома, новая школа, современный завод прессов, совсем недавно утвердившийся на плавнях...

Нет, не стоит сравнивать этот город с Венецией: у него своя — пусть не слишком громкая, но своя судьба.

В Вилкове нет «проблемы молодежи» — ребята после школы, как правило, отсюда не уезжают.

Вот такие стокилограммовые белуги еще попадают здешним рыбакам.

На воде от мала до велика.

ДАЛЕКО ДО ПОЛЯ КОРИДОРАМИ

А. КРУГЛЯКОВ,
генеральный директор
научно-производственного
объединения
«Белкартофельплодоощ»,
кандидат
сельскохозяйственных наук

Обычная поездка на колхозные поля. Идет посадка картофеля. Вроде бы все организовано как следует. Но что такое: сажалка отмеряет прогон за прогоном, а бункер с минеральными удобрениями как был полон, так полон и остается. Прошу остановить агрегат. Начинаем выяснять. Оказывается, высевной аппарат не работает и удобрения возят взад-вперед бесцельно. Стало быть, нарушается технология. На самом начальном этапе возделывания картофеля. А сколько еще этапов! И, увы, нарушений!

В республике есть хозяйства, которые продают до 25—30 процентов нестандартного картофеля, — терпят убытки сами и вводят в лишние расходы государство; разность в урожайности картофеля на небольшой сравнительно площади составляет в некоторые годы более семидесяти центнеров на гектаре. Очень плохо обстоит дело с хранением — только восемь процентов семенного материала закладывается в хранилища. Из года в год затягиваются сроки уборки картофеля, одна из причин — нехватка техники и скверное качество машин... Примеры можно продолжать. Но я понимаю, что суть не в перечислении недостатков, а в поиске их истоков и в устранении.

Так вот об истоках.

Чем больше я работаю, тем больше убеждаюсь, какой урон наносит разобщенность науки и производства. В организации научной деятельности можно найти уйму изъянов. Нас критикуют за них совершенно справедливо, и мы стараемся работать с максимальной отдачей. Достаточно назвать имя Петра Ивановича Альсмика — академика ВАСХНИЛ и действительного члена АН БССР, почетного академика Академии наук ГДР, селекционера, чья школа известна с 1929 года. Он вывел десятки ценнейших сортов картофеля, заслуживших признание во многих странах. Работниками нашего института выведены сорта, устойчивые к болезням, содержащие максимальное количество крахмала. Есть успехи в области семеноводства. Мы предлагаем земледельцам прогрессивную технологию возделывания картофеля на предварительно нарезанных гребнях, а в зонах избыточного увлажнения — на грядах, что гарантирует прибавку урожая на 50—60 центнеров

с гектара по сравнению с нынешним.

Словом, стараемся, чтобы все наши лаборатории смотрели окнами в поле. Но сколько же до поля коридоров! Я имею в виду коридоры прежде всего ведомственные, в которых остается лежать без движения столько нужного, столько полезного. Иной раз поневоле задумываешься: а нужны ли наши усилия, наши разработки, рекомендации, если в колхозах и совхозах (не во всех до единого, разумеется) к технологии выращивания картофеля относятся примерно так, как я сказал в самом начале? Да, нет у нас единства действий с производством. Не вижу смысла сводить счеты. Берусь утверждать, что нужна иная система взаимоотношений.

Парадоксально, но факт: сейчас заказы мы получаем в основном не от производителей, а от тех, кто сидит в кабинетах и руководствуется нередко не требованиями жизни, а бумагами, далеко не всегда эти требования отражающими. Пора перевести научно-исследовательские учреждения на хозрасчет, создать региональные координационные советы из производителей, специалистов аграрно-промышленных комплексов и ученых, которые будут определять тематику исследований, фонды и средства на разработку.

После производственной проверки и утверждения координационным советом разработка станет обязательной для хозяйств, причем за ее внедрение в течение первых пяти лет ученые и специалисты колхозов и совхозов получат поощрения. Ученым, кроме того, думается, следует дать право административного контроля за выполнением утвержденных рекомендаций.

Убежден в обоюдной пользе подобных мер. Знаю по нашему институту: есть в науке люди, ищущие легкой и сытой жизни. Возьмет такой удобную тему и прячется за нее годами, а то и десятилетиями — поди упрекни его нынче, что он далек от производства!

Сегодня координацию трудно наладить, потому что слишком многочисленны инстанции, от которых в той или иной мере она зависит.

Приведу пример. Реформа народного образования побуждает и нас задуматься над тем, как лучше готовить производственников аграрного профиля. Появилась мысль создать профессионально-техническое училище при нашем научно-производственном объединении, готовить в нем мастеров-семеноводов картофеля, овощеводов, садоводов, пчеловодов, цветоводов. Преимущество такого училища в том, что в подготовке кадров будут принимать участие ученые, и в том, что у нас прекрасная база — опытные поля,

Работы Белорусского научно-исследовательского института картофелеводства и плодовоощеводства широко известны в стране. За годы 11-й пятилетки селекционерами института передано на государственные испытания десять новых сортов картофеля, три сорта районировано. С 1985 года элитные семена будут выращиваться только на безвирусной основе. Любой работник сельского хозяйства знает, сколь это важно.

Но все ли исследования института внедрены в практику? Как преодолеть существующую нередко разобщенность науки и производства? Об этом публикуемая статья директора этого института.

лаборатории, питомники. Учащийся наверняка воспользуется этим богатством, приобщится хоть немного к творчеству, что, бесспорно, пригодится в дальнейшем и ему и хозяйству, где он будет работать.

Мы ознакомили с нашими соображениями ведомства, которых идея эта касается. Министерство плодовоощного хозяйства БССР идею поддержало. Государственный республиканский комитет по профтехобразованию не только поддержал, но и тут же изъявил готовность построить корпус для училища. Министерство же сельского хозяйства республики, которому мы подчиняемся, признало предложение нецелесообразным, ссылаясь на то, что в его системе СПТУ достаточно. Такой же ответ прислали из Госплана БССР.

Однако мы намерены отстаивать свое предложение, ибо речь идет не просто об открытии еще одного профтехучилища, а об открытии училища с новыми возможностями, учитывающими современные требования к сельскому хозяйству. Тем более, что грамотных специалистов предлагаемых нами профилей в колхозах не хватает.

Ведомственная разнголосоица мешает создать стройную систему, в которой ради общих интересов сотрудничали бы ученые, производственники, создатели сельскохозяйственной техники, заготовители сельскохозяйственной продукции, ее переработчики и т. д. Сошлюсь опять на примеры.

Ученые, в частности у нас в институте, бывают над тем, чтоб создать сорта картофеля с максимально возможным процентом содержания крахмала. И небезуспешно. Но хозяйства за такими сортами особенно не гонятся, потому что конечные усилия колхозов и совхозов оцениваются по валовым показателям, а не по качеству продукции. Вырастил много, тебе и вознаграждение и слава. Вот и «лезут» в производство сорта, где побольше воды и потяжелее вес. Получается, что мы не можем сосуществовать, как теперь выражаются, свои интересы. Дело от этого проигрывает.

Или вопросы заготовки и переработки картофеля. Ученые и тут предлагают рациональную схему. А действует другая. В городские хранилища закладывают сотни тонн нестандартных клубней, которые через некоторое время опять возвращаются в хозяйства на корм скоту. Сколько лишних расходов! Куда целесообразнее принимать картофель на месте, на поле, организовав предварительную его сортировку.

Необходимо думать и о том, чтобы поднять культуру торговли картофелем, продавать его фасованным в целлофановых пакетах, где был бы указан сорт и хо-

зяйство, его вырастившее. Сюда же, к повышению культуры отношений, я причисляю проблему обновления сортов на личных участках.

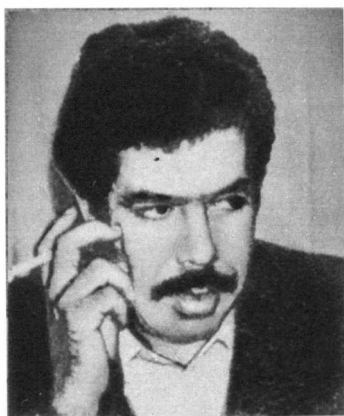
Трудно пробивать ученым и предложения по промышленному производству картофелепродуктов. Спрос населения на полуфабрикаты и готовые блюда из картофеля и овощей, как известно, растет, но заявки торговли удовлетворяются всего на 10—15 процентов.

И тут снова просятся экономические расчеты. Если взамен миллиона тонн свежего картофеля на расстояние в три тысячи километров завезти эквивалентное количество сухого картофельного пюре, то высвободится 12 500 вагонов, утилизируется около 25 тысяч тонн сухих кормовых отходов, равноценных 300 тысячам тонн свежего картофеля. Экономический эффект составит примерно 27 миллионов рублей. Не нужно быть ученым-экономистом, чтобы убедиться, насколько выгодно приготовление блюд из картофеля промышленным способом! Напомню к тому же, что количество таких блюд колоссально, а затраты на строительство промышленной базы быстро окупятся.

Вообще о строительстве следует говорить особо, потому что его хроническое отставание от потребностей картофелеводства сводит на нет усилия и аграрников-картофелеводов, и ученых, и заготовителей. Мало того, что в Белоруссии вообще не хватает картофелехранилищ и масса картофеля останется на зиму в буртах, причем, как правило, с нарушением правил хранения, в республике нет ни одного хранилища, оборудованного, как предусмотрено наукой, системой автоматического регулирования режима.

Нужны новые заводы по переработке картофеля, помещения для техники, теплицы для научных целей... Если говорить о нашем институте, мы никак не выясним, кто же должен нам строить, — Минск считает нас инородными, потому что институт расположен за его чертой, а районная строительная база слишком маломощна и посему нас в клиенту не берет. Что из этого получается? Селекционный комплекс — очень нужный нам научно-производственный корпус — строители буквально вымучивали... шесть лет (освоить-то требовалось всего два миллиона рублей!). Конечно, такая «поддержка» научного центра со стороны планирующих органов и строителей отнюдь не стимулирует наш прогресс.

Продовольственная программа, над выполнением которой работает сейчас страна, требует безупречной слаженности всех звеньев громадного механизма. Только такой подход гарантирует успешное и уверенное движение к цели.

Яхья
ЯХЛЮФ

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

На белой стене большое панно: зачарованное озеро, сказочные птицы, тихие волны, сандаловая ладья, в ней — певец и двое влюбленных. Над волнами — белые как снег облака. На них восседают гейши.

Пол покрыт ковром, мягкие кресла, чистые пепельницы на блестящих столиках. Стена, выходящая в яблоневый сад, — сплошное стекло.

Это был салон...

Ребята, уставшие до смерти, сложили всю поклажу — оружие, боеприпасы, одеяла — в другой комнате и рухнули кто на кровать, а кто прямо на пол, покрытый ковром.

Две ночи подряд мы спали на земле, под дождем и беспорядочным обстрелом...

Когда мы добрались до огромного яблоневых сада, залаяла собака, и командир взвода сказал:

— Пришли. Еще немного — и будет вилла.

Высокий забор, которому нет конца. Железные ворота заперты. Моросит дождь. Холод пробирает до костей...

Мы постучали. Раздался негромкий собачий лай. Вдруг показалось морщинистое лицо пожилого человека с закрученными вверх усами. Увидев нас, он улыбнулся и поспешно открыл дверь. Поздоровались. Стоявший за его спиной пес завил хвостом.

— Ты тут работаешь, отец? — спросил взводный.

— Да. Сторожу эту виллу.

— Мы с ребятами побудем здесь немного. Сторож, нахмурившись, поскреб затылок и сказал:

— Ключ у управляющего бека... Что будем делать?

— А где управляющий? — спросил командир.

— Управляющий убежал, как только все это началось¹.

Он помолчал немного и сказал, указывая на свою комнату:

— Пожалуйста, напьемся чаю и подумаем.

Мы поблагодарили.

— Вы феодалы? — спросил он.

Командир отряда утвердительно кивнул.

— Меня зовут Абу Ханна... Из Бер Ильяса. — Он как будто соображал, что делать. — Иного выхода нет: придется разбить дверь.

Между воротами и стеклянной дверью был цветник с небольшими кустиками, клумбами, светильниками на коротких ножках. Стекло разбито, дверь открыта. Вошли. За нами, робко ступая, вошел и Абу Ханна.

Он посмотрел на пол, покрытый ковром, и с большим колебанием сделал шаг вперед. Я вошел в зал, опередив его.

Панно на белой стене: зачарованное озеро, сказочные птицы, тихие волны, сандаловая ладья с певцом и двумя влюбленными. А над волнами — белые как снег облака, на которых восседают гейши.

В другой комнате со стены смотрела ки-

Палестинский писатель Яхья Яхлюф родился в 1944 году в городе Самах (Палестина). Работал учителем в Иордании и Саудовской Аравии. В 1966 году примкнул к палестинской организации «Фатх», а затем вступил в ее вооруженные силы, был секретарем организации.

Пишет в жанре новеллы и романа, печатается с начала 60-х годов. Автор сборников рассказов «Жеребенок» и «Норма и снежный человек» (Бейрут, 1978 г.) и романов «Недждан ниже нуля» (Бейрут, 1977 г.) и «Красные цветы на мостовой революции» (Бейрут, 1979 г.).

С 1980 года — генеральный секретарь Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов. В 1981 году был избран заместителем генерального секретаря Всеарабского союза писателей и литераторов и членом Секретариата ассоциации писателей стран Азии и Африки.

таянка в паланкине, которую сопровождал рыцарь с императорским знаменем в руках. У края картины торчало голое, покрытое волосами пузо повелителя вселенной, вечно жаждущего удовольствий.

Ребята рассматривали стены, зеркала, украшения на потолке, убранство, шкаф.

Прежде чем уйти, Абу Ханна сказал:

— Ей-богу, я уже два года не подходил к этой двери. Управляющий запретил мне. Он сказал, что вышвырнет меня, если я коснусь ногой ковра.

Мы позвали его обедать. Но он отказался. Я взял миску с едой и пошел к нему в каморку. Он сидел около обогревателя. Вокруг него, мурлыча, терлась кошка, запуская когти в шерстяную подстилку, на которой он сидел.

— Спасибо. Спасибо, господи!

Сторож отложил часть в жестяную банку.

— Сначала надо покормить кошку и собаку, — сказал он, — а потом уж и сам поем.

Я заметил в углу комнаты большого пса. Он лежал, вытянув лапы, и дремал.

— Живешь один, Абу Ханна?

Сторож тяжело вздохнул и посмотрел в угол, где на маленьком столике стояли изображение богоматери и крест, закрепленный на подставке из оливкового дерева. На ее

плоской поверхности были видны следы растаявшего воска.

— Да, один.

Остановившись взглядом он смотрел на пищу, не притрагиваясь к ней.

Вечером, когда я был в карауле, он принес мне стакан горячего чаю. Стояла непроглядная темень. Холод пробирал до костей, несмотря на толстый плащ, в который я кутался. Горячий чай был очень кстати. Издалека доносились звуки частых выстрелов.

Он сел на край порога, поглаживая по спине собаку.

— Абу Ханна, — окликнул я его, — ты живешь один?

Возможно, он утвердительно кивнул, но я не разглядел из-за темноты. Потом послышался его голос:

— Я не могу отлучаться отсюда надолго: управляющий меня выгонит.

— А он наведывается время от времени?

— Иногда звонит.

— А кто хозяин виллы?

— Миллионер из Бейрута. Все время путешествует.

— Совсем здесь не живет?

— Хорошо, если пробудет часов десять

В Б Е К А А

¹ Имеется в виду гражданская война, спровоцированная сионистами в Ливане в 1975—1976 годах. Палестинцы участвовали на стороне национально-патриотических сил. (Прим. переводчика.)

ОПЫТ
ПОКОЛЕНИЯ

Своей родиной, хотя и родился он на Кубани, Гарий Немченко считает Сибирь, где на стройке Западно-Сибирского комбината прошла его журналистская молодость, где он сформировался как личность и как писатель. Сам он вспоминает, что Юрий Казаков советовал ему потом: «Тебе надо забыть, что такое Записб. И станешь хорошим русским писателем». Сегодняшний Немченко так отвечает на это: «А как хотелось им стать! Но в силах ли мы приказывать собственной душе?»

Этот заочный диалог мы цитируем по повести «Проникающее ранение». Само заглавие — «определение той боли, которая столько лет не затихает во мне и в моих товарищах. Все мы ранены нашим черным стальным Записбом. Кто глубоко и счастливо. Кто нелепо, непоправимо. На всю жизнь».

Сказанное, однако, не означает, что Немченко замкнулся на этой теме. Нет, сегодня писатель стремится «вложить в книгу опыт своего поколения». О нем-то и рассказывает Гарий Немченко в своих последних произведениях.

Чем объединены эти повести — «Брат, найди брата» и «Проникающее ранение»? Прежде всего, думается, образом ровесника писателя, данного в динамике, в развитии. Детство Никиты — это своеобразное предисловие к судьбе героя «Проникающего ранения». Автор показывает трудность становления характера юного героя, детство которого пало на военные годы, а в отрочестве испытывавшего горечь утраты отца, оставившего семью и нанесшего Никите на долгие последующие годы душевную травму.

Раны, наносимые нам жизнью, утверждает писатель, заживают гораздо быстрее, если детство не было омрачено травмой измены родителей. Можно быть полностью уверенным, что мальчик из повести «Проникающее ранение» (в главе «Дед») вырастет не таким, как Никита. Его дед, хотя и не очень много занимался воспитанием своих детей и внука, всю свою жизнь до последнего мгновения отдавал делу. И дело это жило в нем, но не для себя. От него постигает внук жизненную науку.

В двух повестях Немченко три главных героя: положительный дед, отрицательный отец Никиты и рассказчик, ведущий с нами предельно откровенную, сердечную беседу. Он не навязывает напрямую своего мнения, открыто никого не осуждает и никому не выносит приговор. Но в каждом эпизоде повестей отчетливо чувствуется его отношение к происходящему: он болеет душой за будущее Никиты, сокрушается над неудачами его отца, восхищается дедом и постоянно думает о своем поколении, которому суждено продолжать начатое отцами дело.

После чтения повестей Гария Немченко в душе надолго остается ощущение, что встретился и поговорил о самом задушевном со старым другом. С ним можно не соглашаться, можно спорить — он не обидится; нельзя только оставаться безучастным, потому что он говорит с тобой о тебе самом, о твоих близких, о твоём будущем.

Не наше дело выстраивать живых писателей по ранжиру, это сделает время. Последние произведения Гария Немченко доказали, что он стал хорошим русским писателем.

Л. ВУКОВ

Г. Немченко. Брат, найди брата. «Москва», 1983, № 2.
Проникающее ранение. «Наш современник», 1983, № 2.

в год... Но его управляющий в обычное время приезжает с...

— Ты хочешь сказать «с женщинами»?

— Приезжает раз в неделю.

— А в остальные дни?

— Я здесь один... Охраняю сад, окапываю деревья.

— У тебя нет ни жены, ни детей?

— С женой я разошелся, а детей нет.

— Почему?

— Мы поссорились... Она не хочет рожать детей: боится умереть. А я хотел иметь ребенка... Она боялась, что умрет, а я хотел детей... С годами между нами все умерло... Она ушла к родителям и не вернулась...

— А ты?.. Так и не написал ей?

— Каждое утро я ждал, что она вернется... Выходил на дорогу, чтобы увидеть, как она появится... Но она не пришла.

— Ты все еще хочешь, чтобы она вернулась? Так почему же не напишешь?

— Если я напишу, значит, буду жить с ней на ее условиях... А если бы она пришла, мы жили бы на моих.

Бойцы чистили винтовки и минометы.

Со стены на них смотрела китаянка в паланкине, улыбающаяся рыцарю, который нес императорское знамя. Но повелитель земли с выгладывавшим голым пузом вдруг нахмурился, сильно нахмурился...

Командир взвода встал и приказал разведчикам быть наготове. Пришла моя очередь идти в караул.

Абу Ханна принес чай.

— Клянусь господом, ты мне очень нравишься. — Он стал расспрашивать, откуда я, о моей семье, жене, детях. Потом рассказал о вилле-дворце.

— Хозяин дома приезжает редко, летом. Потом уезжает... Очень гордый и высокомерный. Управляющий приезжает часто и каждый раз с новой женщиной. Накануне звонит из Бейрута, чтобы я открыл все окна, проветрил виллу и проверил кондиционер.

Это так раньше было...

Два года назад приехал с какой-то женщиной. Попросил приготовить ему кофе. Я приготовил и пошел в салон. Смотрю, а он уже с ней на полу...

— С тех пор он больше не позволяет тебе входить?

— Он меня ударил при ней и выругал последними словами. А потом запретил входить и когда он здесь и когда его нет.

— Сколько ты получаешь, Абу Ханна?

— Пятьдесят лир.

— Всего пятьдесят лир?!

— Клянусь богом, только пятьдесят!

Начался беспорядочный обстрел шрапнелью. Я посоветовал Абу Ханне вернуться в дом. По его лицу было видно, что он обиделся. Несколько снарядов упало вблизи от нас. Потом канонада отдалась.

Командир просматривал поступившие по радиации сообщения. Несколько человек готовили обед. На столе стояли чайник, пустые стаканы, полные пепельницы, лежала чья-то каска.

Я рассматривал певца и двух влюбленных на стене, гейшу, нежную, как утренний цветок, волшебные волны, то поднимавшиеся, то опадавшие, как прическа гурии на обложке сборника стихов.

Вошел Кямель, один из солдат дневного караула.

— В собаку Абу Ханна попал осколок, — сказал он. — Наверно, она не выживет.

Я весь напрягся.

— А Абу Ханна?

— Так опечален, что невозможно сказать. Я попросил разрешения у командира и вышел...

Абу Ханна сидел у порога, как будто ожидая ту, которая никогда не придет. Собака лежала с закрытыми глазами. Ее била крупная дрожь. На спине запеклась кровь.

— Ну как собака? Ничего?

Глядя с нежностью на пса, Абу Ханна ответил:

— Прокалил соль и присыпал ему рану. Он запрыгал от боли как сумасшедший. Но скоро затих, успокоился. Теперь полуживает.

Мы помолчали. Взгляд Абу Ханна снова вернулся на дорогу, где скрылась когда-то его жена. Он сосредоточенно смотрел в одном направлении и напоминал птицу, потерявшую птенца.

Прибыла машина с зенитной установкой. Ребята подали нам знак, и, когда миновали ворота, Абу Ханна, обернувшись ко мне, сказал:

— Клянусь богом, я привык к вам. Пока вас не было, я был один. Ночью не мог выйти: воров боялся. — Он помолчал немного и продолжал: — Вот о ворах... Возвращаюсь я однажды из деревни. На дороге ко мне неожиданно подходят, грозят оружием и говорят: «Отдавай деньги, все, что при тебе». Я засмеялся. «Ты чего смеешься?» — спрашивают. «Абу Ханна денег не носит», — говорю. «Подойди, — говорят, — мы тебя обыщем». Подошел. Обыскали. Нашли лепешку да пачку сигарет и кочан салата. «Ты не обижайся, — говорят, — мы тоже жить хотим». «Ступайте со мной, — говорю, — приготовлю вам что-нибудь горячее». «Мы нигде не чувствуем себя в безопасности, — говорят, — иди!» «Куда я пойду, — говорю, — когда вы забрали у меня все сигареты? Оставьте хоть пару!» Дали мне две сигареты и спрашивают: «А куда ты пойдешь?» «Домой, — отвечаю. — Куда же людям идти, кроме дома?»

Комната у Абу Ханна холодная. В ней нет женского тепла. Его жена далеко. Ушла однажды, потому что не хотела иметь детей. А Абу Ханна любит плодородную землю.

— Абу Ханна, ты доволен?

— Доволен, доволен... Благодарю господ и на том.

— Как ты можешь жить на пятьдесят лир?

— Я как-то попросил господина управляющего (чтоб ему пусто было!) прибавить мне немного, так пригрозил, что выгонит... А куда я пойду, если он меня прогонит?

— Божий мир велик. Найдешь другую работу.

— Я всю жизнь работаю сторожем... Сторожом родился, сторожем и умру...

...Принцесса спустилась с паланкина, взглянула на мужчину, который нес императорское знамя, и сказала: «Не двигайся с места!» Повелитель вселенной с голым пузом попытался ее догнать. Но она произнесла над ним свои заклинания и превратила его в статую.

Господин управляющий открыл ей свои объятия, и она упала ему на грудь. Гейша отвернулась, а ладья с певцом и влюбленными погрузилась в воду, но не утонула.

Вошел Абу Ханна с кофе на подносе и все опрокинул на себя, когда увидел их на полу... Господин управляющий вскочил, стал пинать Абу Ханну, бить по лицу и поносить его мать. Абу Ханна заплакал, потому что у него не было сына...

И тут я проснулся, не понимая, где все это было — во сне или наяву. Лицо было покрыто испариной. Я встал и пошел в роскошную ванную. Умылся, взял винтовку и вышел.

Абу Ханна, склонившись, куском бинта ловко промыл собаке рану. Я поздравлялся. Он ответил. Но лицо его было сумрачным.

— Ты чем-то озабочен? — спросил я. — В чем дело?

— Звонил управляющий. Сказал, что выгонит меня, если что-нибудь случится во дворе. И пусть выгонит, будь проклят его отец и отец всякого, кто пожмет ему руку!

Его лицо горело гневом. Он напрягся и весь дышал огнем праведного возмущения.

— Он мне дает пятьдесят лир! Платить мне на них! От продажи жвачки и то больше зарабатываешь! Когда придет этот господин управляющий, я ему скажу: «Эй ты, господин! Ты платишь мне пятьдесят лир. Плюю я на твои пятьдесят лир!»

Он мне скажет: «Иди отсюда, шлю... сын!» А я ему отвечу: «Это не я, а ты такой-то сын!» Если он поднимет на меня руку, я схвачу его за руку и скажу: «Поосторожней с руками! В другой раз переломлю! А если снова попробуешь, влеплю тебе пулю в лоб!»

И он посмотрел на висевшую у меня на плече винтовку.

Перевела с арабского
Тамара КУЗЬМИНА.

Надо ДОГОНЯТЬ...

В.ЕНИШЕРЛОВ,
Ю.ОСИПОВ

Кажется, это было совсем недавно — прошлогодний разговор в творческом «Клубе на «Огонек» о проблемах отечественного тенниса. Слово брали заслуженный тренер РСФСР Ш. Тарпищев, ответственный секретарь Федерации тенниса СССР Б. Фоменко, некоторые ведущие спортсмены.

Тон беседы тогда задавался не веселый. Советские теннисисты утратили завоеванные позиции на международной арене, выбыли из высшей лиги розыгрыша Кубка Дэвиса (неофициальное мужское командное первенство мира). Заглохли традиционные московские международные августовские турниры. Почти полностью прекратились встречи наших молодых и взрослых игроков с представителями мировой теннисной элиты, без чего, как известно, нельзя рассчитывать на рост мастерства и достойное место в мировой классификации (по компьютерной системе).

Не лучшим образом обстояли теннисные дела и дома. В разгар массового увлечения этой прекрасной, доступной всем возрастам игрой неожиданно закрылись корты в Сочи, Днепродзержинске и других городах. Критической отметки достиг хронический дефицит доброкачественных отечественных мячей, струн, ракеток, теннисной обуви и формы. На последней Спартакиаде народов СССР некоторые республики за неимением достойной смены вынуждены были призвать на площадки сошедших ветеранов...

Спорткомитет СССР принял постановление, в котором намечен ряд неотложных мер, касающихся развития тенниса и его обеспечения. Как ответ на выступление журнала постановление Спорткомитета поступило и в редакцию. Прошел год. Что же изменилось за этот в общем-то немалый срок?

В области инвентаря — практически ничего. Сегодня, наверно, легче достать (переплатив втридорога спекулянтам!) столь модные кроссовки любого иностранного производства, нежели обычные теннисные туфли за 6 рублей 40 копеек. Не сыскать в магазинах мужских теннисных шорт, рубашек. Что же до изредка появляющихся женских ансамблей (юбка, блузка), то, право, их вид и качество способны лишь отбить охоту брать в руки ракетку.

С ракетками еще хуже. Относительно неплохие — «Москва», «Восток» — на прилавках не встретить. Работая над этой статьей, мы обошли несколько крупнейших столичных магазинов спорттоваров, но ничего похожего на хорошие современные теннисные ракетки так и не нашли.

Между тем в мировом «ракетостроении» за последние годы произошла настоящая революция: металл, пластик, графит в различных сочетаниях сменили дерево, и повсеместное распространение получили большеголовые, а также супербольшеголовые ракетки. Эффект с точки зрения игровых качеств огромный, причем как у мастеров, так и у начинающих. Казалось бы, нашим производственным парам тоже пора отказаться от трудоемкой, дорогостоящей деревообработки и переключиться на несложные в техническом отношении формовочные модели, благо образцов сколько угодно.

Теперь о мячах. Их как не было в продаже, так и нет. Единст-

венная на всю страну поточная линия в Ленинграде буквально дышит на ладан, недодав в нынешнем году десятки тысяч остро необходимых мячей. Спорткомитет и Федерация тенниса обратились в Госплан СССР с просьбой рассмотреть вопрос о закупке новой автоматизированной линии...

Свирепый дефицит теннисного инвентаря и экипировки усугубляется проблемой кортов, особенно крытых. Спрос здесь пока явно превышает предложение, причем даже в Москве, Ленинграде, не говоря уже о таких громадных регионах, как Сибирь, Урал, Дальний Восток, где площадки можно пересчитать по пальцам.

Итак, минул год, а многотысячной армии теннисистов по-прежнему играть фантасмическим, не в чем и не на чем. И в центре и на периферии все еще не хватает квалифицированных тренеров да и вообще теннисных секций.

И тут-то «на выручку» спешат предприимчивые дельцы от спорта. С осени в Москве и других крупных городах они снимают на вечерние часы мало-мальски приличные школьные и иные спортзалы и за весьма солидную мзду предоставляют группе отобранных «счастливиц» возможность два-три раза в неделю постоять несколько минут у сетки... От желающих нет отбоя — многолетний «теннисный бум», подобно новомодной аэробике, захватил наших сограждан. Вот и процветают такие «спортивные» секции.

Своеобразная цепная реакция дефицита приводит в конечном счете к отставанию отечественного тенниса, начиная с детского. О нем, детском теннисе, постоянно тревожатся наставники женской и мужской сборных. Не будем забывать: теннис — спорт сугубо индивидуальный; игрок проводит на корте долгие часы в напряженном единоборстве с противником и собственными нервами.

Ставить ему технику (а теннис — один из самых технически сложных видов спорта), когда он попадает в команду мастеров, практически бесполезно, — это надо делать в детском и юношеском возрасте. Высококвалифицированные наставники юных теннисистов — проблема чрезвычайно насущная и до сих пор, увы, нерешенная. Тренеры сборной могут только совершенствовать мастерство и тактическое мышление игрока применительно к его достоинствам и недостаткам.

Ну, а как же дела у мастеров? У наших лучших теннисистов в текущем сезоне наметились некоторые сдвиги. Прежде всего впервые за последнее время значительно расширен календарь международных выступлений. США, Франция, Испания, Бельгия, ФРГ и, наконец, знаменитый Уимблдон — неофициальное личное первенство мира на травяных кортах — определили круг по-настоящему серьезных международных состязаний, в которых испытывали свои силы этим летом советские теннисисты: и подростки, и юниоры, и взрослые.

Хорошо выступили наши мужчины в серии турниров, состоявшихся в разных городах ФРГ. По итогам лидерство захватил А. Зверев. В восьмерку сильнейших про-

бились также С. Леонюк и А. Чесноков... Впереди — финал этих соревнований.

— Подобные турниры с равным, сильным составом участников, где на победу претендуют сразу десять человек, — говорит старший тренер мужской сборной команды страны Ш. Тарпищев, — служат и отличной школой и приносят драгоценные зачетные очки в мировой теннисной классификации. Представьте: 6—7 турниров, и мы уже в «компьютере», то есть наши результаты воспринимаются всерьез и обеспечивают приближение к элите мирового тенниса.

Однако, чтобы войти в нее, завоевать заветную путевку на Уимблдонский турнир, мужчинам требуется играть не менее двенадцати турниров в год (даже не обязательно занимая в каждом призовые места). Нашим спортсменам этой второй половины — шести турниров — как раз и не хватает...

У женщин в головной группе не так тесно и право участвовать в отборочном круге Уимблдонского турнира обеспечивает сравнительно небольшое количество зачетных очков. Л. Савченко и С. Черновой, как и в прошлом году, удалось попасть в число восьми сильнейших пар Уимблдона. Достижение весомое.

К сожалению, никак не могут пока наши женщины удачно выступить в розыгрыше Кубка Федерации и повторить достижение 1978—1979 годов, когда советская команда дважды выходила в полуфинал. Тогда мы были обязаны успехом Ольге Морозовой — игроку. Теперь, в роли старшего тренера женской сборной команды страны, замечательной теннисистке предстоит немало сделать, чтобы ее питомицы могли идти в ногу с мировым теннисом.

Надо отметить, что сейчас заметно усилили игру не только участницы Уимблдонского турнира, но и их подруги по сборной команде — Е. Елисеевну, Н. Реву и другие.

Теперь снова хочется обратиться к теннисистам-мужчинам. В матче марафоне за возвращение в высшую лигу розыгрыша Кубка Дэвиса они под руководством Шамиля Тарпищева продемонстрировали нынешним летом настоящую волю к победе. Полуфинальный матч с командой Австрии складывался исключительно драматично, и до последнего мяча в решающей партии общий исход оставался неясен. После первого дня наша команда, проиграв обе одиночные встречи, сумела собраться и победить подряд в трех поединках.

Накал развернувшейся борьбы достаточно характеризует хотя бы такой факт: игра А. Зверева с опытным П. Фейглем продолжалась четыре с половиной часа (Зверев выиграл), и потом в раздельке и победитель и побежденный, измученные, не могли сдержать слез... Недаром на заключительной пресс-конференции австрийцы дружно заявляли, что провели в Юрмале, быть может, лучший свой матч. Жаль, что из-за болезни в нем не принял участие семнадцатилетний А. Чесноков, надежда нашей команды (тренер Т. Наумко), игрок, которому специалисты прогнозируют большое будущее.

Серьезным экзаменом для наших мастеров стали международ-

ные соревнования «Дружба-84». Этот экзамен они выдержали: мужчины первенствовали в общекомандном зачете, победив в финале команду Чехословакии, и во всех разрядах личных соревнований. Теннисистки, хотя и заняли командное второе место, также вышли победительницами в личных разрядах.

Порадовал в этом году и юный А. Черкасов из Уфы, завоевавший право участвовать в детском чемпионате мира в США. Становление этого перспективного игрока должно находиться под постоянным вниманием лучших специалистов.

Здесь следует отметить одно обстоятельство. Странно, но у сборной команды СССР по теннису до сих пор нет (в отличие от сборных по остальным олимпийским видам спорта) постоянной тренировочной базы. Регулярно и целенаправленно заниматься нашим ведущим мастерам и перспективной смене нигде, и тренеры вместо того, чтобы выполнять свои профессиональные обязанности, зачастую тратят время и энергию на решение элементарных организационных вопросов, которые вообще не должны возникать при должном внимании спортивных руководителей к какому-либо виду спорта. В мире давно отмечено, что именно теннис свидетельствует о «культуре» отношения к спорту. Уровень, достигнутый этим давно не элитарным, но требующим достаточно высокой степени развития спортивной индустрии и организации видом спорта, является той «лакумусовой бумажкой», которая показывает степень качества подхода к спортивной работе.

Словом, проблемы остаются. И они еще нагляднее предстали на фоне одного из наиболее впечатляющих спортивных телепрямых летнего сезона — недавней прямой трансляции по телевидению полуфиналов и финалов Уимблдонского турнира, наконец-то организованной ЦТ. То было поистине захватывающее и поучительное зрелище, которое привлечло и голубым экранам тысячи людей, весьма далеких от спорта, явившись самой действенной формой его пропаганды и популяризации. Турнир «больших ракеток», как удачно назвала этот теннисный праздник заслуженный мастер спорта СССР Анна Дмитриева, воочию показал даже не искушенным в тонностях тенниса телезрителям недосыгаемый пона для нас уровень игры Д. Маккинроя, Д. Коннора, И. Лендла и других звезд, а также свидетельствовал о поистине всемирной популярности тенниса.

Да, догонять лидеров надо. То же требуют наши теннисные традиции, честь советского спорта. Первые, пусть робкие шаги в этом направлении сделаны. Однако наряду с отдельными успехами и некоторыми положительными примерами советскому теннису еще многого не хватает; он, безусловно, нуждается в большей заботе, активной поддержке, чтобы достойно встретить Олимпиаду-88, вернуть и приумножить достижения на мировой спортивной арене.

С. Щедрин. 1791—1830. ТЕРРАСА НА БЕРЕГУ МОРЯ. 1827.

Всесоюзная выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР»,
Государственный Русский музей.

В. Серов. 1865—1911. ПОРТРЕТ В. В. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ.

Всероссийская выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР». Государственный Русский музей.

После работы Ефросинья Викентьевна зашла в гастроном, выстояла длинную очередь за мясом, потом за треской. Купила она и килограммовую банку сельди. В воскресенье тетя Тома непременно будет печь блины и потребует, чтобы Ефросинья Викентьевна сделала свой знаменитый селедочный паштет. Блины с ним были куда как хороши.

Груженная тяжелыми сумками, Ефросинья Викентьевна добралась наконец до дома. Дверь открыл Аркадий, поцеловал ее и отобрал сумки.

— Тебя очень удобно целовать, — посмеиваясь, заметил он, — потому что ты не накрашена.

Ефросинья Викентьевна недоверчиво поглядела на своего мужа Аркадия: комплимент это или наоборот? Никогда не поймешь, когда он говорит всерьез. И вдруг остро жалось сердце: «А кого это он целовал накрашенную? Откуда он знает разницу?» Ефросинья Викентьевна совершенно не красилась, лишь пудрой позволяла себе пользоваться, поэтому она в упор спросила Аркадия:

— А что ты чувствуешь, когда целуешь накрашенных?

Аркадий притворно вздохнул:

— Ефросинья свет Викентьевна, ну почему ты у меня такая однозначная? Я комплимент хотел сделать твоей естественности. Ну, что мне с тобой делать?

Он бросил сумки на пол, сжал ладонями ее щеки и крепко поцеловал. Отпустил, засмеялся и стал похож на цветущий подсолнух.

— Хватит целоваться-то, — услышала Ефросинья Викентьевна позади себя воркотню сына Викентия. Она стремительно обернулась. Вика стоял, прислонившись к притолоке, и вид у него был таинственный. — Ты только не ругайся, мама.

— Что случилось? — тревожно спросила Ефросинья Викентьевна.

— Особенного ничего не случилось, — дипломатично начал Вика, — просто мы с папой шли из детского сада...

В это время Ефросинья Викентьевна увидела, как из коридора, который вел в кухню, независимо вышел маленький белый котенок с рыжим хвостиком.

— Это? — возмущенно спросила Ефросинья Викентьевна. — Никогда! Где вы его взяли, туда и верните...

— Ма-мочка, — по слогам сказал Викентий и приготовился реветь. Плакал он редко, не был плаксою по натуре, унаследовав одновременно оптимизм отца и волевой характер матери. Но были случаи в его жизни, когда только слезами удавалось завоевать те или иные позиции, потому что Ефросинья Викентьевна совершенно терялась, когда ее никогда не плачущий сын начинал реветь белугой.

— Мамочка, — повторил Викентий, сморщив лицо и внимательно поглядывая на мать.

— Нет, нет, — сказала Ефросинья Викентьевна. — От него инфекция, аллергия, бог знает что... Вика, ты начнешь болеть, а я не могу с тобой бюллетенить.

Она посмотрела на Аркадия и поняла, что поддержки от него не дожидаться — он целиком на стороне сына.

— Смотри, Ефросинья, какие мы хорошенькие котятки, — Аркадий наклонился и взял животное в руки, — посмотри...

Ефросинья Викентьевна поглядела на кошачью мордочку с круглыми, словно нарисованными, глазами и потому совершенно бессмысленную.

— Что в нем хорошего?

Вика молчал, потому что держал наизготове свое вот-вот заплачущее лицо. Он боялся, что, если вступит в полемику, упустит момент, когда надо зареветь.

— Он будет гадить...

— Не будет, — весело сказал Аркадий. — Мы его приучим.

— От него весь дом в шерсти будет. Ведь кошки лезут...

— Какая от него шерсть! Он же не ангорский. На нем и шерсти-то всего ничего.

— Он будет царапать мебель. Мы ж только что купили новую.

— Чем? — удивился Аркадий. — У него и когтей нет.

Ефросинья Викентьевна не сообразила, что кошка мала и еще будет расти, и шерсти на ней станет много больше, и когти приобретут крепость, и потому спросила:

— Где вы его взяли?

— На улице, — простодушно ответил Аркадий.

— С ума сошли, он грязный!

— Мы искупали его. И я проверил — он вовсе не заразный. Как врач тебе говорю, — врал Аркадий.

— Нет, — твердо сказала Ефросинья Викентьевна, — отнесите его обратно.

— На улицу? — с ужасом спросил Вика и громко заревел.

— Ну, Вика, перестань, нельзя держать кошку в доме.

Но Вика вошел в раж, даже настоящие слезы появились у него на глазах.

— Вика, успокойся, прошу тебя, лучше я куплю тебе какую-нибудь игрушку.

— Это непедагогично, Ефросинья. Сегодня ребенок вышвырнет на улицу живого котенка, а завтра, может быть, человека.

— Ты обед будешь готовить или отдохнешь сначала? — спросил Аркадий.

— Обед, — вздохнула Ефросинья Викентьевна.

— А мы с Викой будем сейчас смотреть «Спокойной ночи, малыши».

— Не вздумай позволять ему брать котенка в постель. Уж этого я никак не потерплю, это абсолютно негигиенично, — взяла реванш Ефросинья Викентьевна.

Вечером, уже засыпая, она мельком подумала, что надо выяснить, не было ли в последнее время краж из аптек. Маловероятно, что здесь она обнаружит факты, связанные с делом, которое она вела, но опыт подсказывал, что не стоит пренебрегать и этой линией. Может случиться, что и зацепит она хоть какую-то ниточку. Вздохнув, она уснула.

А ее муж Аркадий лежал в это время на кровати, притворяясь спящим. Он видел, как устала сегодня жена, что нервничает она из-за очередного дела, он любил ее, жалел, но не мог высказать ей эту жалость, потому что боялся обидеть ее. Ей казалось, что его жалость вызывается ее слабостью, а слабой она была себе не позволяла. Ох, как трудно было Аркадию с Ефросиньей Викентьевной, его милой женой, выбравшей себе такую неженскую, такую неуютную профессию!

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

ИЗ ЖИЗНИ КАПИТАНА КУЗЬМИЧЕВОЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

У Аркадия была своя педагогическая теория, а так как в силу своей занятости Ефросинья Викентьевна вынуждена была большую часть забот по воспитанию сына передоверить отцу (с чем он справлялся, прямо скажем, неплохо), к его соображениям она прислушивалась.

— Да, сначала кошку, — громко ревел Вика, чувствуя, что ветер начинает дуть в его сторону.

— На бюллетене с Викой сидеть будешь ты, — с сердцем сказала Ефросинья Викентьевна мужу и пошла в кухню.

— Ура! — как-то без всякого перехода от плача радостно прокричал Вика. Он знал, что менять решение она не будет.

— Мы пообедали, — сообщил Аркадий, появляясь вслед за женой в кухне. — Разогреть тебе суп?

Он чувствовал перед Ефросиньей Викентьевной некоторую вину за свою победу в вопросе о судьбе котенка.

— Разогрей, — устало сказала Ефросинья Викентьевна. — Что в клинике?

— Нормально.

Ефросинья Викентьевна съела суп, поставила тарелку в мойку, но мыть не стала, так как все домашние обязанности между ней и мужем были распределены и мытье посуды было делом Аркадия. Оба они привыкли к такому порядку вещей и считали его естественным. Придумала это, конечно, Ефросинья Викентьевна.

Анализ лекарств, находившихся в квартире Пузыревых, как и предполагала это Ефросинья Викентьевна, ничего не дал: пирамидон оказался пирамидоном, а аллохол — аллохолом. Происшествие с аптекой случилось за последнее время одно и то какое-то странное. Это была аптека в предназначенном на слом здании, и считалась она дежурной, поэтому в двери было проделано окошечко для общения с ночными страдальцами. По каким-то причинам окошечко оказалось открытым, и достаточно было просунуть руку и отодвинуть дверной засов. Кто-то так и сделал, вошел во второй час в аптеку, старушка сторожила, испугалась, испугалась. Некто потребовал дать зубные капли и снотворное. Не помня себя от страха, старуха сунула флакон зубных капель, показала, где лежит димедрол, так как настоящие снотворные были заперты. Некто зацепил горсть пакетиков и ушел, а старуха стала вызывать милицию.

Преступление никчемное, какое-то даже безмотивное. Ефросинья Викентьевна не увидела в нем связи с делом Варфоломеева.

— В аптеках копаетесь? — спросил Ефросинью Викентьевну забежавший к ней следователь Петров.

— Скорее для проформы, — ответила Ефросинья Викентьевна.

— А вроде бы поймали этого воришку, — сказал Петров.

— Здесь и зацепиться не за что. Случайно, что ли?

— Случайно ничего не бывает, — важно сказал Петров. — Тут одного алкаша привезли в вытрезвитель, на бульваре валялся, а у него целый карман пакетиков с димедролом. Ну, тут с аптекой и сопоставили.

— Ин-те-ресно, — задумчиво проговорила Ефросинья Викентьевна, — интересно... У кого дело-то? Я посмотреть хочу на этого типа.

Вскоре тоненькое дело по обвинению Лютикова в ограблении аптеки было уже на столе у Ефросиньи Викентьевны.

Гражданин Лютиков, которому шел тридцать первый год, по профессии слесарь, утверждал, что не имеет ни малейшего представления, как к нему попали лекарства, намекал даже, что не исключено, что ему их подложили в вытрезвитель. Однако в ночь, когда была ограблена аптека, дома не ночевал, а объяснить, где был в это время, не мог. Сторожиха из аптеки тоже утверждала, что грабивший был значительно ниже ростом.

Никаким боком не подходил Ефросинье Викентьевне этот Лютиков, никакая версия с ним не вытанцовывалась, и все же, как магнитом, тянул ее Лютиков. Договорившись с кем следовало, Ефросинья Викентьевна поехала в следственный изолятор.

В кабинет к ней вошел рослый детина, с лицом когда-то, возможно, красивым, но сейчас это было отечное, в красных прожилках лицо спавшего человека. Смутная жалость шевельнулась у нее в сердце, жалость к уничтожающему самого себя человеку.

— Лютиков? — спросила Ефросинья Викентьевна.

Он кивнул.

— Садитесь. Были в аптеке?

— Не был. Чего я там забыл? Кабы там водка была, а то таблетки. — Он фыркнул.

— А если б водка?

— Если б водка, другой разговор. Когда душа горит, на что не пойдешь... — уклончиво ответил Лютиков. — А то таблетки... Их от кашля дают.

— Откуда вы знаете, что от кашля?

— Дочка маленькая болела, я ей покупал такие.

— Где же сейчас дочка?

— А где? С женой...

— В разводе вы?

— Не так чтобы, — неопределенно ответил Лютиков.

— А на что вы живете? Вас ведь с работы месяц назад за прогул уволили.

— Зарабатываю. В магазине иной раз что погружу. Угощают... — Он несколько приосанился.

— Угощают? — удивилась Ефросинья Викентьевна и вдруг увидела, что в глазах у Лютикова мелькнуло какое-то беспокойство. — Кто же вас может угощать?

— Да нет, я так, к слову сказал.

«Врет, — подумала Ефросинья Викентьевна, — но зачем?»

— А в вытрезвитель-то вас откуда подобрали?

— Не помню, — смутился почему-то Лютиков.

— Я напомним, из Миусского сквера...

— Может быть... У вас закурить не найдется, гражданин следователь?

— Не курю... А на что вы пили?

Лютиков помолчал, что-то соображая.

— Пятерка вроде бы у меня была...

— Откуда?

— Заработал.

— Что же пили?

— Красненькое. Портвейн то есть.

— А что же не водку?

— Да после семи это было.

— В каком магазине вино брали?

— На улице Готвальда.

— Воскресенье ведь было.

— Ну и что?

— А в воскресенье в этом районе магазинные выходные. Может, на Новослободской брали?

— Во-во, на Новослободской, — обрадовался Лютиков.

Ефросинья Викентьевна видела, что чего-то он темнит с этой выпивкой, в воскресенье, есть здесь что-то опасное для него, но что?

— Вот, — вдруг заключил Лютиков, — а таблетки мне ни к чему. И ни в какую аптеку я не лезил...

И вдруг Ефросинья Викентьевна сообразила, почему Лютиков так темнит с этой выпивкой: есть кто-то, кто видел у него таблетки до того, как он попал в вытрезвитель.

Ефросинья Викентьевна вышла на улицу и направилась было к метро, как вдруг, осененная внезапной догадкой, остановилась и, повернувшись, пошла в другую сторону. Потом она свернула в переулок, в одном из дворов подошла к косенькому флигельку, давно просящемуся на снос, но стоявшему здесь потому, что этот ветхий домишко принадлежал на правах личной собственности одной древней гражданке и, главное, никому не мешал. Ефросинья Викентьевна нажала кнопку звонка и тут же услышала грозный лай двух собак. Потом в двери отодвинулась занавесочка глазка, потом дверь открылась, и на пороге Ефросинья Викентьевна увидела кругленькую, как шарик, старушку в белом платочке на голове, с хитрыми черными глазками.

— И-и, гость какой! — тоненьким голоском почти пропела старушка. — Проходи, Ефросинья Викентьевна.

— Здравствуйте, Раиса Андреевна. А волкодавы ваши не тянут меня?

— Входи-входи. Это своя, голубчики, — сказала она двум здоровенным овчаркам. Те как по команде сели, не сводя глаз со старушки. «Ну и бабка, — весело подумала Ефросинья Викентьевна, — нарочно не придумаешь».

Раиса Андреевна сейчас работала уборщицей подъездов в окружающих домах. А до этого была лифтершей в доме, где жила Ефросинья Викентьевна. Случалось, что бывшая лифтерша промышляла продажей водки после семи часов, но всегда выходила сухой из воды. И овчарок завела, чтоб какой пьяный не обидел ее ненароком.

— Чайку попьешь? — спросила Раиса Андреевна Кузьмичеву.

— Не откажусь. Только времени у меня мало, полчаса всего.

— Горяченький у меня, только-только заварил. — Раиса Андреевна суетливо ставила на стол чашки, вазочки с баранками и вареньем.

— Когда же в новый дом-то переедете?

— Какой уж мне новый дом! Мой новый дом там. — И она потопала ногами об пол. — В могилу пора. И от собак этих аллергия замучила. Только димедролом и спасаюсь.

— Сонная от него небось все время бываете?

— Зачем же? Я с умом. По полтаблеточки.

— Вы Игоря Лютикова знаете, Раиса Андреевна? Из дома двадцать?

— Это лобастенький такой? Ну, знаю. А что он?

— Давно видели его?

— Не, недавно. С неделю назад. Димедрол мне две пачки принес.

— Просили?

— Да нет, все знают, что я без димедролла не могу.

— Выпить просил?

— Не-е. Ну, что вы...

— Пьяный?

— Нет, трезвый. Ну, не шибко трезвый, но и не пьяный. — Она запуталась в этих определениях, но Ефросинья Викентьевна поняла: Лютиков протрезвел, но нуждался в «похмельке». Вот он со своей пятеркой и пришел к старухе за чекушкой. Пытать же Раису Андреевну, поила она или не поила, было бесполезно: во всех вопросах, которые касались ее подпольного шинка, старуха была тверже стали...

Проходя по коридору, Ефросинья Викентьевна увидела, что у дверей ее кабинета сидит Ольга Пузырева, которую она вызвала на три часа. Однако пришла она на полчаса раньше. «Волнуется», — подумала Ефросинья Викентьевна. Но пригласить сразу не стала, тем более, что ей надо было проинструктировать Валу Петрова, который улетал в Архангельск, чтоб обстоятельно изучить, что из себя представлял покойный инженер Николай Николаевич Варфоломеев.

Из допроса Ольги Пузыревой Ефросинья Викентьевна не узнала ничего нового. В сущности, она повторила слово в слово все то, что рассказала ее бабушка. Она, по ее словам, ничего не знала о коробочке с драгоценностями, которые Варвара Ивановна прятала в шкафу. Было похоже, что она увидела их впервые вместе с Ефросиньей Викентьевной. Ефросинья Викентьевна не попра-

вилась, было в ней что-то угодливо-льстивое, может быть, эта манера выработалась в процессе общения с клиентами.

Следом за Ольгой Ефросинья Викентьевна допрашивала ее семнадцатилетнего сына Виктора. Виктор нервничал, и Ефросинья Викентьевна подумала, что юноша по-своему был привязан к Варфоломееву, что вполне естественно, ведь он рос в семье, где были одни женщины.

— Учитесь? — спросила Ефросинья Викентьевна.

— Работаю. В автопарке. Слесарем. — После каждого слова он как бы ставил точку.

— Чем увлекаетесь? — Ефросинья Викентьевна задала этот вопрос, чтоб найти какую-то точку его интереса.

— Автомобилями.

— Скоро в армию?

— Да.

— Хотите быть шофером?

— Хочу.

— Хорошая профессия. — Ефросинья Викентьевна поглядела на Виктора. Он совсем не походил ни на мать, ни на бабушку. Те были женщины крупные, костистые, а Виктор не вышел ни ростом, ни статью. Хрупкий, как девчонка.

— Вы Варфоломеева в этот приезд видели?

— Нет.

— Вы что, поздно пришли?

— Нет. У приятеля был. На дне рождения.

— Поехали туда сразу после работы?

— Да. Ночевал там.

— Много выпили?

— Я много не пью. Живет далеко. В Беляеве.

— А что, Виктор, вы знали о драгоценностях, которые хранились в вашем доме?

— Ничего.

— Но вы слышали о них?

— Теперь услышал. На таких деньгах сидели... А жили... От полочки к полочке... Елеле.— Плохо скрываемая неприязнь была в голосе Виктора. Впрочем, понять это было можно.

— А какие у вас отношения с бабушкой? Виктор пожал плечами, и этот жест мог означать все, что угодно.

— Ну, все-таки?

— Не знаю...

— Ну, а с матерью вы дружите?

— А чего я с ней буду дружить? — искренне удивился Виктор. — Я ее и не вижу вовсе. — И Ефросинья Викентьевна почувствовала вдруг смущение. Ведь она своего сына Викентия тоже почти не видит. Только в сад по утрам отводит. А в остальное свободное от работы время — кухня, стирка, беготня по магазинам. Может случиться, что Вика, когда вырастет, тоже скажет о матери: «А чего с ней дружить?»

— Ну, она же о вас заботится, Виктор. Разве вы не любите мать и бабушку?

Виктор опять пожал плечами. «Обычная история в этом возрасте», — подумала Ефросинья Викентьевна.

Отпустив Виктора, она некоторое время сидела в печальной задумчивости. Заботил ее не ход дела, все шло пока нормально, собиралась самая разнообразная информация, собиралась достаточно оперативно, и через день-два можно будет проанализировать факты, уже составить рабочую версию. Разговор с Виктором навел Ефросинью Викентьевну на

невеселые размышления по поводу дел в ее семье. В семье Пузыревых, несмотря на кажущееся благополучие, нет духовных связей между ее членами, каждый сам по себе. У Виктора свои интересы, чуждые матери и бабушке, у Ольги свои, и лишь Варвара Ивановна объединяет их, потому что ведет хозяйство. В семье Ефросиньи Викентьевны тоже происходит какое-то разъединение. Вика с Аркадием гораздо ближе друг с другом, чем с ней. Вот вчера как легко победили они ее в вопросе с котенком. «Может быть, они уже не любят меня», — с печалью подумала Ефросинья Викентьевна. Вопреки обыкновению, она достала из сумки пудреницу не для того, чтобы поправить нос, а чтобы поглядеть на себя в зеркало. «Страшная я какая», — подумала она, разглядывая свое милое круглое лицо с ямочкой на подбородке и решительными синими глазами. Ефросинья Викентьевна пощупала палец, погладила им брови, чтоб были потемнее, облизала губы, чтоб были ярче. И поправила. Ей показалось, что так она выглядит симпатичнее.

...Придя домой, Ефросинья Викентьевна сама нежно поцеловала Аркадия, потом Вика и неожиданно для всех и прежде всего для самой себя погладила котенка, который вертелся у ее ног. Правда, тут же она нечаянно наступила ему на хвост, и котенок издал истошный вопль.

— Мама, — с упреком сказал Вика, — он же живой.

И Ефросинья Викентьевна поняла, что ее поцелуи ничего не изменили. Впрочем, пожалуй, нет, потому что Аркадий вдруг объявил, что чай они сегодня будут пить все вместе, а не порознь, как обычно.

— Сегодня же пятница, — добавил Аркадий.

И Ефросинья Викентьевна снова скисла, потому что по пятницам они всегда пили чай вместе, так как Вике не надо было утром идти в детсад и его укладывали спать несколько позднее.

Оказалось, что, кроме черной, тетя Тома сшила себе еще и кремовую креплешиную блузку. У этой ворот был заколот брошкой с блестящим камнем.

— У вас прекрасный агат, Тамара Леонидовна, — сказал Аркадий, целуя ей руку.

— Поднимай выше, Аркадий! — важно сказала тетя Тома, небрежно поправляя брошь.

— Ой, — фыркнула Нюра, — ты еще скажи, что это из коллекции фамильных драгоценностей. Чешская бижутерия, и Корнихина привезла тебе ее из Праги. А когда я предложила купить настоящую брошку, ты что мне сказала?

Тетка засмеялась.

— Ага! Ты сказала, что не мешанка, чтоб столько денег на себя цеплять. А деньги, между прочим, были, я тогда только что из экспедиции вернулась. Удивляюсь я тебе, тетя Тома, вроде бы из бывших, а ничего в тебе дворянского нет. Из мелкопоместных мы что ли, а?

— А! — передразнила тетя Тома Нюру и удалилась на кухню. В столовой был раздвинут стол, накрыт крахмальной скатертью, празднично поблескивала посуда.

— Знаешь, — пожаловалась Нюра, — с тетей Томой все же трудно. Она все время дразнится. Костя до сих пор, по-моему, не пони-

мает, когда она говорит всерьез, а когда дурака ваяет. Ты про паштет не забыла?

— Аркадий отнес на кухню. А, кстати, где Костя? Я его не видела еще.

— Костя печет блины,— спокойно сказала Нюра.

— Ой,— произнесла Ефросинья Викентьевна, точь-в-точь, как это обычно произносила Нюра.

— У него хорошо получается, гораздо лучше, чем у тети Тома.

— За стол, за стол,— сказала тетя Тома, входя в комнату и неся перед собой большую супницу, в которой были блины.

— Ура,— сказал Вика и первый полез за стол.— Мне побольше, ладно, тетя Тома? — попросил он.

— Не будь обжорой,— одернул Вика Аркадий.

— Всем хватит, всем, не волнуйтесь,— сказал Костя,— я штук сто, наверное, напек.

— Сто шесть,— заметила тетя Тома.

— Откуда вы знаете? — поразился Константин.— Вы же не все время были на кухне.

— Ты удивляешь меня, Костя. Я же математик. И не просто математик, а профессор. Я заметила, сколько времени ты пек и сколько тратил на один блин. А уж сосчитать — это не проблема даже для первоклассника.

— Выдумываете вы все, тетя Тома.

— Спорим,— тетя протянула ему раскрытую ладонь,— на ящик шампанского.

— Ой,— сказала Нюра,— вот гусарша! Да поспорь ты с ней, Костик! Разорится на ящик шампанского, будет знать, как людям голову морочить.

Константин спрятал руку за спину.

— Не буду. Так и так шампанское в доме будет. Я боюсь, что Нюрка сопьется. Она обо- жает шампанское.

Аркадий захохотал, а Вика сказал жалобно:

— Ну, дайте же блинчик-то, наконец.

Удивительное дело — блины; неслыханная скорость, с которой их съедают. Не прошло и двадцати минут, как уничтожили их все до единого. Надо заметить, что и паштет, приготовленный капитаном Кузьмичевой, был выше всяких похвал. Вика сидел, урча от удовольствия, и поглаживал живот, он не мог сдвинуться с места. Аркадий еле дышал.

Нюра приподняла крышку над супницей и закрыла ее.

— Все? — спросила Ефросинья Викентьевна.

— Все,— сказала Нюра и задумчиво добавила: — А странно, их ведь действительно было сто шесть штук.

Даже тетя Тома изумилась, но быстро взяла себя в руки.

— Откуда ты знаешь? — удивился Костя.

— Я из семьи потомственных математиков. Сосчитала. Гони шампанское, Костя...

— Не ври, не могла ты сосчитать. Ну скажи, как?

— Гони шампанское...

— Какие же обиралы и обманщики со- брались тут! — вздохнул Костя.

— Вот видишь, Костя, что получается, когда не прислушиваются к советам старших. Я предупреждала тебя: не женись на ней. Было? — назидательно спросила тетя Тома.

— Было,— честно признался Костя.— Нюрка, иди кофе варить,— сурово приказал он.— Ефросинья Викентьевна, ты убирай со стола, а мы с тобой, Аркадий, будем в шахматы играть.

— А мне что прикажете делать? — высокомерно спросила тетя Тома.

— А вы с Викентием займитесь. Бабушки и дети всегда находят общий язык.

— Викентий,— спросила тетя Тома,— хочешь, я с тобой по-французски поговорю?

— Я спать хочу,— ответил Костя. Глаза у него и впрямь смыкались.

— Дети, конечно, не моя стихия,— проворчала тетя Тома,— но надо обучаться. Пошли, я тебя у себя в комнате на диван уложу.

Вика, конечно, предпочел, чтоб его отнесли на диван на руках, но просить об этом величественную тетю Тому он не решился. На заплетаящихся ногах он кое-как добрался до дивана и тотчас же уснул.

Когда посуда была вымыта и убрана, кофе выпит, Викентий выспался и все досыта наговорился и нахохотался, Кузьмичевы пошли домой. Ефросинья Викентьевна испытывала приятную лень от длинного бездельного

дня. Ей не часто удавалось устроить себе такую передышку. И за сегодняшнюю она завтра будет должна заплатить достаточно напряженным днем: стирка накопившегося за неделю белья, покупка продуктов, приготовление обеда. Кроме того, надо привести в порядок одежду Вики, которая на нем прямо-таки горит. Короче говоря, завтра ей предстояло сделать по дому все то, что обычно она делала за два дня — субботу и воскресенье.

— Итак, что мы имеем? — спросил полковник.— Что мы знаем о личности Варфоломеева? Рассказывай, Валентин, что привез из Архангельска.

— Варфоломеев и сослуживцами и знакомыми характеризуется очень хорошо,— сообщил Петров.— Холостяк уже много лет. Из родных у него была только сестра, жила в Ленинграде, но год назад умерла. Он ездил на похороны. Злые языки говорили, что она оставила ему богатое наследство, потому что в Ленинград он уехал с портфелем, а вернулся с двумя большими чемоданами.

— Интересно! — оживилась Ефросинья Викентьевна.— А что было в этих чемоданах, злые языки не говорили?

— Говорили! — весело отозвался Петров.— Говорили, что там были книги и посуда.

— Квартиру осматривал? — деловито спросила Ефросинья Викентьевна.

— Осматривал.

— Ну и что?

— Обыкновенная холостяцкая квартира... Ничего особенного.

— А книги эти, посуда, что из Ленинграда. Это есть?

— Ну, откуда я знаю, что из Ленинграда, а что не из Ленинграда.

— Драгоценностей не заметил?

— Представьте, заметил.— Петров полез во внутренний карман пиджака и достал оттуда что-то завернутое в белую тряпочку, развернул и выложил на стол два золотых кольца, одно с янтарем, второе с небольшим бриллиантом.

Ефросинья Викентьевна взяла одно из колец, осмотрела и, положив обратно, сказала разочарованно:

— Современные...

Полковник тоже взял кольцо поглядеть.

— Да. А ты думаешь, что коробочка его была?

— Не знаю,— вздохнула Ефросинья Викентьевна.— Ольга и Виктор утверждают, что коробочку эту видели в первый раз. Пожалуй, я верю в это. И потом у них алиби. А Пузырева не похожа на убийцу... И зачем ей на старости лет богатство? Витя ушел в одиночку утром. Он не мог знать, что придет Варфоломеев. Ольга работала в две смены, ушла рано. А Варфоломеев приехал в пять часов вечера.

— А может, он дал знать заранее, что придет? — спросил полковник.

— Исключается. Командировка была неожиданной и срочной. С завода он сразу поехал в аэропорт,— сказал Валентин.

— Выяснили, от чего он скончался?

— Да,— сказала Ефросинья Викентьевна.— Выяснить-то выяснили. Отравление. Растением из семейства аконитов. Яд. Но в народе считается, что в гомеопатических дозах лечит. В частности, вроде бы приостанавливает развитие туберкулеза, некоторых злокачественных опухолей. Хотя официальная медицина не всегда это подтверждает. Данный вид малоизвестен. Поговорила я со специалистами, прочитала кое-что... Оказывается, чтобы отравиться настоем этого яда, не обязательно пить его. Брать в голые руки — и то опасно.

— У Пузыревых ничего похожего в доме не обнаружили?

Ефросинья Викентьевна пожала плечами.

— Эту штуку вообще трудно достать. Несколько мне удалось выяснить, растет только в районе озера Иссык-Куль.

— Надо искать, как это могло попасть в дом Пузыревых. А может, Варфоломеев до этого с ним соприкасался?

— Тогда б он умер раньше... Но чьи все-таки драгоценности?

— Да, трудно поверить, что их не трогали несколько десятков лет,— вздохнул Валентин.

«ЧТО ЗА ПРЕЛЕСТЬ ЭТИ СКАЗКИ!..»

Елена Ткачева в гостях у «Огонька».

Когда нынче тебе говорят: «сказочник», то представляешь либо эдакого бородатого деда, либо седую добрую старушку. Передо мной же миловидная молодая женщина с широко распахнутыми, веселыми голубыми глазами, — антриса Елена Ткачева.

Профессия сказочника встречается ныне довольно редко. «Я словно белая ворона на эстраде», — замечает артистка.

Однако же Елена преуспела в любимом деле.

Родина Лены — Куйбышев. Семья сугубо «техническая»: отец преподает в политехническом институте, старшая сестра — инженер. Но семнадцатилетняя девушка едет в Москву, поступает в Училище циркового и эстрадного искусства...

Опытный педагог Ганна Алексеевна Грановская — кстати, это у нее училась и ныне известная Жанна Бичевская — посоветовала Елене заняться сказкой для взрослых, сделать близкой современному слушателю, созвучной времени. Ведь во все века и у всех народов сказка говорит о любви и дружбе, о добром и злом, о жадности, глупости — короче, о том, что всегда волнует людей.

И вот на шестом Всесоюзном конкурсе артистов эстрады в Ленинграде, где председательствовал народный артист СССР Аркадий Райкин, второе место заняла Ткачева, первое же не было присуждено никому. С тех пор артистка особенно любит уральскую сказку «Как Иван-царевич на Елене Прекрасной женился». Еще бы — с ней выступала на конкурсе.

В исполнении Ткачевой сказки оживают, населяются разноликими, разнохарактерными героями; артистка перевоплощается то в скромную, застенчивую девушку, то в разбитную бабенку, что, подперев бока, власть бранится с мужем. Она и добра молодца представит и глупого мужика. Она умеет по-вадной, интонацией, любовно сохранным говором воссоздать время и место действия сказки. Наконец, она не только знает, но как бы видит своих героев и всю обстановку их жизни и с удовольствием позволяет нам поглядеть на них. Лукавинка, озорство, тонкий юмор превращают сказку в мини-спектакль.

Репертуар Ткачевой находится в сборниках русского фольклора — и старых и современных, больше всего сказок северных, сибирских, уральских... Иногда попадает сказка и у нынешних писателей. Но откуда бы ни взяла ее Елена Ткачева — сказка обретает новую, активную жизнь: становится доброй помощницей, умной советчицей. И вслед за великим поэтом хочется воскликнуть: «Что за прелесть эти сказки!..»

Л. НАТОЧАННАЯ

Окончание следует.

Театр теряет драматургов. Драматурги уходят в кино... «Белые Росы» А. Дударева, «Родня» и «Полеты во сне и наяву» В. Мережко, «Побег» А. Галина... Список растет день ото дня. И вот результат: в сезоне 1983—1984 годов только один «Мосфильм» выпустил свыше сорока фильмов о современности.

А что же ведущие московские театры? Театр имени А. С. Пушкина обратился к «Мотивам» М. Ворфоломеева, а Театр имени Евг. Вахтангова показал «Сезон охоты» сибирского прозаика и драматурга В. Осипова. Вот и все. Других — о нынешнем дне — премьер не было. Даже МХАТ и Малый театр не дали в этом сезоне ни одной современной советской пьесы.

Сложилась парадоксальная ситуация. Почти нет достойных пьес о современной армии, сегодняшних задачах, проблемах, героях. Киносценарии есть, но они «закрыты» для сцены, ибо в большинстве своем уже экранизированы. Да и о них особая речь. Появился, к примеру, талантливый фильм Никиты Михалкова «Без свидетелей». Но как же эта

приходится учитывать что угодно: грядущие юбилеи в жизни страны, театральные фестивали, которые в последние годы проводятся особенно часто, наконец, интересы ведущих актеров, имеющих право на «бенефис»...

Опять-таки кино предоставляет большую свободу. А у драматурга нет выбора: он идет туда, где его ждут. Он, возможно, вернется в театр рано или поздно. Но многие произведения для театра уже безвозвратно утрачены.

Вернемся снова к минувшему театальному сезону в Москве. К репертуару.

Афиша не обнадеживает. Новых пьес, как уже сказано, мало. Но самое главное — почти нет новых имен.

Это поразительно. Всесоюзный семинар одноактной драматургии в Рузе, проводившийся осенью прошлого года, и всесоюзный семинар драматургов в Пицунде, состоявшийся минувшей зимой, дали в целом неплохие плоды. Журнал «Театральная жизнь» подробно рассказал о лучших драматических произведениях, показанных в Пицунде, и опубликовал краткие аннотации. Сейчас, когда начался новый сезон, мы полюбопытствовали: какие же пьесы взяты театрами столицы?

Ни одной.

А есть ли надежды? Пока их нет.

Пьесы молодых драматургов по иронии судьбы сегодня все чаще и чаще становятся «пьесами для чтения». Театры только в исклю-

понимает, что один в поле не воин. И хотя вокруг него люди, которым лесные богатства также дороги, но он не знает, поддержат ли его — человека пришлое и молодого — деревенские мужики. Поверят ли ему, разгадают ли его чаяния... Но такова жизнь: если ты поступаешь по совести и твоё дело отвечает интересам людей, у тебя неизбежно появятся сторонники. Ворфоломеев верит в мудрость и восстает против трусости: он убежден, что разум восторжествует и лес будет спасен. Театр его веру поддерживает. Это спектакль-дума о людях и о завтрашнем дне.

Что значит положительный герой? Театр имени А. С. Пушкина отвечает: это человек, который еще не научился говорить правду. Честно и прямо говорить, о чем он думает. И поступать, как диктует совесть. Чего бы ни стоило.

А мы говорим: «безгеройное» время, внутренняя усталость и т. д. и т. п. Но ведь героизм не перевелись! А потому и жизнь дарит нам все новые и новые неожиданности. Новые проблемы. Новые конфликты. Нельзя делать вид, что их нет, — мы их не замечаем.

Разумеется, пробы в репертуаре необходимо чем-то компенсировать. И в этих случаях театры обращаются к классике.

Ныне в репертуаре московских театров четыре «Живых трупа», три постановки «Без вины виноватых», три «Ревизора», два спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» и еще два спектакля «Господа

Со знаком минус

театр

пьеса оказалась на экране? Ведь сначала Никита Михалков репетировал ее в Театре имени Евг. Вахтангова и уж только потом, когда возникли производственные сложности, перенес свою работу в павильоны «Мосфильма».

Итак, кино составляет конкуренцию театру. Однако кризис современной социальной драмы (я настаиваю на слове «кризис», будем называть вещи своими именами) — явление гораздо более сложное. Нельзя объяснять драматургические беды только конкуренцией экрана, хотя факт есть факт: с экрана на сцену пьесы уже не возвращаются, они потеряны для театра на много лет вперед. Причем это вовсе не значит, что в театре все плохо, а в кино, наоборот, все хорошо. Но если говорить об успехах советского кинематографа последних лет, то сразу обнаруживаешь поразительную закономерность: они тесно связаны с именами театральных драматургов. Сценарии рождаются из пьес: театры же эти пьесы отвергли либо с ними просто не справились. И получается: радостно за кино, но не радостно за театр, особенно в этом году.

Что же влечет драматургов в кино? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Но я все-таки скажу: гарантия работы.

Репертуарный план театра создается на несколько лет вперед. Согласовывается. Утверждается. Выстраивается длинная очередь пьес. Тут надо запастись терпением. А пьесы тем временем теряют свою новизну. А бывает, что утрачивают и актуальность: ведь время идет...

В кино выгоднее. Продуктивность «Мосфильма» не идет ни в какое сравнение с интенсивностью работы всех московских театров, вместе взятых: она в несколько раз выше. А ведь есть еще и другие киностудии. И еще одно немаловажное обстоятельство. В театре личные интересы режиссера не всегда совпадают с интересами самого театра. Когда в год выходят всего две-три новые постановки, тут

чительных случаях работают с авторами. Заключать с молодыми драматургами творческий договор театры опасаются: молодо-зелено, вдруг подведет, хотя репертуарные отделы министерств культуры СССР и РСФСР работают с творческой молодежью много и охотно.

Театрам предлагают готовые пьесы, но они редко принимаются безоговорочно. Чаще всего тут же встает вопрос о переделках, но теперь уже упрямится автор: он не для того долго и настойчиво работал над пьесой с редактором, чтобы все началось с нуля.

Исключение составляет, пожалуй, только Театр имени Ленинского комсомола. Почти все современные пьесы рождались непосредственно в театре. Так, театр показал пьесу В. Черных и М. Захарова «Проводим эксперимент», и спектакль получился интересный, неожиданный, тонко и остроумно говорящий о судьбах «производственной темы» на наших сценах. Но от социальной проблематики спектакль Театра имени Ленинского комсомола далек.

А где же спектакли, которые ставят действительно актуальные вопросы жизни нашей страны, государства, смело и правдиво решают насущные внутренние проблемы? «Мотивы»? Да. «Сезон охоты»? Пожалуй. И Моты, список исчерпан. Ничего «сверх» этой «программы» в театральном сезоне не было.

Я бы не стал ставить «Мотивы» в один ряд с «Сезоном охоты». Тем более что пьесы имени Вахтангова прочитал «Сезон охоты» так, что, сам того не желая, вступил в конфликт с автором пьесы. Ибо пьеса интереснее.

А вот работа Бориса Морозова в Театре имени А. С. Пушкина внимания заслуживает: в «Мотивах» постоянно присутствуют как бы два плана — внешний и внутренний. Так «обесценивается» психологическое насыщение сюжета, который предлагает М. Ворфоломеев... Может показаться, что «Мотивы» посвящены энологическим проблемам. Это не так. Энология, конечно, важна. Но кто защитит человека, защищающего природу? Федор Столов, главный герой пьесы Ворфоломеева, прекрасно

Головлевых». Поставлен Лесков. Ставится «Идиот».

Между тем наступил юбилей Лермонтова. Театры отнеслись к этому равнодушно. А когда последний раз в Москве шел «Маскарад»? Мое поколение «Маскарад» в Малом театре уже не застало. Тем более — знаменитый спектакль Юрия Завадского с Мордвиновым — Арбениным. А «Испанцы»? Кто и когда их видел последний раз на сцене?

Парадокс? Едва ли... О романтическом театре мы знаем сегодня понаслышке. Молодые актеры имеют весьма отдаленное представление о том, что такое романтическая драма. Молодые режиссеры опасаются ее ставить. А ведь в театре (особенно в актерском искусстве) традиции живут только до тех пор, пока они перед глазами. Как правило, актеры не «изучают», а наблюдают театр. И на этих наблюдениях учатся. Теряя традиции, мы опять-таки теряем репертуар. Жанровый диапазон современного театра необычайно узок. Сегодня практически не ставится вся «Библиотека драматурга», изданная у нас в стране немалым тиражом. Что, разве Лермонтов не актуален? Но не думаю, что пьеса Островского «Без вины виноватые», которая, напомним, идет в трех столичных театрах, сегодня как-то особенно актуальна. Недавние постановки «Без вины виноватых» показали, что слепое следование традициям малоинтересно.

И тем не менее четыре «Живых трупа» на столичной сцене — не многовато ли? Этот вопрос возникает сам собой, без всякой претензии на оригинальность. Существуют, вероятно, какие-то особые причины, которые заставляют театры обратиться именно к этой пьесе Л. Н. Толстого, а не к «Власти тьмы», например. Но об этом можно только гадать.

Вот и выходит, что мы обращаемся к классике лишь потому, что «не находим» достойного современного материала. А между тем есть хорошие пьесы! Всегда были и будут.

КОШКИ - МЫШКИ

Олег ПЕТРИЧЕНКО

Мохнатые предки Алтын пасли овец на горных склонах Копет-Дага и никогда не дружили с кошками.

Алтын (по-русски — золото) жизнь забросила в городское поднебесье — на последний этаж высотного ленинградского дома, где волею судеб ей пришлось стать первой и единственной в мире туркменской овчаркой, охраняющей... две с половиной тысячи кошек!

Собственно говоря, живых кошек, противных ее собачьей природе, среди них одна — бывшая одесская беспризорница Тютка.

Ну, а к остальным отношение как к овцам — лениво-добродушное. Благо хлопот, надо отдать им должное, не доставляют.

Единственная докуча — гости. Ладно бы на нее приходили посмотреть — как-никак в личной коллекции Алтын девять золотых медалей, заслуженных на самых представительных собачьих выставках.

Но гостей, если честно, куда больше интересует коллекция хозяина — известного ученого В. М. Массона — те самые две с половиной тысячи кошек, заполонивших все пространство двухкомнатной квартиры.

Собрались они сюда со всех концов света — из Японии и Дании, Индии и США, Вьетнама и Англии... Вадим Михайлович (он доктор исторических наук, заведующий ленинградским отделением Института археологии АН СССР) часто бывает в разных странах и из каждой поездки в качестве сувенира обязательно привозит всевозможные книги, открытки, игрушки, статуэтки, посвященные кошкам или их изображению. Прибывают они, что называется, и своим ходом — увлечение Массона известно многим коллегам, да и не только им.

Любопытны истории уникального ручного работы ковра с кошачьим сюжетом, многих фарфоровых, бронзовых статуэток...

— Любопытна прежде всего история самих кошек, — уточняет Вадим Михайлович. — Они занимают особое положение в жизни людей. Начало их дружбы с человеком восходит еще к неолиту, когда впервые появились посевы зерновых культур и возникла необходимость охраны хлебных запасов от грызунов. Останки домашнего кота были обнаружены в слоях VII тысячелетия до нашей эры в раннеземледельческом поселении в Иерихоне (Палестина). Предком такого кота была степная кошка, длинноногая, сухая и поджарая. Ее часто можно видеть на живописных панно древнего Египта, откуда кошки попали в древнюю Грецию. В Европе потомки «египтянок» встретились с местным лесным котом, приземистым, привык-

шим лазать по деревьям больше, чем сканать по глинистой пустыне. Соответственно климатическим условиям он обладал и более густой шерстью, защищавшей его от холодов. Отсюда ведут начало многие породы домашних кошек.

...Честно говоря, я в свое время считал, что коты — это измучившие потомки благородных тигров. В нашей огромной коммунальной квартире их было, как в джунглях, — в каждой комнате свой.

Замечательные коты окружали меня в детстве. Незабвенный Аркадий терпеть не мог мужских шляп и дамских чулок. Он обычно охотился в прихожей, где выжидал шляповладельцев, сидя на шкафу. А погубили его женщины. Капрон в те годы был редок и дорог. И хоть Аркадий, не любивший синтетики, ухитрялся спускать чулок от колена до пятки, не повреждая кожи, посягательства на моду дамы ему не простили — выгнали.

Вегетарианец Луис Первый больше всего на свете любил помидоры. Без соли. Разрывал их лапами и, блаженно жмурясь, утопал мордой в алой мякоти. Навероятно огромный, угольно-черный Чарли, видать, начитался где-то Эдгара По. И шутил небезобидно: используя своеобразную вентиляционную систему старого дома, по ночам делал вид, что он привидение, периодически являя свой лик на разных этажах сквозь отверстия вентиляционных решеток...

Много разных котов было в моем детстве. Не было только безликих.

— Своеобразие котов безусловно, — подтверждает Массон. — Не случайно поэтому столь прочно вошли они в историю человеческой культуры. Преобладает образ кота как символа домовитости, благополучия, домашнего уюта. Именно таков пушкинский кот, который и песни поет и сказки рассказывает. Однако хорошо был известен и независимый характер этого животного, его энергия, бойцовские качества. Бодрый, энергичный кот лучше всего отражен в неувядаемой сказке Шарля Перро о коте в сапогах. Вместе с тем кошачья независимость, которая часто весьма активна и не ограничивается носыми взглядами с рассерженным прищуром, а доходит до ногтей и зубов, ведет к другому образу — злой кошки, преимущественно черной, сопровождающей демонические силы, участвующей в бесовских шабашах.

Похоже, что о котах Вадим Михайлович может рассказывать бесконечно, иллюстрируя сказанное экспонатами своей богатейшей коллекции. «Котологических» материалов у него явно на вторую докторскую, и, право, жаль, что все услышанное до сих пор не записано — книга могла бы получиться преинтереснейшая. Собст-

венно, подобные предложения ему уже поступали не раз, но время, время, — где взять его... Так что книги пока нет, а есть полусуточные, систематизированные по разделам заметки: коты в литературе, живописи, науке, знаменитые коты и т. д.

Читаешь их и диву даешься: право же, не на китах, а на котах мир держится.

Они не только спасли наших предков от агрессии мышей и голода, но им мы, например, обязаны открытием йода. Им — это коту французского химика Бернарда Куртуа, который, сидя на плече своего хозяина, неожиданно спрыгнул на бутылки с реактивами, разбил их, и смешавшиеся жидкости, испаряясь, образовали так хорошо знакомые сейчас кристаллы с металлическим блеском и едким запахом.

В общем, заслуги этих животных несомненны. Англичане поставили коту памятник в Лондоне. Швейцарцы в позапрошлом году открыли специальный музей. А древние египтяне в свое время пошли еще дальше — вообще обожествовали: по одной из мифологических схем их верховное божество Ра выступает в образе огненно-рыжего кота.

Воистину велик Его Величество Кот. Ну, а чем покорило он сердце ленинградского ученого?

— Все началось с отца — действительного члена Академии наук Туркменской ССР Михаила Евгеньевича Массона, — улыбается Вадим Михайлович. — Когда я защитил кандидатскую, он преподнес мне символический подарок — отчеканенную из бронзы кошечку с цветком в зубах. Ну а там пошло-поехало: чем больше узнавал про них, тем больше увлекался...

Увлекайся, право же, есть чем. И все же вслед за восхищением легкое чувство грусти охватывает каждого, кто знакомится с коллекцией Массона. Изумительно выглядят на фотографиях отлично снятые изящные коты и котята. Самых разных пород, расцветок, очертаний.

Увы, в нашей повседневной жизни это великолепие встречается крайне редко. Многочисленные «персидские», «ангорские», «сибирские» и прочие мохнатые красавцы, обитающие у немногих счастливых, скорее результат случайности, нежели планомерного, продуманного скрещивания, а тем паче породы. В большинстве своем мы довольствуемся обычными «дворняжками», ежели выражение это применимо к котам, и при всем уважении к ним должны за-

метить, что утрата породы даром не проходит.

Хиреет кот — крепчают мыши. Да ладно бы только мыши; крысы — вот истинная беда современных мегаполисов. Их челюсти перемалывают все мало-мальски съедобное, вплоть до пластмассы. По их вине (перегрызают провода) происходит немало пожаров, убытки от которых — уже достаточно серьезная экономическая проблема. А размерами крысы пошли такие, что нынешнему беспородному коту с ними в одиночку не совладать, надо или уж товарищей звать на подмогу, либо человеку выходить с ружьем. А нужен, ох как нужен кот-крысолов с хорошими бойцовскими качествами, соответствующей статью. Ибо жизнь доказывает: как ни совершенствуй человек ловушки, какую электронику супротив грызуна ни приспособлявай, — лучше кота ничего придумать невозможно.

Только где его, хорошего, взять? Сегодня нетрудно выбрать собаку с прекрасной родословной, трудно, но возможно раздобыть говорящего попугая, при большом желании можно заставить обезьяну, при очень большом — крокодила или льва. А вот истинно породистого кота, тем более с родословной, не достанете ни за какие деньги. Нет их, как нет и организаций, официально (наподобие клубов служебного собаководства) занимающихся разведением, выращиванием, культивированием породистых котов.

Кстати, а сколько на свете пород домашних кошек?

68, уточняет последнее (за 1983 год) издание «Ларусса». И называет такие неслыханные диковины, как священный бирманский кот, мяу египетский и даже... голубой русский (считается, что был привезен в Англию около 1860 года морем из Архангельска!).

Закрываю энциклопедию и гляжу за окно во двор, где из мусорного бака вылезает отнюдь не священный, далеко не египетский, явно не голубой и весьма потрепанный жизнью кот. Да, этого за границу морем не вывезут...

Однако будем оптимистами. И будем надеяться, что не дадут наши энтузиасты совсем уж захиреть кошачьему роду. И что вслед за многими обществами любителей аквариумных рыбок, кактусов и тому подобного появится у нас и общество любителей кошек. А впоследствии, возможно, и свой музей, основой которого вполне могло бы стать замечательное собрание ленинградского ученого В. М. Массона.

ЖДАТЬ СВОЕГО ЧАСА

МОНОЛОГ

Мы, женщины, такой народ — нам всегда чего-то не хватает. Вот умная, образованная, ушла в науку, прочат блестящее будущее: через десять лет Софья Ковалевская, через двадцать — Мария Склодовская-Кюри. Нет, мало! Ей еще и семью подавай! Или наоборот: красивая, очаровательная, Софи Лорен, Анна Каренина, муж — директор мясокомбината, ребенок — международный гротескмейстер. Опять недовольна. Ее, видите ли, на трудовые подвиги тянет!

Лично я их, женщин, понимаю. С одной стороны, у нас полная эмансипация. Особенно в строительстве и дорожных работах. С другой — некоторые скрытые отличия между мужчиной и женщиной еще сохранились. Мужчина может углублять свой интеллект не только играя в домино, но и сидя на трибуне стадиона. А мы, представительницы слабого пола, лучшая половина человечества, после изменения семейного положения умственно развиваемся только на больничном с постельным режимом. Ходячим женщинам не до этого.

Моя бывшая подруга Маша, невзирая на семью и свекровь, поступила в аспирантуру. А думаете, как? Попала в больницу и зубрила там между капельницей и токами Бернара.

Или вот соседка Люся. Осенью попала под мотоцикл. Полгода ее собирали. Зато к концу срока кандидатская в кармане.

И коллега Татьяна Антонова на ровном месте упала, но удачно: двойной перелом. В результате — уважаемый человек, доктор наук, профессор.

А я и сивозиями устраиваю, и концентратами питаюсь, и на светотворные ноль внимания, и в гололед на работу бегом... Ну хоть бы что! Не то что контузию — насморк заработать не могу. И внутри не колет, не ноет, не режет, не жжет.

Вот и получается: ни одного предложения, ни одного внедрения, ни одного закона природы не открыла. А что делать, милые мои? Остается ждать. Ждать своего часа. Может, и мне когда-нибудь повезет.

Минск.

«АХ, ЭТА МУЗЫКА, МУЗЫКА, МУЗЫКА...»

Фельетон под таким названием, опубликованный в № 1 за 1984 год, вызвал бешеную читательскую почту. Видимо, давно назрела необходимость поговорить всерьез о музыкальных ансамблях в ресторанах.

Преподаватель вуза А. Антонов в своем письме пишет: «В большинстве столичных ресторанов ансамбли играют очень буднично, скучно, без вдохновения, а самое главное, так громко, что музыка теряет смысл. Создается впечатление, что они выполняют однообразную, тягостную для них работу. И в зале это очень чувствуется. Безликое исполнение не может создать праздничное настроение.

Мне могут возразить, что ансамблям ежедневно приходится исполнять один и тот же репертуар, а это очень утомительно. Но, во-первых, почему один и тот же? Ведь каждый музыкальный коллектив способен иметь по две-три программы...

И еще одно. Возможно, для постановки музыкальных программ коллективам Московского объединения музыкальных ансамблей стоит уделять больше внимания режиссуре. Тогда и песни будут подаваться более театрально и без затяжных «совещаний» после каждого исполнения».

А вот письмо инженера А. Жарнова: «На мой взгляд, правильно ставятся в фельетоне вопросы улучшения репертуара и качества исполнения. Но мне хотелось бы сказать еще об одном аспекте этой темы. Исполнение песен по заказу за соответствующую плату гримируется теперь под поздравления с днем рождения. Например, сейчас часто можно услышать, как один из музыкантов три-четыре раза за вечер поздравляет какую-то Свету или Таню с днем рождения и ансамбль исполняет для нее песню. Если бы это делалось безвозмездно, то одного поздравления было бы вполне достаточно».

К сожалению, иногда еще случается, что музыканты чувствуют себя в ресторане посетителями и пьют с ними наравне. В результате с эстрады звучат такие шуточки, как я однажды слышал в ресторане «Витязь»:

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«Исполняем песню «Цыганский хор». Солист — двоюродный брат Аллы Пугачевой». Считаю, что музыканты должны вести себя корректно, с достоинством, как и подобает артистам».

Аспирантка МГУ О. Михайлова предлагает:

«...Почему бы не сделать тематические программы? Например, посвященные определенному стилю музыки или творчеству того или иного композитора. Не совсем понятно также, почему почти нигде уже не встретишь ансамблей, в состав которых входили бы скрипка или духовые инструменты. Ведь наличие этих инструментов только обогатило бы репертуарные возможности коллективов».

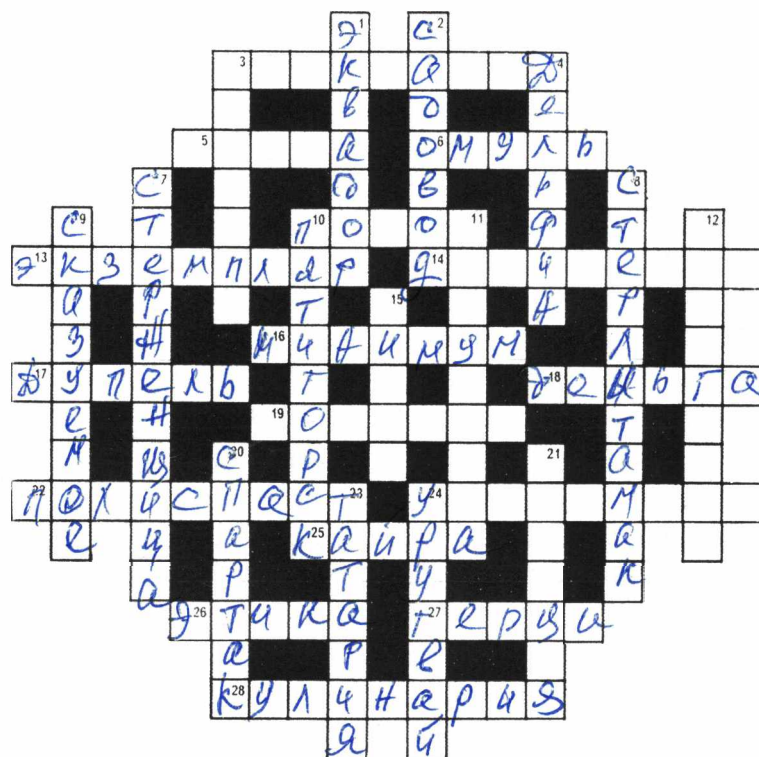
Мы опубликовали только несколько наиболее характерных читательских откликов. Читателей можно понять: им хочется, чтобы в ресторанах вечером действительно были условия для отдыха.

Получили мы и официальный ответ из Московского объединения музыкальных ансамблей. Директор объединения В. В. Семенов сообщил, что деятельности объединения в последнее время уделяется большое внимание со стороны партийных органов и Главного управления культуры исполкома Моссовета.

В объединении, в том числе и руководстве, произошли серьезные кадровые изменения, расформированы как не отвечающие предъявляемым требованиям 19 музыкальных коллективов, многие музыканты освобождены от работы, 120 направлены на учебу в различные специальные учебные заведения.

Вместе с тем за последнее время созданы 12 фольклорных программ. Сейчас ведется работа по постановке еще 7 новых тематических концертных программ.

В. СЛУЦКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Герой романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 5. Спортивная гребная шлюпка. 6. Ценная промысловая рыба, обитающая в Байкале. 10. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 13. Отдельный предмет из ряда подобных. 14. Итальянский скульптор, представитель раннего Возрождения. 16. Наименьшее количество. 17. Болотный бенас. 18. Денежная единица в Древней Руси. 19. Ягодное растение, растущее в тундре. 22. Грузоподъемное устройство из системы блоков. 24. Прибор для измерения скорости ветра. 25. Морская полярная птица. 26. Наука о морали и нравственности. 27. Единица магнитной индукции. 28. Искусство приготовления пищи.

По вертикали: 1. Государство в Южной Америке. 2. Специалист по выращиванию фруктовых деревьев. 3. Персонаж в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама». 4. Северное созвездие. 7. Формовщик литейного производства. 8. Город в Башкирии. 9. Член предложения. 10. Курорт в Ставропольском крае. 11. Русский советский скульптор. 12. Нераздельность, единство. 15. Басня И. А. Крылова. 20. Балет А. И. Хачатуряна. 21. Выпуск в обращении бумажных денег. 23. Автономная советская республика. 24. Река в Бразилии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 5. Сабуров. 7. Блоннот. 8. Кедров. 9. Лифт. 10. Изотоп. 12. Колмогоров. 14. Сукно. 15. Якорь. 16. Ахен. 17. «Воевода». 18. Семинар. 19. Бега. 23. Олово. 24. Ижора. 25. Мусоргский. 28. Янонис. 29. Кони. 30. Тертер. 31. Забелин. 32. Авиация.

По вертикали: 1. Байдарка. 2. Древко. 3. Домино. 4. Поступок. 6. «Вельможа». 7. Бетховен. 8. Консерватория. 11. Пульверизатор. 12. Космодром. 13. Вяземский. 19. Бабочкин. 20. Акустина. 21. «Кориолан». 22. Золотник. 26. Упсала. 27. Иттрий.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Депутат Верховного Совета СССР электросварщица Сажи Умалатова и ее дочь Илона. (См. в номере материал «Искры и пламя».)

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Председатель совета корпуса В. Желтухин вручает орден и символический ключ от нового дома бригадиру КМСО № 16 В. Ханину. (См. в номере материал «Дом и коллектив».)

Фото Э. Эттингера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономика быта — 250-38-17; Познания — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 27.08.84. Подписано к печати 11.09.84. А 00419. Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 719 000 экз. Изд. № 2410. Заказ № 3349.

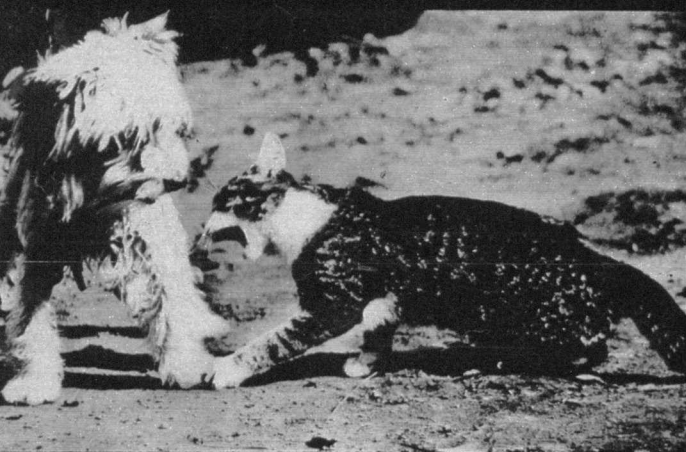
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Сельский кузнец. Фото Ю. Коренько. Белгород.

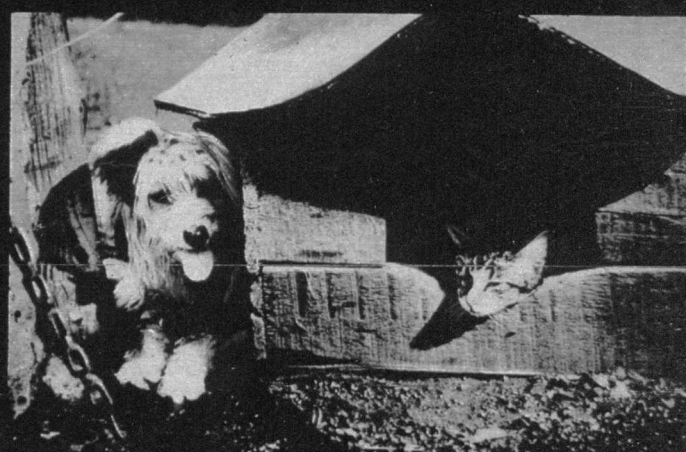
Трудная нефть. Фото Ю. Кельдина. Алма-Ата.

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

◀ Кошкин дом.

Фото В. Богдановского. Челябинск.

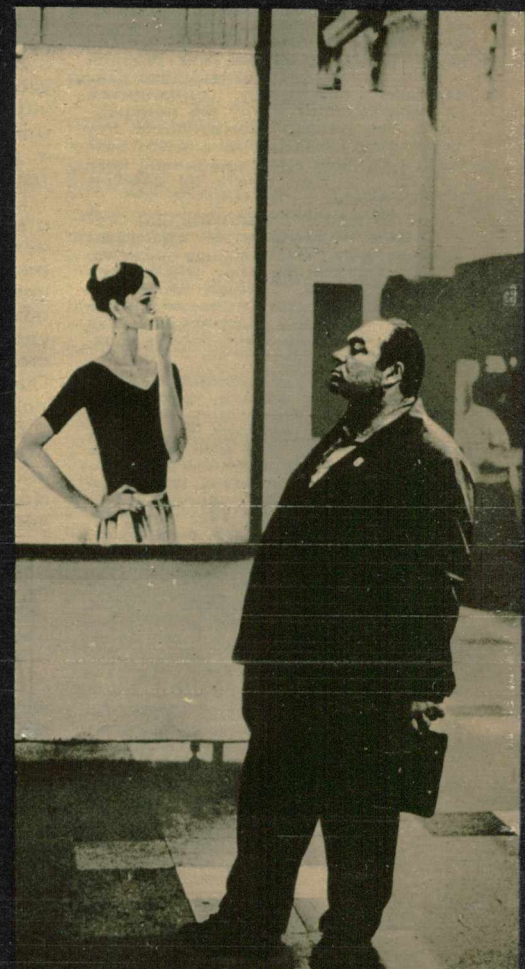
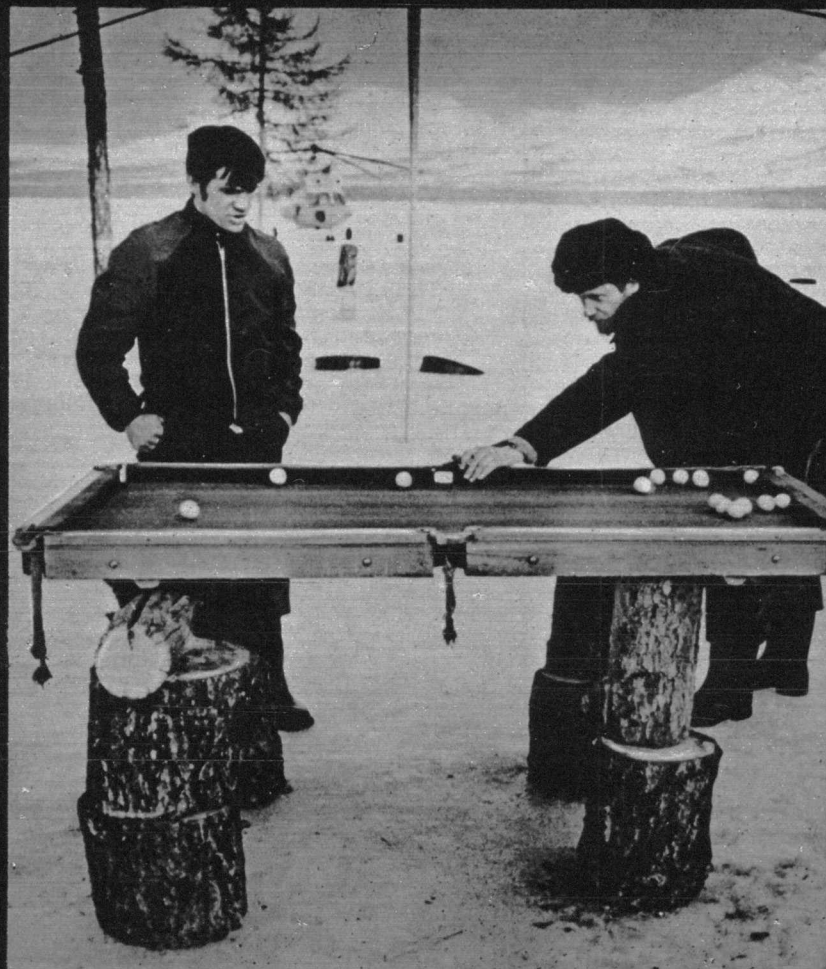

БАМ. На дальней точке. Фото Ф. Машенко. Чита.

На выставке. Фото А. Ковтуна. Москва.

Перед конкурсом балльных танцев. Фото А. Самошкина. Тамбов.

Удача. Фото Л. Грубинскаса. Паневежис.

Утренние новости. Фото А. Толкачева. Могилев.

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

